

Магжан Жумабаев

ИСПОВЕДЬ

Перевод с казахского Ауэзхана Кодара

Петропавловск 2011

Книга издана по инициативе и при поддержке акима Северо-Казахстанской области Серика Билялова.

Составитель Карибай Мусырман.

ББК84(5Каз.)-4 Ж88

Ж 88 Жумабаев Магжан. Исповедь./Перевод и примечания Ауээхана Кодара. Петропавловск 2011 -400с.

ISBN 9965-32-766-1

В сборник классика казахской литературы Магжана ЖУМАБАЕВА вошли его стихотворения и поэмы, а также рассказ «Прегрешение Шолтан». Из наследия М.Жумабаева видно, что он органично впитал в себя не только восточную и западную традиции, но и лучшие образцы русской литературы «серебрянного века», представленного именами Блока. Бальмонта. Мережковского Известно, что он дружил с Брюсовым. Есениным. Это говорит о том, что творчество Жумабаева работает на диалог литератур России и Казахстана, способствует сближению казахского и русского народов, перевод в таком объеме предлагается впервые и рассчитан на широкие слои гуманитарной молодежи.

ББК84(5Каз.)-4

ISBN 9965-32-766-1

© Кодар А.А. перевод, 2011
©Мусырман К.И.,составление, 2011

АЛЕКСЕЙ ДАВЫДОВ,
доктор культурологий
(Институт социологии РАН, Москва)

КОГДА Я ЧИТАЮ МАГЖАНА...

Стихи выдающегося поэта в подаче
выдающегося переводчика

С рождения плыву я против волн.
Магжан Жумабаев. Исповедь.

14 августа 2008 года. Я включил компьютер и вошел в Интернет - Ауэзхан Кодар прислал мне черновики своих переводов стихов Магжана Жумабаева, казахского поэта, расстрелянного НКВД в 1938 г. Сборники Магжана выходили очень давно, в 1912, 1922 и 1923 гг. в Казани и Ташкенте. Но я получил ранее не переведившееся на русский. Сразу вспомнил стихотворение Ауэзхана «Вечер памяти — 93». Оно о Магжане. Подчеркнуто гражданская позиция. И грусть, боль за страну, презрение к «дельцам от культуры». Еще тогда подумалось — откуда эта интонация? Прочитав переводы, я понял — она из Магжана.

Неужели Жумабаев так мало написал? Я попросил Ауэзхана прислать еще. Ответ был — больше пока не перевел. Я читал, хотелось читать еще и еще. И приходило понимание - сегодня рождается для меня выдающийся казахский поэт. Прочитав даже то немногое, что перевел Кодар, я увидел грандиозный масштаб личности поэта. Масштаб, который русской критике еще предстоит оценить.

Погиб поэт. Пал оклеветанный. Ему было 45. Разделил судьбу многих русских поэтов. Сколько шедевров он мог бы еще написать!..

...И вот сегодня я держу в руках долгожданную книгу «Магжан Жумабаев в переводах Ауэзхана Кодара». Это

историческое событие. Я уверен: сегодня начинается новый путь Магжана к российскому читателю, к его всероссийскому признанию. Даже то, что уже доступно для чтения, по яркости таланта, художественному мастерству, видению логики человеческого в человеке, смыслу гражданского подвига позволяет поставить Магжана Жумабаева в один ряд с Пушкиным и Лермонтовым.

Поэзия, устремленная к свободе

Бесподобен шедевр «Исповедь» с рефреном «С рождения плыву я против волн» и страстным диалогом поэта со своим бунтующим сердцем. Сравнивая себя то с солнцем, то с огнем, то с ветром, то с пустыней, то с любовью, он остается преданным единственному — своей поэтической сущности...

Великолепно «Слово хромого Тимура». Я отчетливо вижу грозного вождя — как он спорит с Богом. Земли людей, своей земли он не отдаст никому, даже Богу. Спорить с Богом (!) это и сегодня-то не принято, а тогда...

Удивительно стихотворение «Пророк», протестное, антисталинское, антибольшевистское, написанное с позиции ценности личности - до такой высоты и ясности гражданского протеста не поднялся ни один поэт во всей русской литературе...

А какое сильное стихотворение «Я от солнца рожден» - как будто ожил пушкинский узник, герои Байрона и Лермонтова заговорили со мной новым языком. Язык сочный, солнечно-полынный, пахнет ветром и бешеной скачкой. Жить бы поэту в эпоху «бури и натиска»...

Читая Магжана, я слышу лермонтовского героя: «Весь мир против меня. Как я велик!», вижу былинного богатыря восточных эпосов, вобравшего в себя весь мир, защитившего его собою и... распахнувшего свою легкорайшную душу - люди, я всего лишь один из вас. Все в поэте свежо, бесстрашно, самобытно. А как размашист, как щедр он в художественных средствах.

Влюбившись в эти стихи, становлюсь я сердцем Магжана

- пылающим и сражающимся, честным и слабым, влюбленным в жизнь и ненавидящим лукавый ум, озадаченным тем, как жить, когда кругом ложь, и вопросом - способны ли потомки видеть в стихах памятник нерукотворный.

Завороженный образами Магжана, я невольно примеряю их на себя. Становлюсь огнем опаляющим. Солнцем смеющимся. Луной околдовывающей. Водю, завораживающей музыкой журчанья. Безумным влюбленным, сгорающим на углях глаз. Поэтом, рыдающим кровью, когда не остается слез. Добровольным нищим.

Пиршество поэтических красок, карнавал образов, какая-то беспощадная мужественность ритма — пьянят меня, как будто я встретился глазами с самой честностью, которая вдруг захотела пересотворить мир. Радость ударяет в артерию и бьется там чистым пульсом. Я дерзкий язычник, храбрый степняк, гроза толстопузых, ленивых, лживых, развратных — знающий не знающий меры и слагающий поющий потрясающие стихи. Летят в степь стихи Магжана. Чисто и радужно вокруг них. Неложь успокаивает душу. Истекает песок сквозь ладонь. Ветер обнимает стихи. А солнце, став сердцем, пылает поэзией. Ожемчужена, осеребрена, озолоченарифма.

Магжан — это весть о том, какой может быть поэзия, устремленная к свободе.

Поэзия, распятая Россией

Поэт жил в России — сталинском гетто, когда одни миллионы погибали в лагерях, а другие миллионы сознательно, весело, либо из страха поддерживали это преступление против человечности. Одни укрепляли единую и неделимую Россию под песни Дунаевского и марши Новикова, другие молча гнили в лагерях. Это была Россия Сталина и его палачей, в стране царило духовное рабство. Люди боялись людей. Боялись жить.

И Магжан — это трудно сегодня представить — своим порывом к свободе бросил вызов атмосфере террора и рабства. В основании каждой его рифмы достоинство личности:

Я грозный лев, кто сдержит мой напор?
 Я тигр, который устрашает взор
 Я в небе туча, на земле - буран,
 Бушующий с равнин до самых гор

Я в небе солнце, чьи лучи щедры,
 Сын космоса, я ваш лишь до поры
 Я океан без берегов и дна,
 Я весь приволье, нега и порыв

Весь пламя я, ожгу, поберегись,
 Я тот скакун, быть ровней с коим—риск!
 Пусть небо рухнет, иль земля - во прах,
 Я усмехнусь лишь, одобряя жизнь

Магжан учился в Москве и вынужден был носить ту же личину, что и все советские люди, чтобы не погибнуть участвовать в разных собраниях, механически заучивать идеи «Краткого курса истории ВКП(б)», правильно голосовать, правильно говорить. Но он был поэт и пел «тайную свободу», обратил внимание «Я ваш лишь до поры» Значит, видел поэт время, когда он вырвется из этого маразма. Более того, понимал, что духовная жизнь в сталинском Советском Союзе - это уничтожение жизни А он - духовный наследник вольных степняков. Он сын свободного народа. И рожден, чтобы жить, а не прозябать

Пусть небо рухнет, иль земля - во прах,
 Я усмехнусь лишь, одобряя жизнь

Когда я читаю стихи великих поэтов Пушкина, Лермонтова, Жумабаева, каждый раз поражаюсь, как глубоко эти люди знали жизнь Откуда это у них? - часто спрашиваю я себя Ну, гениальные они, ну, великие - согласен, - очень хорошие поэты. Но откуда в таком юном возрасте зрелость в анализе культуры? Откуда понимание людей? И такое мужество? Спрашиваю с искренней завистью - почему им дано,

а мне нет? Спрашивал себя, когда писал книгу о Пушкине, спрашивал, когда писал книгу о Лермонтове, спрашиваю и сейчас, когда читаю Магжана И еще раз убеждаюсь - на этот вопрос, господа, нет ответа, потому что никто не знает, происхождения и тайны гениальности.

Для Магжана советская жизнь, которая окружала, мучила его и ежедневно трубила о своих победах, - это дух гниющего, уходящего, прошлого, и он, Магжан, — его могильщик

Дух прошлого, я кончил жизнь твою!

Это признание многого стоит Молодым людям, которым сегодня по двадцать, этого не понять. Это был конфликт между добром и злом, трусостью и честностью, между смертью и жизнью.

Когда мы, советские люди, на митингах яростно требовали расстрела «врагов народа», таких, как Магжан, когда наши дети умилялись в пионерской преданности диктатору «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!», когда мы были слепцами и добровольными рабами, Магжан жил в другой системе координат. Он писал «Я не умру, и дух мой не умрет» Есть для него «дух прошлого» - и он в нас, в обычных трусливых людях, и есть его «дух мой», героический дух несломленного поэта, дух личности Магжана — и он в его стихах. В России только ранний Пушкин и Лермонтов в «Демоне» могли себе такое позволить. В Казахстане — теперь знаем — певцом личности, трубадуром нового будущего стал Магжан Жумабаев

Пушкин, Лермонтов, Жумабаев — все трое убиты, распяты обществом, в когором жили. Они распяты нами—русскими

Антизападничество или антибольшевизм?

Особое место в мировоззрении Магжана занимает то, что принято называть антизападничеством И сегодня некоторые в Москве упрекают меня - как можно поддерживать эту, пусть и в исполнении Магжана, великодержавную идею

Прежде всего, давайте разберемся, что такое антизападничество Магжана? И антизападничество ли это?

Магжан свое стихотворение «Пророк» предваряет эпиграфом Мережковского:

Устремляя наши очи
бледнеющий Восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, не придет ли наш Пророк.

Где здесь Запад? Русский писатель Дмитрий Мережковский говорит: «наши очи», то есть очи русских людей, он говорит о России. Это русские люди - дети ночи. Это русские люди ждут спасителя с Востока. Эпиграф всегда выражает основную идею последующего текста. Поэтому все, что далее скажет Магжан о Западе, относится не к Западу, а к России. Что же Магжан говорит о России, которую он в стихотворении именует Западом?

В стихотворении «Пророк» основной рефрен - «Над Западом сгустился мрак ночной». И он постоянно повторяется в разных вариантах.

Над Западом сгустился мрак ночной, Там
Солнце ныне не взойдет с зарей.

Над Западом сгустился мрак ночной,
На небе звезд не видно ни одной.

Над Западом сгустился мрак ночной,
Здесь всякий занят полной ерундой.

Россия, над которой мрак ночной, утратила веру в Бога: «Даже Бог растоптан там толпой». Толпу, для которой ничто не свято, людей, захвативших власть в этой стране, он, вслед за Мережковским, называет «дети ночи», и уже от себя - «исчадия тьмы», «исчадия ада, сатаны», «слепды»: «Здесь дети ночи, Бога умертвив, /Напрасно ждали, что придет другой». Дети ночи ищут другого бога. Они материалисты в самом худшем смысле этого слова: «Животное, чей идеал лишь плоть», «Законы веры

знать им не дано,/ Здесь брюхо застит оком собой»,«... дорогой тьмы идут».

О, дети ночи, под покровом мглы,
Лишь Вельзевулу поклонялись вы.
И Библию топтали, и Коран,
Восславив брюхо, что еще могли?

Если у меня и были еще сомнения, о чем стихотворение «Пророк», о Западе или о России, то после процитированных строк они полностью исчезли. Конечно, это портрет большевистской России. И портрет честный.

Русский человек всегда поклонялся языческим богам. До сих пор в стране на огромных территориях Поволжья и Севера распространено двоеверие. Русский человек, например, может одновременно поклоняться елке и в ее лице Николаю Чудотворцу и одновременно в ее же лице Иисусу, просить у этой Троицы помощи в чем-нибудь и благодарить за удачу. Принятие христианства не изменило существенно языческое сознание русских, затронув, в основном, его обрядовую сторону. Русская православная церковь всегда предпочитала воспитывать русского человека через святоотеческие предания, а не через тексты Библии. Библия незаметно, но решительно оттеснялась на задний план российского варианта христианства. Одновременно Россия вела колониальные войны, захватывая территории с мусульманским населением. Кто не знает о кровавых войнах на Кавказе, о походах русских войск в страны Центральной Азии? Что же сделали дети ночи, топтавшие Библию и Коран? Создали царство, в котором «вославили брюхо» А что еще могли они сделать, если они убили Бога своего Айсу?—спрашивает Магжан.

И отвечает - они создали братоубийственное общество:

О, дети ночи, ваш повержен мир, Над Западом - раскаты канонад.

Мотив «раскатов канонад», гражданской войны, свидетелем которой Магжан был, несправедно проливаемой крови,

неправедного суда повторяется в «Пророке» несколько раз. Кто виновен в проливаемой крови? Те, кто организовал I братоубийственную бойню в России. Магжан, развивая тему бойни, обращается к образу библейского Каина, который убил ⁴ своего брата Авеля:

О, дети ночи, вы—заре враги,
ВащКаин первый вырос на крови.

Окаянное братоубийственное русское общество, созданное большевиками, — это общество, впитавшее в себя дух Каина.

Кто же он этот Каин? В русской литературе есть намеки на Сталина. У Пастернака, Мандельштама, Гумилева. Они все конкретны — рябое лицо, усы, кавказский акцент, сапоги. У Магжана намек на Сталина приобретает религиозно-символический характер. Образ Вельзевула - «Лишь Вельзевулу поклонялись вы». Образ демона - «Во мгле ночной лишь демоны кружат». Москва — это «город сов», хищников, которые охотятся только ночью. И намек на Сталина-дьявола: «Незримый... вое и орет», «Вот он споткнулся», «таких, как сам, на шабаш он зовет», «... ходит в думах тяжких как напасть».

Велика была цена борьбы за свободу в России и Казахстане. Путь к ней был устлан трупами великих поэтов. Не хватает слов, чтобы выразить всю ненависть к палачам Магжана, Могу только процитировать Лермонтова: «И вы не смаете всей вашей черной кровью/Поэта праведную кровь!».

Певец личности и иантюристская идея

Ауэзхан Кодар в своем исследовании творчества Магжана пишет, что поэт разделял пантюристские взгляды. Действительно, в стихотворениях «Восток раскосый, что стоишь?» и в «Пророке» эти идеи основные. Есть в этих стихотворениях и воинственные строки.

Но давайте попробуем понять, что такое пантюризм Магжана и почему он возник.

Казахстан в конце XIX — начале XX вв. был колонией

России. Россия в 1905 г. потерпела поражение в войне против Японии, в степи появились печатные издания «Казах» и «Айкап», в 1917 г. вспыхивают Февральская, затем Октябрьская революции в России, в Турции приходят к власти сторонники, Кемалья Ататюрка, в начале XX в. активизируется демократическое движение в Китае, Индии, Монголии, в арабских странах. Происходят сдвиги в Центральной Азии. И у Магжана было достаточно оснований для того, чтобы через просыпающееся сознание народов Востока увидеть возможность национально-освободительного движения народов Казахстана.

Далее. Казахстан окружен народами, история которых содержит великое прошлое. Китайцы, монголы, русские, арабы. Пробуждающемуся казахскому сознанию необходимо было опереться на представление о том, что казахи тоже дети великого прошлого. Моиць, смелость, негиббаемый дух, героизм насыщают поэтические образы Магжана. Задача поэта — поднять казаха с колен, распрямить его, убедить в необходимости гордиться собой. Как же тут не появиться Тимуру, Чингизу, антироссийскому духу и пантюркизму?

Сегодня мы не придаем значения идеям пантюркизма в странах Центральной Азии, также как идеям славянофильства и панславизма в России. Чем эффективнее развиваются наши страны, тем меньшее значение имеют эти идеи. Но во времена Магжана эта идея при всей ее относительности могла участвовать в пробуждении национально-освободительного духа казахов. На каком-то этапе исторического развития она помогла казахской культуре взрастить в себе национальный протест против самодержавного и затем большевистского колониального гнета. Сделав свое дело, она исчерпала свой культурный потенциал.

Как же относиться к пантюркизму Магжана? Магжан был великим поэтом. Поэтому он был разным. Пушкин тоже был разным. Пушкин был и масоном, и православным, и атеистом, и монархистом, и народником. Но не это составляло суть пушкинской поэзии. Главное - Пушкин был певцом личности и свободы. Своей личностной поэзией он создал основание для вхождения русской литературы в литературу мировую. Так же и

Магжан Жумабаев Магжан был разный И то, что он разделял пантюркистские взгляды, никак не заслоняет главного. Магжан был певцом личности и свободы. И освободительное, глубоко личностное содержание поэзии Магжана уверенно вводит . казахскую литературу в семью мировых литератур

Магжан и тектонический сдвиг в казахской литературе

Магжан корнями своими уходит в толщу национальной культуры. В стихотворении «Я от солнца рожден» он воспринимает себя как поклонника бога огня, находя в этом анализе высокую эстетику

Я от Солнца рожден,
Япылаю, как Он,
Предан Солнцу душой
Узких шаз моих взор
Искрометен и скор,
Я лобуюсь собой
На Земле, одинок,
Лишь огонь только Бог

Его имя-Огонь
Так зовут и меня,
Я-поклонник
Огня

Мы - прямая родня
Пламенеюия- и я
Огнебога дитя

Так что же, Магжан — поэт шаманоцентристской культуры? Нет, господа. В стихотворении «Исповедь» Магжан уже другой Он противостоит всем смыслам мира, в том числе и огню

Как буйный ветер, бился я с огнем,
 Пред ним в боязни я не замирал
 «Огнем ты стань!», так я уже горю,
 Могу о бжечь дыханием зарю
 Зола иль роза— мне ли их делить,
 Я им, как равным, жар свой подарю
 Магжан не склоняется и перед смыслом солнца

«Ты Солнцем стань!», как Солнце, я смеюсь,
 Я выпте Солнца по накалу чувств

Нет, Магжан не огнепоклонник и не солнцепоклонник Он личность, которая сама стала огнем и солнцем. Это рыцарь, способный «обжечь дыханием зарю» И вместе с тем он очень одинокий человек

Магжан — сын горных вершин, огня, солнца, ветра, неба, но ему эти образы нужны лишь для того, чтобы заявить, что он не с обществом, в котором живет. Но вот ведь парадокс (!) — он и не с природой. С кем же он? Он, господа, с новизной своей поэзии. Такой тип мышления по плечу только великим поэтам и мужественным людям, вызвавшим на бой все абсолюты и глубоко чувствующим сущность тектонических сдвигов, происходящих в мировой культуре XIX-XX вв

Магжан и русская литература

Читая Магжана, я как русский человек с удовольствием замечаю влияние на него русской поэзии

В 27 лет погиб Лермонтов И с тех пор 27 - это магическое число для многих поэтов и писателей Чехов, Булгаков, Высоцкий - для них 27 как веха в жизни, как время подводить итоги. Этим рубежом озабочен и Магжан Он обращается к своему сердцу

Ты обмануло и предало вновь,
 Мне через месяц двадцать семь годов
 А там и тридцать, там и сорок, что же,

Перед Отчизной с чем предстать готов?
 Мне через месяц будет двадцать семь,
 А там и тридцать, там и сорок Кем
 Останусь я в людских воспоминаньях,
 Когда уже исчезну насовсем

А вот еще «Нет, весь я не умру. Душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит», - пишет Пушкин. «Я не умру, и дух мой не умрет», - пишет Магжан Жумабаев. Иногда прослышивается интонация пушкинского «Узника» Летающий демон, душа, ищущая родную душу, герой, который обняться с бурей был бы рад, кажется, навеяны образами Лермонтова Близки стихотворения «Из волны родится волна» Магжана и лермонтовское «Для чего я не родился/ Этой синею волной» Поэтов сближает мотив одиночества «Одна на опушке, дрожа на ветру, / Росла молодая березка в бору» — вспомним утес, лис-ток, сосну, тучки, парус Лермонтова. Их роднит и мотив щедрости любви «Луну и звезды в украшенья дам» - вспомним лермонтовского Демона Близки поэтики стихотворений «На летней дороге» Магжана и «Выхожу один я на дорогу» Лермонтова.

Но основное влияние русской классики на поэзию Магжана я вижу в мощном антисамодержавном, антибольшевистском антиимперском гражданском протесте, которого не знала западная литература Вызов Богу, богоборчество и, следовательно, прямой вызов сильным мира сего с позиции личности - это впервые сделал в русской литературе Лермонтов, в казахской литературе – Магжан. И сегодня можно говорить о том, что обе литературы - казахская и русская - не только различные. У них есть и общий путь — они одной исторической судьбой, одним дыханием вместе мощно входят в мировую литературу.

Магжан Жумабаев и Ауэзхан Кодар

Уважаемые друзья, коллеги

Теперь я хочу сказать несколько слов о переводчике Дело в том, что он не только переводчик, но и сам оригинальный поэт со своей необъятной поэтической вселенной Ауэзхан Кодар

очень известен в своей стране, поскольку пишет на двух языках — казахском и русском. Кроме того, его знают как серьезного философа, самого крупного в своем поколении. На протяжении 10 лет он издает культурологический журнал «Тамыр» - журнал нового типа, направленный на диалог с миром и культивирующий современное мышление. В этом издании печатаются не только казахстанцы, но и интеллектуалы из России, США, Израиля, Египта, стран Центральной Азии. Журнал квалифицированно обсуждает сегодня сложные вопросы литератур, культур разных стран, мировой философской, культурологической, исторической мысли. Он стал центром притяжения лучших писателей и аналитиков культуры Казахстана. С каждым годом журнал становится все востребованней. Он, как и его главный редактор, известен далеко за пределами Казахстана. Его читают «болашаковцы» по всему миру, а о поэзии Ауэзхана Кодара говорят в Париже.

То, что сделал Ауэзхан Кодар, переведя стихи Магжана Жумабаева на русский язык, трудно переоценить. Я поставил бы их рядом — автора и переводчика. Потому что перевести стихи так, как это сделал Ауэзхан, мог только поэт, равный автору по поэтическому дарованию и масштабу личности.

Жизнь книги «Магжан Жумабаев в переводах Ауэзхана Кодара» только начинается. Благодаря Кодару, русские и народы других стран открывают для себя новое в казахе как субъекте казахстанской культуры и человеке мира. Дело, начатое Кодаром, должно получить развитие. Я предлагаю, чтобы журнал «Тамыр» стал местом широкого международного обсуждения творчества великого поэта и великого гражданина Казахстана Магжана Жумабаева.

ПОЭТ ОГНЯ И СКОРБИ

Магжана Жумабаева (1893-1938) можно по праву назвать одним из основоположников новой казахской литературы

Творчество М. Жумабаева отразило все богатство духовных исканий казахской интеллигенции начала XX века.

Во-первых, Магжан — плоть от плоти своих современников, деятелей Алаш-Орды, во-вторых, ему удалось органично вписаться в блестящую плеяду поэтов русского «серебряного века», таких как Мережковский, Блок, Бальмонт, Гумилев и др. В третьих, в самой зрелой поре своего творчества Магжан ощущает себя поэтом всего Востока, призванным пробудить в нем бывшее достоинство в эпоху «заката» Европы

Если в своей первой книге «Шолпан», вышедшей в Казани в 1912 г, молодой поэт во многом подражает Абаю, пишет в русле арабо-персидской или казахской традиции, то в сборниках, вышедших в 1922 и 1923 гг. один за другим в Казани и Ташкенте, Магжан предстает поэтом-эстетом, в котором гордый байронический дух сочетается с тонким флером сложных символических прозрений. Магжан впервые очищает казахскую поэзию от дидактики и всецело погружается в стихию свободного формотворчества с культом индивидуализма и романтики, любви и смерти, дерзкого несогласия со всем, что не соответствует его поэтическому наитию,

Да и время тогда было такое, что некогда было раскачиваться — не успеешь вскочить на подножку уходящего поезда, так и будешь вековать в ауле, во всем завися от крутого нрава отца-волостного.

Россия потерпела поражение от Японии в войне 1905 года, в степи появились издания «Казах» и «Айкап», одна за другой вспыхивают Февральская и Октябрьская революции 1917 года, в Турции приходят к власти приверженцы Кемаля Ататюрка - все это, как гремящая смесь, отзывается в кипучей душе молодого

Магжана, к 30-ти годам ставшего общепризнанным мэтром казахской поэзии.

Однако после победы Советской власти в Казахстане судьба Жумабаева совершенно меняется. Он не хочет отказываться от своих пантюркистских идеалов, разделяет взгляды Т. Рыскулова и С. Ходжанова о необходимости создания общетюркского государства с центром в Ташкенте, но в республике дуют уже другие ветры.

Культурой руководят партийные чиновники, появляется ассоциация пролетарских писателей. В 1924 году казахская молодежь, обучающаяся в Москве, устраивает обструкцию Магжану Жумабаеву как певцу старины и феодальных пережитков. Но, несмотря на это, с 1923 по 1926 гг. Жумабаев учится в Московском литературно-художественном институте, возглавляемом В Брюсовым, работает в издательстве «Восток», много занимается переводческой деятельностью.

После возвращения на родину в 1927 году его вынуждают написать стихотворение «Сход девяноста», где подтверждается, что он сторонник девяноста, то есть большинства народа, трудящихся масс. Но ни это стихотворение, ни переводы произведений Ленина и Горького не спасают опального поэта. В пору первой отсидки, когда его осудили на десять лет, его по ходатайству «отца соцреализма» отпускают досрочно. Он отсидел только восемь лет, с 1929 по 1936 гг. Однако пребывание на свободе длилось недолго. 30 декабря 1937 года, по злостному навету, поэт вновь подвергается аресту. В ежовских застенках 19 марта 1938 года Жумабаев был расстрелян. Во время хрущевской оттепели было переведено на русский язык несколько стихотворений М. Жумабаева. Полностью реабилитирован в 1989 г.

Более полувека творчество Магжана Жумабаева было под запретом. Это было большим уроном для казахской поэзии, отбросило ее вспять на несколько десятилетий, вернуло к почти фольклорному состоянию. За годы после реабилитации книги Жумабаева изданы и переизданы, в Казахском академическом театре драмы им. М.О. Ауэзова режиссером Кайратом Сугурбековым поставлена драма по рассказу М. Жумабаева «ГПрегрешение Шолпан».

Мы стоим на пороге открытия творческой личности, сопоставимой с Байроном и Шекспиром, это колоссальный талант, придавший европейскую огранку самородной культуре Великой Степи.

В Магжане замечательно то, что в своем творчестве он удачно сочетает национальное и общечеловеческое. Он не только героизирует человека, но и очеловечивает природу. В этом сказалось не только его владение символистской эстетикой, но и мироощущение кочевника-пантеиста. Не потому ли основные персонажи его лирических творений - это Солнце, Небо, Огонь, Земля, Ветер? Но даже среди этих ярких символов бросается в глаза особое почтение поэта к огню. Огонь для него - это символ творческого горения и полной мировоззренческой свободы, т.е. это не только культ природной стихии, но и в то же время культ индивидуализма, или беспредельной моральной свободы. И здесь уже в поэте мировоззрение шамана-кочевника перетекает в ницшеанскую философию героя-сверхчеловека, призванного пересотворить окружающий его косный и черствый мир. Это говорит о том, что Магжан — не просто поэт, а поэт-философ, создатель стратегических моделей видения мира. И в этом плане надо сказать, что Магжан одним из первых задумался над мировоззрением казахов-кочевников. Он понимал, что ислам пришел в казахские степи поздно и почитался ими спустя рукава, чисто формально. Так что же было до этого, чему поклонялись далекие предки казахов? И здесь ему, наверно, здорово помог Ч. Валиханов, которого называли «промелькнувшим метеором над нивой востоковедения». Магжан возводит в культ его мнение о том, что казахи поклонялись огню, возможно, еще в дозораострийские времена. Но его не устраивает, что огонь — один из многих богов. Ему нужен монотеистический бог, единый творец. И поэт в стихотворении «Огонь» создает такой образ творца — вечно живой и текучий.

Мы полагаем, что первый период творчества Магжана Жумабаева, воплощенный в сборнике «Шолпан», еще не отражает всей палитры его поэзии. Только в сборниках 1922 и 1923 гг. Мы

видим настоящего Магжана, который, на наш взгляд, до сих пор не оценен по своему подлинному достоинству. Именно в это время поэт от малых жанров переходит к большим, а если точнее, от лирики, в которой он проявил себя филигранным мастером, к поэмам и прозе, от которой, к сожалению, сохранился только один рассказ.

В данный сборник эти вещи вошли, и, видимо, остановиться на них совершенно необходимо.

Приступая к разбору поэм «сараркинского соловья», надо сказать, что в них он себе ставит совершенно четкие задачи. Во-первых, ему важно найти национальный материал, который был бы на уровне мирового; во-вторых, этот материал должен с равной степенью четкости ограждать два этих среза, и, в-третьих, это должно аукаться в мировом культурном контексте, т.е. Магжан вступает в соперничество с такими величинами, как Гете, Шекспир, Байрон. И здесь я хочу отметить особенность творческого метода Магжана Жумабаева и его современников, алашординцев. Они не делают в культурном отношении никакой скидки на национальную отсталость или этническую особость, они берут нацию и культуру в мировом потоке, в едином процессе и там пытаются доказать свою конкурентно-способность. Это как в жизни, когда человеку приходится и физически выживать, и подтягивать себя интеллектуально. И, пожалуй, единственный поэт этого периода, в котором сошлось и то, и другое, - это Магжан. И это произошло оттого, что он не пытался повторить прошлое, а старался войти в современность, в настоящее, со всеми его достоинствами и проблемами. И это тем более актуально, что ныне все гордятся своей этнической особостью, хотят отгородиться от общемирового процесса, мол, мы не такие, мы другие, у нас — другой путь. Ничего подобного. Не бывает другого пути. Путь один: от колыбели — в могилу. Или: от проблем — к поиску их совместного решения.

Магжан понимает это с самого начала. Так, в поэме «Коркыт», имеющей отзвуки не только в казахском, но и общетюркском контексте, он выводит героя, поставившего себе целью ни много ни мало, как освободить человечество от смерти. Если для этого Фауст в трагедии Гете пошел на сделку с

чертом, здесь мы видим более целомудренный и, по всей видимости, более архаичский вариант: бегство от смерти. И заканчивается поэма не мистически, а прозаически: Коркыт умирает, но перед этим изобретает кобыз — музыкальный инструмент, раскрепощающий поэтическую фантазию. Вывод— выше смерти только искусство. Здесь можно найти переключку и с «Эпосом о Гильгамеше», и с «Божественной комедией» Данте. Отличие лишь в том, что в этих произведениях герой, так или иначе, оказывается в загробном мире, а у Магжана Коркыт в мире земном находит способ остаться в вечности - в вечности мира искусства. И вспоминается Ницше с его словами о том, что искусство-стимул жизни.

Не менее интересна поэма «Батыр Баян», написанная поистине на шекспировском уровне. Конфликт поэмы построен на том, что войско казахского хана Аблая собирается выступить в поход на калмыков, но хан не спешит выступить, поскольку на совете отсутствует его любимый батыр, гордость казахов, Баян. По ходу поэмы выясняется, что он влюбился в плененную им калмычку, которая, соблазнив его младшего брата, бежала с ним домой, в калмыцкие кочевья. Батыр настигает влюбленных и убивает их обоих. Потом он убеждает Аблая пойти на калмыков, но когда тот колеблется, Баян с сотней джигитов идет на калмыков и погибает в битве. Здесь Магжан вступает в состязание не только с байронической традицией обреченного одиночки, но и с казахским эпосом. Так, например, в лиро-эпической поэме «Козы-Корпеш - Баян-сулу» в виде отрицательного героя выведен батыр Кодар, который убивает главного героя, возлюбленного красавицы Баян. В этом эпосе Кодар выведен отрицательным персонажем, всячески противодействующим любовной паре. Магжан же в своей поэме ведет речь как бы со стороны Кодара, раскрывает его трагедию. И, главное, не прощая себя, герой Магжана гибнет в битве. Но самое важное для Магжана даже не это, а очень глубокое проникновение в тему любви. Для него любовь — не просто страсть, а особый мир, который выше остального мира.

И в его изображении юный батыр Ноян - не изменник, сбежавший к враждебным калмыкам, а юноша, отдавшийся

своей любви. И на этом фоне проступает вся бессмысленность войны казахов и калмыков, на самом деле родственных по образу жизни и происхождению, которым незачем воевать друг с другом. И в этом плане «Батыр Баян» можно поставить на один уровень с «Ромео и Джульеттой», ведь там и там любовь случается на фоне враждующих кланов и выступает как сила, отрицающая прочие силы. Но по сравнению с Шекспиром Магжан восходит еще на одну ступень: он показывает правоту героя-убийцы, или, иначе, отрицательного героя. Мы получаем возможность увидеть изнанку шекспировской трагедии и казахского эпоса.

Читая поэму «На круче Окжетпеса», мы вспоминаем «Хаджи-мурата» Толстого и мятежных героев поэм Байрона, готовых в одиночку воевать с целым миром. Надо сказать, что и в предыдущих поэмах Магжан идеализирует образы героев-одиночек. Так, Коркыт бежит не только от смерти, но и от соплеменников; батыр Баян не боится выступить против хана Аблая и т.д. Но особой степени идеализации эта тема достигает в образе хана Кенесары, не только героя национально-освободительного движения, как об этом пишут везде, но и легитимного казахского хана-чингизида, имеющего полное право отстаивать свободу своего народа. Образ Кенесары ценен не только идеализацией героя-одиночки, но и культом жертвенности этого героя. Так, казахский хан понимает бессмысленность сопротивления имперской России и, тем не менее, идет на это, прекрасно зная, чем и насколько рискует.

Тема жертвенности — большая тема в творчестве Магжана Жумабаева. Она пронизывает и его лирику, и его поэмы и перекликается с другой очень важной для поэта темой — темой обреченности и стремления к смерти. Конечно, тут сказались и его увлечения эстетикой романтизма и философией символизма, но, представляется, что определяющей была его собственная экзистенциальная ситуация - ситуация гениаль- »ного одиночки, далеко опередившего соплеменников. При том уровне казахского полукочевого общества периода конца 19 начала 20 века такой поэт как Магжан не мог найти понимания в широких казахских массах. Он тянулся к знаниям, но они были в

России, Европе, но редкие люди, получившие это знание, отторгались от соплеменников и в то же время не приставали к Европе В результате, создавался какой-то люфт идентичности, не способствующий мировоззренческому комфорту Об этом когда-то очень хорошо написал Чокан Валиханов, испытавший на себе эту ситуацию на полвека раньше Магжана У меня об этом есть следующие строки

В родах корчится старый наш мир,
 Но за что наказанье мне это—
 Для казахов я- дерзкий кафир,
 А для русских - дикарь в эполетах

Но стихи — это послание в вечность, а в вечности все выравнивается И, возможно, благодаря чувству обреченности, пронизывающему все творчество Магжана, мы попытаемся побережней отнестись к его наследию и постараемся вчитаться в тексты поэта, чтобы это его чувство не оправдалось уже в отношении нас

Прозаическое наследие Магжана не так велико это статьи, переводы русских классиков и один рассказ В нашем переводе он называется «Прегрешение Шолпан» Это попытка понять женщину во всей ее природе А природа женщины - это секс, семья и материнство У героини рассказа Шолпан и с тем, и с другим получилось непоправимо плохо Или, может быть, это общество того времени было непоправимо плохим?

Когда я отправил свой перевод этого рассказа известному философу А А Грякалову, он прислал мне свой отзыв, который здесь я привожу дословно «При прочтении рассказа сложилось две последовательно появившихся интерпретации

Первая более идеологическая женщина, быт, столкновение с традицией это то, что может различить каждый

Вторая - более метафизическая, и по ряду позиций, может быть, несколько произвольная. Дело в том, что героиня гораздо более сложный феномен, чем может казаться при первом прочтении Странно, но я подумал о Ницше и его понимании истины, которую он соотносит именно с природой женщины

Тогда образ становится гораздо более «объемным» и сложным речь идет, с одной стороны, о постоянном ускользании смысла- он тематизируется то в фигуре мужа, то в фигуре-фантазме ребенка, то в опыте веры, то в опыте настоящей любви, которая тут же превращается в собственное отрицание. Это уже не образ региональной культуры - при полном уважении к ценностям места, традиции, языка — это уже образ, если угодно, жизни и истины У Мамардашвили есть понятие «превращенной формы» - идеалы постоянно превращаются, не переставая быть Идеалом Все конечное-конкретное может быть смещено, но самое движение к смыслу и истине остается неизменным. Вот в этой неизменности героиня и остается» В этом просторном и очень глубоком суждении важно, что современный философ видит в рассказе Магжана Магжан разрабатывает гендерную проблематику на уровне Ницше и Стриндберга, Вайнингера и Павича. Что касается взглядов Ницше на женщину, он считал, что мужчина создан для войны, а женщина - для отдохновения воина. Также показателен другой его афоризм, где он говорит, что женщина вся есть сплошная загадка и единственное решение этой загадки – беременность. Так и героиня рассказа, Шолпан, как бы она ни хотела в отношениях с мужем только чистого секса, в конце концов, приходит к мечте о беременности.

В данном издании мы ставили своей целью общее знакомство с жизнью и творчеством Магжана Жумабаева В связи с этим, его лирика расположена по принципу от частного к общему, т е сначала даются стихи поэта исповедального характера, где он раскрывается, как трагическая, масштабная личность, далее стихи, где он говорит от имени всего Востока Далее идет ретроспектива всего его творчества с казахскими мотивами, циклом о любви и с погружением в мир символизма Словом, мы отказались от хронологического принципа с той благой целью, чтобы как можно рельефнее показать наиболее значимые грани творчества «солнечного Пророка», сына Великой Степи

В заключение хочется поблагодарить акима Северо-

Казахстанской области Серика Султангазиновича Билялова, выступившего инициатором новых переводов Магжана Жумабаева 21 июня 2008 г на родине поэта отмечали 115 лет со дня рождения великого земляка. Среди прочих почетных гостей был приглашен и я. Тогда-то я и понял, что Магжана невозможно представить без лесов и озер роскошной природы Северного Казахстана. В честь юбилея были устроены байга, кокпар, открыт музей в селе, где родился будущий поэт. Я участвовал во всех мероприятиях, выступил на юбилейных торжествах. Невольно обращало на себя внимание великолепная организация юбилея, обилие гостей и СМИ, и, конечно же, искреннее расположение хозяев. Во всем сказывался оптимальный стиль руководства Серика Билялова - не просто нового руководителя области, но и уроженца этих мест, с детства знакомого с нуждами и потребностями родного края. Выяснилось также, что он не просто почитатель творчества Магжана, но и его родственник, что они происходят от общего предка. И мне сразу стало близко все, что делает этот человек — почитатель поэзии, меценат и организатор, уважаемый в родном краю. Гены не могут обмануть, они лишь требуют продолжения. И, возможно, это издание и есть продолжение, но уже не на генном, а на творческом уровне.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИСПОВЕДЬ

Жизнь—море, где ни берега, ни дна
Лишь усмехнется, шелестя, волна
А мне уж скоро будет двадцать семь— Пусть
не старик я, знаю жизнь сполна

Небытие мое прервала мать
Встречал восходы, провожал закат
С рождения плыву я против волн, Пусть и
свирип, и грозен их накат

С тех пор я встретил столько светлых зорь,
И тьма не раз скрывала весь простор
Как начал мыслить, с сердца борюсь,
Я столько мог бы ей сказать в укор

Смутьянка-сердце воли не дала, Застыл и
разум, опустив крыла
Года бегут, их счет неумолим, Безумная,
сожми же удила!

Твоих приказов чуткий есаул,
Я и в огонь бросался, и тонул Прошлигода,
стою, как перст, один,
За что меня втянула ты в разгул?

«Стань ветром!» - ты сказала мне, я стал,
Меж «рано», «поздно» я не выбирал
Как буйный ветер, бился я с огнем,
Пред ним в боязни я не замирал

«Огнем ты стань!», так я уже горю, Мог у
обжечь дыханием зарю
Зола иль роза—мне ли их делить,
Я им, как равным, жар свой подарю

«Водою стань!», так я потек, журча, Змеей
стелясь, что в образе ключа Завороженных
музыкой моей, Своим особым
волшебством леча

«Ты Солнцем стань!», как Солнце, я смеюсь,
Я выше Солнца по накалу чувств
Обняться с каждым я душевно рад,
Себя принизить этим не боюсь

«Стань Месяцем!»- сказала ты Плыву
Скорблю по всем, кто не сорвет траву Сестра
тоски, лью колдовской я свет
Для всех, в печали выгнувших главу

«Влюбись!» - приказ был И, к любви горазд,
Я мотыльком сгорал наутлях глаз
И в те лихие, колдовские дни
Из пепла саван мне бывал как раз

«Рыдай, поэт!» - сказала ты Так что ж?
Я плакал, словно после стольких гроз
Ручьями крови я рыдал порой,
Когда уже не оставалось слез

«Оставь родных!»-сказало ты Я тих,
Уж сколько лет скитаюсь без родных Пусть
было много на пути невзгод, Отца и близких
не искал мой стих

«Покинь Отчизну!» Я пустился в путь,
Я не был чуждым среди чужих ничуть
Я постепенно стал для всех своим, Понять
пытаясь их живую суть

«Беги богатства!» Разве ж я копил?
Свои объятъя нищете раскрыл
«Дерьмо - свинье, собаке - кость дороже!»-
Так говоря, развеял все я в пыль

«Того, что нет, найди!» Так я нашел
«Луну достань!» Я на луну взошел
Все, что просило, я и сполнил, сердце
А что взамен? Все тот же произвол!

Ты обмануло и предало вновь,
Мне через месяц двадцать семь годов
А там и тридцать, там и сорок Что же?
Я пред Отчизной с чем предстать готов?

Мне через месяц будет двадцать семь,
А там и тридцать, там и сорок Кем
Останусь я в людских воспоминаньях,
Когда уже исчезну я совсем?

Шальное сердце к небу лишь рвалось,
Пред ней был разум - нежеланный гость
Отрава - юность, так я пил отраву,
Теперь печаль - и дом мой, и погост

Я с разумом был явно не в ладах,
Теперь меня преследует лишь страх,
Однажды я уйду в сырую землю
Так чем помянут мой остывший прах?

«Сам ветреный, он ветер лишь любил
В огонь бросался очертя, дебил!
Безумец сам, он чтит огонь за Бога,
Огонь, не знавший меру чувств и сил!»

Иль скажут, что до времени увял,
К золотой луне стремился вечно вдаль
Как лев, что жаждал до луны допрыгнуть,
Разбился он, оставив нам печаль!»

Как Солнце, он был рад всегда всему,
Был Солнцем он и ненавидел тьму
Был Солнцем он, был на улыбку щедрым,
Так и ушел изогнутым в дугу

Иль скажут, что певцом был красоты,
Что поверяли все ему мечты
В дни радо сти и горя, может, скажут
«Поэт, ты с нами, необходим нам ты!»

Иль, может быть, ко мне забудут путь,
Забвению мое имя предадут
Возможно, и к могиле одинокой
В степи бескрайней люди не придут?

Страна казахов, о, не обманись,
Я не в ответе за лихие дни
Пусть суд твой будет праведным, раз судишь,
Я не виновен, сердце ты вини!

Безумно сердце, ей своей рукой
Хотелось солнца диск обнять золотой
Смеясь – целуя и целуя- плача,
Оно, погибнув, обретет покой!

ЖАН СӨЗІ

Өмір - теңіз, жоқ оның түбі, шеті,
Сық-сылқ күлген сиқырлы толқын беті
Осы өмірге кіргелі көп күн болды,
Енді бір ай - толады жиырма жеті

Мен жоқ едім, бар қылып анам тапты,
Содан бері Күн талай шықты батты
Ес білгелі алысам өмірменен,
Өмір - теңіз, толқыны тым көп қақты

Мен туғалы ағарып, көп таң атты,
Қараңғылық жер бетін талай жапты
Ес білгелі алыстым жүрекпенен,
Ырық бермеді, қаңғырды, ол не тапты?

Ессіз жүрек тулады, бермеді ырық
Ақш сорлы ере алмай, қалды тұрып
Ессіз жүрек, бөгелші бір азырақ,
Отыз тұр ғой үңіліп, арты – қырық

Өміріңді екі қылмай орындадым,
Есімде отқа, суға ұрынганым
Өтті жылдар, жапаңда жалғыз қаппын,
Өмірімді осынша улап не қылғаның?!

«Желбол!» дедің жел болып еспедім бе?
Уақыт талғап, ерте я кеш дедім бе?
Желдей жынды есалаң екпінді боп,
Заулап тұрған отқа өзім түспедім бе?!

«От бол!» — дедің, от болып жанбадым ба?
Күйдірмей, сірә, нәрсе талғадым ба?
Күлді де алдым құшаққа, гүлді де алдым,
Мынау «күл», мынау «гүл» деп таңдадым ба?!

«Су бол!» - дедін, сылдырап ақпадым ба?
Жыландай жүз бұралып жатпадым ба?
Ерікті-еріксіз суымнан татар жанды
Сықырлап сылдырменен таппадым ба?

«Күн бол!» - дедің, мен Күндей күлмедім бе?
Күннен де астым, мен «күндіз-түн» дедім бе?
Күн тәкаппар Мен көппен құшақтастым,
Бұл ісімді күндікке мін дедім бе!

«Ай бол!» - дедің, Ай болып жүзбедім бе?
«Әпсүн» оқып, жер жүзін кезбедім бе?
Анадайдан сықырлы сәуле төгіп,
Талайлардың өзегін үзбедім бе?

Сен «Сүй!» — дедің, талайды сүймедім бе?
Көбелек боп көп отқа күймедім бе?
Тірілгенім болмаса, өлгеннен соң
Мен талай күлден кебін кимедім бе?

«Жыла» - дедің, талай жас төкпедім бе?
Дария болды көз жасым, көп дедім бе?
Жасым бітсе, қып-қызыл қан жыладым,
«Жыламаймын, көзде жас жоқ» - дедім бе?!

«Ата-анаңнан без!» - дедің, безбедім бе?
Қаңғырып, талай жалғыз кезбедім бе?
Басыма талай қара күндер туды,
Ата-ана, туысқанды іздедім бе?

«Елің тастап кет!» - дедің, кетпедім бе?
Жер шегіне барсам да шет дедім бе?
Жыландай бауырына кіріп алып,
Қалайда жатты жақын етпедім бе?

«Дәулеттен қаш!» - дедің сен, қашпадым ба?
Қойнымды жоқшылыққа ашпадым ба?

«Нәжісті - доңыз сүйекті - ит жияд» деп,
Барымды желге ұшырып шашпадым ба?

«Жокты іздеп тап!» - дедің сен, таппадым ба?
Сен «Айға шап!» дегенде, шашпадым ба?
Не керек? Бар бұйрығыңды орындадым,
Сұм жүрек, сол қызметімді ақтадың ба?

Ақтамадың, алдадың, енді білем,
Енді бір ай жиырма жеті жасқа келем
Отыз қырық, Қартаям, сөнем. өлем
Еліме есебімді не деп берем?!

Енді бір ай - жиырма жеті жас толады,
Отыз, қырық Саргаяды жүз солады
Жыл соңынан жүріп жыл озады,
Кеудеге күн-күн сайын шер толады

Ессіз жүрек аспанға қол сермеді,
Ессіз жүрек ақылға жол бермеді
Жастық у ғой айнымай у шшпппн,
Бұл күндерде кеудені ой кернеді

Ақылға кеш айналдым, қараң күнім
Бір күні құшағына алар өлім
Қара жерді құшақтап мен жатармың
Сол кезде не деп мені сынар елім?

«Жел еді, желді жыр ғып өтті!» - дер ме?
«Есалаң сүйіп еді шокты!» - дер ме!
«Ойы жоқ ессіз отты тәңірі көргең
Түншығып жат, есерім!» - деп күлер ме?!

Болмаса «Қызыл гүл ед, солды!» - дер ме,
«Сермеп ед алтын Айға қолды!» дер ме?
«Қажымай Айға шапқан арыстан ед,
Сабаз ай, сол жолда мерт болды!» - дер ме?

«Күн еді өмір бойы күлді!» - дер ме!?
«Күн еді сүймеуші еді түнді!» - дер ме?
«Күн еді, күндей айқын күле білді,
Сол күлумен ақыры өлді!» - дер ме?!

«Сұлулықтың асығы жыршы!» - дер ме?
«Жүректің сырын шешер сыршы!» - дер ме?
Не қуаныш, не қайғы басқан күнде
Басыма келш «Ақыным, тұршы!» - дер ме"?

Болмаса басыма да бармас па екен?
Атымды аузына да алмас па екен?
Қарайып жапан түзде жалғыз тұрған
Молама көз қырын да салмас па екен?

Дариға, сол күндерде күнім қараң,
Қазақ елі, бір ауыз сезім саған
Болғайсың, сыншы болсаң, әділ сыншы,
Кінәні жүрекке қой, қойма маған!

Мені атама, бұл жүрек - жынды дерсің,
Ұмтылған аламын деп Күнді дерсің
«Сүйіп күшіп, күйіп - көз жасын төгіп,
Жынды жүрек өлді де тынды!» - дерсің

Кто я?

Я грозный лев Кто сдержит мой напор?
Я тигр, который устрашает взор
Я в небе туча, на земле - буран,
Бушующий с равнин до самых гор

Я в небе солнце, чьи лучи щедры,
Сын космоса, я ваш лишь до поры!
Я океан без берегов и дна,
Я весь приволье, нега и порыв!

Весь пламя я, ожгу, поберегись,
Я тот скакун, быть ровней с коим- риск!
Пусть небо рухнет, иль земля - во прах,
Я усмехнусь лишь, одобряя жизнь!

Я не у мру, и дух мой не у мрет,
Что смерти нет, не знает всякий сброд
Я сам и царь, и сам себе судья,
Совет мне даст лишь явный сумасброд

Когда я добр,то мыслю, как в раю,
Когда во гневе, ад в себе таю
Нет близких мне, один я, как Господь,
Заслужат ли рабы любовь мою?

Лишь сам я бог, себе поклоны бью,
Мой слог - Коран, я свой лишь слог люблю
Я окаянный и покаянный - я,
Дух прошлого, я кончил жизнь твою!

МЕН КІМ?

Арыстанмын, айбатыма кім шыдар?
Жолбарыспын, маған қарсы кім тұрар?
Көкте - бұлт, жерде - желмін гулеген,
Жер еркесі - желдің жөнін кім сұрар?

Көкте -Күнмін, көпке нұрым шашамын,
Көңілге алсам, қазір ғарышка асамын
Шеті, түбі жоқ теңізбін қаракөк
Ерігемін-толқып, шалқып, тасамын

Жалынмын мен, келме жақын, жанарсың,
Тұлпармын мен, шаңыма ермей қаларсың
Күл болсын көк, жемірілсін жер, уайым жоқ
Көз қырымен күліп қана қарармын

Мен өлмеймін, менікі де өлмейді,
Надан адам өлім жоғын білмейді
Өзім-патша, өзім-қазы,өзім-би,
Қандай ессіз не қышдың дептергейді?

Мейірленсем сегіз жұмақ қолымда,
Қаһарлансам тамұқдаяр жолымда
Жоқ жақыным, жасағандай жалғызбын!
Мен бе иілер әлсіз адам ұлына?!

Өзім -Тәңірі, табынамын өзіме,
Сөзім-Құран, бағынамын сөзіме!
Бұзушы да, түзеуші де өзіммін,
Енді, ескілік, келдің өлер кезіңе!

СОКРОВЕННОЕ

Когда я рад, забуду обо всем,
Не раз людьми обозван был глупцом
Когда грущу я, мрачен, как в аду,
Но я отходчив, не живу я злом

Когда смеюсь, смеюсь я без ума,
Когда я плачу, всюду только тьма
Когда враждую, кровь пролить готов,
Когда дружу, я - жертвенность сама

Я женщину не так люблю, как вы,
Сгораю в миг я на костре любви
Душа важна мне и важна мне плоть,
Я душу с телом стисну до крови

Она смеется, я- еще звончей,
Заплачет если, плачу вместе с ней
Оставшись враз без тела и души,
Умрет она, но я умру быстреей

Увижу вновь, опять смеюсь, ожив,
Вновь в петлю лезу, разум позабыв
Жизнь - степь, а я- топочущий малыш,
То оступлюсь, то встану на призыв

Жизнь как река, надежда - чебачок,
Словами дурит рыбу ветерок
Безумец - я, младенец - я, во мне
Надежды пламя пересилит рок

«Я сам Господь и сам себе слуга»,
Порой и Бога числю во врагах
Но е сли что случится вдруг со мной,
К нему иду я в горестных слезах

Ну вот, читатель, я раскрылся весь,
Ты красок лишних, лжи не встретишь здесь
И что в ответ? Улыбку вижу я
Ослиной пасти, Вот весь интерес

СЫРЫМ

Мен қуансам, жас баладай қуанам,
Көрген адам талай деген «Есалаң!»
Мен кайғырсам, орнатамын қиямет,
Жас баламын - тағы да тез жұбанам

Күлсем егер, есім шығып күлемін,
Жылағанда, қап-қара қан төгемін
Қасым болса, қанын ішкім келеді,
Досым болса, жолында оның өлемін

Әйел сүйем, бірақ емес сендерше,
Мен сүйемін, жан-денесін бергенше
Жан-денесін бірдей алам, улаймын,
Қысып сүйем, құшағымда өлгенше

Ол күледі, мен де есалаң күлемін,
Ол жылайды, мен де жасым төгемін
Құшағымда жан-тәнінен айрылып,
Өледі әйел, мен де бірге өлемін

Тағы көрем, тағы күлем, тірілем
Есім шығып тағы тұзаққа ілінем
Өмір - дала, тапыл басқан мен- бала,
Тапыл-тапыл, дамыл-дамыл сүрінем

Өмір - өзен, үміт - шабақ ойнаған,
Жел сөзбенен шабақ аулауға ойлаған
Мен-есалаң, мен- нәресте, үміт-от,
Жүз күйсе де, қармануын қоймаған

«Өзім-Тәңірі, өзіме-өзім табынам»,
Деп көшіріп, зор Тәңірге шабынам
Егерде енді ауыңқырап кетсе бас,
Сол Тәңіріге жасым төгіп жалынам

Міне, оқушым, осы менің бар сырым,
Бояу деген ойымда жоқ, жоқ сырым
Сенне дейсің? Құлағындай есектің
Еріңіңе күлкі келді-ау, жарқыным!

ОГОНЬ

Я от Солнца рожден,
Я пылаю, как Он,
 Предан Солнцу душой
Узких глаз моих взор
Искрометен и скор!
 Я люблюсь собой!
 На Земле, одинок,
 Лишь огонь только Бог!

С нежным пламенем слит,
Он целуя, палит,
 Усмехнется и вон!
Взбудоражив, смутив,
Уберет всех с пути
 Его имя-Огонь!
 Так зовут и меня,
 Я - поклонник Огня!

Красно небо огнем,
Все бледнеет при нем
 Жар вдохну я, и бодр
Божества нет святей,
Я святыне моей
 Капну масла в костер!
 Капну масла, он, чист,
 Гордо выгнется ввысь!

Заклинает он змей,
Он дракона сильней
 Вон пылает, маня
Пламенеет огонь,
Быстроглаз я, как он

Мы – прямая родня!
Пламенею и я-
Огнебога дитя!

Суд над тьмою творя,
Занялася заря,
 Я зарею рожден!
Я и сердцем - в зарю,
Я и верой горю,
 Солнну лишь мой поклон!

Сын зари и огня,
До последнего дня
 Я со мглою в вражде
С гор алтайских до стран,
В пиках Альп и Балкан,
 Пролетал я везде
Пролетал, как стрела, -
 Чтобы не было зла!

От

Күннен туған баламын,
Жарқыраймын, жанамыш
Күнге ғана бағынам
Өзім - күнмін, өзім - от,
Сөзім, қысық көзім де - от,
Өзіме-өзім табынам
Жерде жалғыз Тәңірі - от
Оттан басқа Тәңірі жоқ

Жалынмен жұмсақ сүйеді,
Сүйген нәрсе күйеді
Жымыып өзі жорғалар
Ұшырағанды шок қылар,
Шок қылар да, жоқ қылар
Мұның аты От болар
Мен де отпын - мен жанам
От - сен, Тәңірім, табынам

Әдемі отпен аспаның,
Бәрі жасық басқаның
Жалын жұтам - тез тоям
Әулием, ием, құғыма,
Теңсіз Тәңірім - отыма
Әлсін-әлсін май құям
Май құямын - өрлейді
Күлашын көкке сермейді

Кейде жылан арбайтын,
Кейде аждаһа жалмайтын
Сескенбес, сірә, кім сенен,
Шыныңда, менің өзім де - от,
Қысылған қара көзім де - от
Мен - оттанмын, от - менен,
Жалынмын мен, жанамын
Оттан туған баламын

Қараңғылық бұққанда,
Қызарып күн шыққанда,
Күн отынан тұғанмын,
Жүрегімді, жанымды,
Иманымды, арымды
Жалынменен жуғанмын
Жүрегімде, жанымда-от,
Иманым да, арымда – от

Жарқырап от боп туғаннан,
Белімді бекем бұғаннан,
Қараңғышық- дұшпаным
Сол жауызды жоюға,
Соқыр көзін оюға
Талай заулап ұшқанмын,
Әлпіге' барғам Алтайдан
Балқанға барғам Қытайдан
Күннен туған баламын,
Жарқыраймын, жанамын
Күнге ғана бағынам
Өзім - күнімін, өзім - от,
Сөзім, қысық кезім де - от
Өзіме-өзім табынам
Жерде жалғыз Тәңірі - от
Оттан басқа Тәңірі жоқ

ПРОРОК

Устремляя наши очи
На бледнеющий Восток,
Дети скорби, дети ночи,
Ждем, не придет ли наш Пророк

Д. С. Мережковский

Над Западом сгустился мрак ночной,
Там Солнце ныне не взойдет с зарей
Во мгле ночной лишь демоны кружат,
И даже Бог растоптан там толпой

Над Западом сгустился мрак иочной,
На небе звезд не видно ни одной
Здесь дети ночи, Бога умертвив,
Напрасно ждали, что придет другой

Над Западом сгустился мрак ночной,
Здесь всякий занят полной ерундой
Законы веры знать им не дано,
Здесь брюхо застит оком собой

Исчадья тьмы, дорогой тьмы идут,
Их и Муса не вызволит из пут
Айса, сын Божий, распят ими был,
Лишь крови жаждал их неправый суд

О, дети ночи, под покровом мглы
Лишь Вельзевулу поклонялись вы
И Библию топтали, и Коран,
Восславив брюхо, что еще могли?

О, дети ночи, вы - заре враги,
Ваш Каин первый вырос на крови

Животное, чей идеал лишь плоть,
Как может знать высокий зов любви?!

Так в половодье волн страшит накат,
Так яд в крови рождает в ней распад
О, дети ночи, ваш повержен мир,
Над Западом - раскаты канонад

В кромешной тьме царит над всеми ночь,
В ней голоса и всхлипы, и не прочь
В ней кто-то засмеяться, зарыдать,
Незримый кто-то там до игр охоч

Незримый кто-то воет и орет,
Таких, как сам, на шабаш он зовет
Вот он споткнулся, снова побежал,
Слепой во тьме, как путь он разберет?

В кромешной тьме он ходит, востроглаз,
Беда и кровь нашли тут свой экстаз
И, задыхаясь от паров таких,
Он ходит в думах тяжких, как напасть

В кромешной тьме и время медлит ход,
Не удержишь тут и мыслей хоровод
С незрячих глаз лия потоки слез,
С Востока он теперь пророка ждет

Был в древности рожден от Солнца гунн,
От гунна - я, как пламя, вечно юн
Я ликом чист, глазами я раскос,
И, пламенея, жду я свой канун

О, не грусти, слепец мой, дай мне срок,
Я Солнца сын, верней, его зрачок
Иду я к вам, пылая, словно весть,
Рожденный гунном солнечный пророк

Слепец несчастный, ты глаза раскрой,
С Востока я иду к тебе с зарей
Иду к тебе, я - призванный пророк,
Дождись меня, готовься к «Отходной»

Я – свет с Востока, радостный восход,
Мой голос сотрясает небосвод
Над миром всем сгустился мрак ночной,
Дам миру свет я, Солнце вновь взойдет

В кромешной тьме печален плач осин,
В кромешной тьме рыдает ночи сын
В кромешной тьме - луч солнца золотой,
То я иду, пророк и паладин

ПАЙҒАМБАР

Устремляя наши очи
 На бледнеющий Восток,
 Дети скорби, дети ночи,
 Ждем, не придет ли наш Пророк
Д С Мережковский.

Күнбатысты қараңғылық қаптаған,
 Күні батып, жаңа таңы атпаған
 Түнеріп жүр түннен туған перілер,
 Тәңірісін табанына таптаған

Күнбатысты қараңғылық қаптаған,
 Көгінде жоқ жалғыз жұлдыз батпаған,
 Түн баласы Тәңірісін өлтірш,
 Табынатын басқа Тәнірі таппаған

Күнбатысты қараңғылық қаптаған,
 Жалғыз жан жоқ қараңғыда лақпаған
 Білген емес - иман деген не нәрсе,
 «Қарын» деген сөзді ғана жаттаған

Түн баласы Түн жолына түскен ол,
 Сақаусың деп Мұса тілін кескен ол,
 Тәңірінің сүйікті ұлы Айсаның
 Тітіркенбей ұрттап қанын ішкен ол

Түн баласы түнерген түн жамылған,
 Аллага емес, әзәзілге табынған
 Інжілді өртеп, табанға сап Құранды,
 Әділдікті күткен ессіз қарыннан

Түн баласы өмірінде араз таңменен,
 Қабыл ұлы ауызданған қаңменен
 Табынатын құр денеге жануар,
 Болған емес жұмысы оның жанменен

Төгілмей ме кемерінен асқан су,
 Өлтірмей ме жайылған соң күшті у
 Түн баласы түнеріп тұр өлгелі,
 Көзінді сал күнбатыста канды шу,

Кезге түртсе көрінбейтін қара түн,
 Күңірене ме, күле ме әлде, әлдекім?
 Жылайды да, шулайды да ұлиды,
 Бұл кім? Бұл ма - түн баласы түссіз жын

Қап-қара түн Түн баласы күңіренед,
 Күңіренумен бір-біріне үн беред
 Сөгінеді, сүрінеді, жығылад,
 Қара түнде көр көзімен не көред?!

Қап-қара түн Шегір көзді жындар жүр
 Қап-қара түн Қайғы мен қан ойнап тұр
 Қайғы менен қара қанға тұншығып,
 Түн баласы ауыр ойлар ойлап тұр

Қап-қара түн Уақыт ауыр өтеді,
 Ой артынан ойлар келіп кетеді
 Түн баласы көр кезінен жас төгіл,
 Күншығыстан бір пайғамбар күтеді

Ерте күнде отты Күннен Гун туған,
 Отты Гуннен от боп ойнап мен туғам,
 Жүзімді де, қысық қара көзімді
 Туа сала жалынменен мен жуғам

Қайғыланба, соқыр сорлы, шекпе зар,
 Мен - Күн ұлы, көзімде Күн нұры бар
 Мен келемін, мен келемін, мен келем –
 Күннен туған, Гуннен туған пайғамбар

Соқыр сорлы, көрмей ме әлде көзің көр?
Күншығыстан таң келеді, енді көр
Таң келеді, мен келемін - пайғамбар,
Күт сен мені, «лахауланды» оқи бер

Күншығыстан таң келеді - мен келем, -
Кек күңіренед мен де көктей күңіренем
Жердің жүзің қараңғылық қаптаған,
Жер жүзіне нұр беремін, Күн берем!

Қап-кара түн Қайғылы ауыр жер жыры,
Қап-кара түн Күңіренеді түн ұлы
Күншығыста ақ алтын бір сызық бар
Мен келемін, мен пайғамбар - Күн ұлы

ВОСТОК

Восток раскосый, что стоишь?
Ты же гора тут, а не мышь!
Очнись же, великан!
Пусть стонет вновь земля! Вперед!
На Запад будет твой поход!
В крови там много стран

Ах, Запад весь теперь в пыли,
То кровь рекой течет вдали
И - громы канонад
Власть знаний там несет раздор,
Как жив еще он до сих пор,
Востока дальний брат?

Он морем был, весь в реве волн,
Он рвался к небу, страсти полн
Теперь-в останках скал
Теперь чахоточный, больной,
Он озирает круг земной,
Найдет ли, что искал?

Исчадья ада, сатаны
Пусть сдохнут на полях войны -
Гордыни злой итог
И на закате его дней,
Став и сильнее, и юней,
Проснется мой Восток!

Восток раскосый, встрепенись!
Последним будет этот риск!
Пойдем на Запад мы!
В знаменах реющих, крича,
В литавры медные стуча,
Войдем мы в царство тьмы!

Развеем в прах мы город сов!
Детей же обратим в рабов!
 Нет, так нельзя теперь!
Мы город обратим в цветник!
Детей же их - в детей своих!
 Откроем в милость дверь!

Бедняг заблудших, что с пути
Сошли, не в силах путь найти,
 Наставим мы на путь!
На путь Востока, что широк,
Для всех, кто сир и одинок,
 Лишь в нем - и свет, и суть!

Вон в море вдруг возник прибой,
Восток мой поднял рев и вой,
 Мой видит зоркий глаз
В знаменах реющих, крича,
В литавры медные стуча,
 Возникло войско враз

Эй, гиблый Запад, что стоишь?
Гора твоя родила мышь,
 Уйди с пути долой!
Иль вот тебе моя рука,
Коль хочешь жить наверняка,
 Последуй впредь за мной!

КҮНШЫҒЫС

Қысық көзді Күншығыс,
 Бұл тұруың қай тұрыс?
 Серпіл енді, алыбым!
 Күңіретіп жерді ыңыраншы
 Күн батысқа көз салшы,
 Көрдің бе қанның жалынын?

Күнбатысты шаң басқан,
 Шаң емес, кара қан басқан
 Тарсыл-күрсіл, қанды атыс
 Көп білем деп - бөлуге,
 Көп күлем деп- өлуге
 Жақын қалды Күнбатыс

Дария еді ол өкірген,
 Шапшып көкке лепірген,
 Жемірілді кемері
 Өлгелі жатқан құрт ауру,
 Жан жаққа сүзіп көз салу –
 Қолынан енді келері

Ібіліске ерген есерлер,
 Өзімшіл кеуде кеселдер
 Тұншықсын, қанға боялсын
 Оның елген үнімен,
 Қанды батқан күнімен,
 Күншығысым оянсын!

Қысық көзді Күншығыс,
 Болсын соңғы бұл жүріс
 Күнбатысқа жүрелік,
 Желкілдеген туменен,
 Жер күңіреткен шуменен
 Қаласына кірелік

Күл қылайық қаласын,
Құл қылайық баласын
Жоқ жоқ! Ашу басалық!
Гүл қылайық қаласын,
Ұл қылайық баласын,
Мейірім есігін ашалық

Мұндарларды адасқан,
Айрылып естен шатасқан
Күншығыстың жолына
Салайық шетсің демейік,
Аямайық, көмейік
Күншығыстың нұрына

Терең теңіз тебіренді,
Күншығысым күңіренді
Қырағы көзім көреді
Желкілдеген туменен,
Жер күңіrentкен шуменен
Қара бұлт қаптап келеді

Әй, сен, кесел Күнбатыс!
Бұл жатуың қай жатыс,
Жоғал жылдам жолымнан!
Болмаса, қорықсаң өлімнен
Үмітің болса өмірден,
Ұста менің қолымнан!

ТУРКЕСТАН

О Туркестан - граница двух миров!
Ты - колыбель для нас, твоих сынов!
Ты избран Тенгри как Отчизна тюрков,
Храбрейших в битвах, словно стая львов!

Столетия прежде иль в седую рань
Не Туркестан ты звался, а Туран
Здесь наши предки пребывали вечно,
Отсюда всюду простирая длань

Здесь горы наши к небу вознеслись
Седой макушкой подпирая высь
К, словно сдезы этих стылых высей,
Со склонов реки спешают вниз

«Оксус-Яксарт» или «Сейхун-ДжеЙхун»,
Срьшаясь с гор, текли до зыбких дюн
На их берегах - могилы наших предков,
Священные в сиянье солнц и лун

Забывать ли мне красу «Небесных гор»?
Тянь-Шань мой я славлю до сих пор
О храбрых тюрках вспомню я невольно,
Когда Хан-Тенгри мой увидит взор

Балхаш как дочь горы Тарбагатай,
Как пуп земли, торчат Памир, Алай
И если б не вершины Казыкурта,
Потоп залил бы землю через край

Турана лучше есть ли мир другой?
Превыше тюрки мне страны любой!
И разум в них, и дерзость, и отвага –
Отважней тюрков кто помчится в бой?

Чингиса нет мудрее и храбрей,
С могучей волей, коей нет мощней!
И даже имя грозного праотца
Нас возвышает до скончания дней!

Сын Тарагая, тюрков вождь Тимур,
Был пуще молний и опасней бурь
Вселенную слепя своим сияньем,
Промчался он, поспешен чересчур

Кто родом тюрк, того священна кровь
Был Авиценна шейхом мудрецов
Познанием смущал он всюду смертных,
Не знающим ни дна, ни берегов

Огню подобны были тюркитам,
Как молнии, что мчат по небесам
Коца единство тюркское распалось,
Наследников досталась слава нам!

Как не искать Отчизну нам в тоске?
Скаун и тот к ней мчится налегке
Народ Алаш, твоя земля в Туране,
И лишь свобода в дальнем далеке!

І
Тянь-Шань, Памир и бдительный Алай
Нас ждут, как будто позабытый рай,
Где нас зовут пройти дорогой славы
Кенесары и доблестный Аблай!

ТҮРКІСТАН

Түркістан екі дүние есігі ғой,
Түркістан ер түріктің бесігі ғой
Тамаша Түркістандай жерде туған
Түріктің тәңірі берген несібі ғой

Ертеде Түркістанды Тұран дескен,
Тұранда ер түрігім туып-өскен
Тұранның тағдыры бар толқымалы,
Басынан көп тамаша күндер кешкен

Тұранның тарихы бар отты желдей,
Заулаған қалың өрттей аспанға өрлей
Тұранның жері менен суы да жат,
Теңіздей терең ауыр ой бергендей

Тұранның егі-шексіз шөлі қандай,
Теңіздей кемері жоқ көлі қандай!
Тұранның дария аталған өзеңдері
Тасыса, шөлді басқан селі қандай!

Тұранның таулары бар аспанға асқан,
Мәңгіге басын аппақ шаштар басқан
Бауырында ерке бұлақ салады ойнақ,
Жаралып таудан аққан салқын жастан

Шөлдер бар, жел де жүрмес, сап-сары құм,
Моладай ешбір үн жоқ мәңгі тып-тын
Болмақ па жан-жануар шексіз шөлде,
Сар құмда салар ойнақ пері мен жын

Тұранның теңіз дерлік көлдері бар,
Шалқыған егі-шетсіз Теңіз, Арал
Бір шетте қдсиетті Ыстықкөлдiң
Бауырында дүние көрген түрік көкжал

Ертеде Оқыс, Яқсарғ - Жейхун, Сейхун,
 Түріктер бұл екеуін дария дейтін
 Киелі сол екі су жағасында
 Табасың қасиетті бабаң бейітін

Тұранның Тянь-Шаньдай тауы қалай,
 Пар келмес Тянь-Шаньға таулар талай!
 Еріксіз ер түрікті ойға аларсың,
 Көкке асқан Хантәңіріге қарай-қарай

Балқашты бауырына алған Тарбағатай,
 Жоталы, жер кіндігі - Памир, Алай
 Қазықұрт қасиетті тау болмаса,
 Топанда Нұқ кемесі тоқтар қалай?

Тұранның жері де жат, елі де жат,
 Құйындай бастан кешкен күні де жат!
 Тұранды түгелімен билеп тұрған
 Ертеде ертегі хан Афрасияб

Ежелден жер емес ол қарапайым,
 Білесің тарихты ашсаң Тұран жайын
 Тұранға қасиетті құмар болған,
 Ертеде Кей-Қысырау мен Зұлқарнайн

Тұранға жер жүзінде жер жеткен бе?
 Түрікке адамзатта ел жеткен бе?
 Кең ақыл, отты қайрат, жүйрік қиял,
 Тұранның ерлеріне ер жеткен бе?!

Тұмайды адамзатта Шыңғыстай ер,
 Данышпан, тұңғыық ой, болат жігер
 Шыңғыстай арыстанның құр аты да
 Адамның жүрегіне жігер берер

Шыңғыстан Шағатай, Үкітай, Жошы, Төле
Атаға тартып туған бәрі бөрі
Шыңғыстың қол бастаған екі көзі –
Жолбарыс Сұпытай мен көкжал Жебе

Тұранның билері бар Тарағайдай
Сол биден Темір туған от боп ойнай
От шашып жер жүзіне Ақсақ Темір,
Жарк етіп өте шыққан нажағайдай

Тұранды мақтамаймын, тіпті текке,
Онсыз-ақ Тұран таныс талай шетке
Сырласқан үйде отырып аспан-көкпен
Білгіш аз жеткен жүйрік ұлықбекке

Асыл қан - қасиетті түрік қаны,
Сол қаннан - Ибн-Сина Әбуғали
Молдығы білімінің сиқыр дерлік,
Дүниеге мұндай адам туды ма әлі?

Түріктің кім кеміткен музыкасын,
Фараби тоғыз шекті домбырасын?
Шерткенде тоқсан тоғыз түрлендіріп,
Жұбанып, кім тыймаған көздің жасын?!

Тұранда түрік ойнаған ұсап отқа,
Түріктен басқа от бодып жан туып па?
Көп гүрік енші алысып тарасқанда,
Қазақта қара шаңырақ қалған жоқ па?

Арыстан елге Отан болған Тұран,
Тұранда қазағым да хандық құрған
Қазақтың қасқа жолды Қасым ханы
Тұранның талай жерің билеп тұрған

Әділ хан аз болады Назардайын,
Алашқа Есім ханның жолы дайын
Тәукедей данышпан хан құрған екен
Басында Күлтөбенің Құрылтайын

Бұл Тұран ежелден-ақ алаш жері,
Тұрансыз таркамаған алаш шері
Тұранның топырағында тыныштық тапқан
Алаштың арыстаны - Абылай ері

Шер батса - кім іздемес туған елін,
Тұлпар да көксемей ме туған жерін?
Арқаның ардагері қалың алаш,
Тұран да, біле білсең, сенің жерің!

Ертеде Оқыс, Яқсарт - Жейхун, Сейхун
Түріктер бұл екеуін дария дейтін
Киелі сол екі су жағасына,
Болмаса, барсаңшы іздеп бабаң бейітін!

БЫСТРО ПОЛЕЧУ

Я баловень степных долин - орлан,
Алтай, Урал, как два моих крыла
Я вольный воин золотой степи,
Бесстрашие она мне придала!

Отецмой, если спросишь, -великан!
А мать моя мудра на сорок стран!
И если тигром зарычу на вас,
Ваш трусов,устоит ли караван?!

На скакуна, взяв знамя, я взлечу!
Поднявши саблю, я на бой хочу!
Пусть мир меня узнает и почтит,
Познаю удадь и пыланье чувств!

Во мне дух предка возродится вновь,
Очищу степь я от былых врагов
Мои потомки, повзрослев, начнут
Царить повсюду, где есть трон и кров!

Алтай как мать, молитвами почту!
Отец, исполнил я твою мечту!
И чтоб припасть к твоей седой груди,
Я, торжествуя, быстро прилечу!

ТЕЗ БАРАМ

Қыранымын сары сайран даланың,
Қос қанатым - алтын Алтай, Оралым
Еркін дала ардақтысы, еркесі, -
Бетім қайтпай өскен батыр баламын

Асқаналып ата затым сұрасаң,
Асқан дана - ана затым сұрасаң,
Шашып жалын жас жолбарыс ұмтылса,
Қорқақ құлдар, қалай қарсы тұрасың?!

Тұлпар мініп, туды қолға алайын,
Суырып қылыш қан майданға барайын,
Жердің жүзі кім екенім танысын,
Жас бөрідей біраз ойын салайын

Тірілтейін алып атам аруағын,
Тазартайын Сарыарқамның топырағын,
Жан-жағына тегіс билік жүргізіп,
Кемеліне келсін кейінгі ұрпағым

Дұғада бол, алтын Алтай - қарт анам
Алып ата қуды жолың ер балаң
Ақшашынды, көкірегінді иіскеуге,
Тәңір жазса, сәулетпенен тез барам

ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ...

Как воин я повсюду знаменит,
Я пробивал и скалы, и гранит
Крылатый хищник, мощный я орлан,
Совсем не тот, кто от врагов бежит

Одним прыжком вскочил я на Алтай,
В степи стрелу я целил на Китай
Познал я столько бедствий и невзгод,
Что для других хватило б через край

Упорен я во взятии преград,
Я и на льва наброситься был рад
А что до пса, который лает, зол,
Я перед ним не отступлю назад

ЖЕР ЖҮЗІНЕ...

Жер жүзіне ер атағым жайылған,
Жан емеспін оттан, судан тайынған
Қайраты мол қандыбалақ қыранмын,
Күн болған жоқ жаудан жүрек шайылған

Еркін ырғып шыққам асқар Алтайға,
Қырда тұрып садақ тартқам Қытайға
Талай тайғақ тар кешуде таймаған
Батыр жүрек, қайрат енді алдай ма?!

Талмай, қайтпай қамал бұзған кемеңгер,
Арыстанға қарсы ұмтылған мендей ер
Бір барқылдақ жалпылдаған төбеттен
Қорқар болсам, жұтсын мені қара жер!

ГОСПОДЬ ВЕЛИКИЙ...

Господь великий, ты велик мы верим в это,
И, что тебя мы исполняем все заветы
Надеясь, что рабов своих ты не обидишь, Мы
волю отдали тебе, который светел

Мы постоянно поминаем твое имя,
«Аллахакпар!», «Аллах волик!» Господь любимый! Ты
справедлив, и потому в твоей мы воле
Любой наш шаг ведом приказами твоими

Прости, Господь, коль я опутан суетою,
Раз явно зло, сказать о нем, пожалуй, стоит
Ты так велик и милостив ко всем на свете,
Лишь нас, казахов, ты любви не удостоил

Ты дал другим вершины гор, морей пучину,
Леса, озера и в цветах сплошных долины
За что же мы живем без стана и приюта,
С тяжелой долей проклятого сына?

Ты дал нам степь, где нет травы, где только пустошь,
Не дал ни благ, ни знаний, ни искусства
Нет, мы не те, не пасынки твои, что зловны,
За что же псов, числом не счесть, на нас науськал?

Другим ты слал посланцев истых неустанно,
Народ прозреет лишь водительство к знаниям
Не дал ты нам Господь, ни Книги, ни Пророка,
За что ты нас, скажи оставил без Писания?

С тех пор казаху счастья нет, ему все хуже,
Другим народ мой, как мишень насмешек, нужен
Не принял нас ты за людей, не дал Пророка,
Арабов хуже посчитал – прислуг верблюжьих

Прости, Господь, умерь свой гнев, я раб твой хилый,
Не сторонись казахов ты, яви им милость
Бог справедливый, говорю, трясясь от боли,
Пока все палками меня тут не забили

ТӘҢІРІ

Зор тәңірі, күштісің сен, сенеміз біз,
Әділ деп әр ісіңе көнемз біз
Өз құлын өзі еңіретпес тура ие деп,
Өзіне ерік тізгінін беремз біз

Ауыздан Алла атыңды тастамаймыз,
Алласыз ешбір іске бастамаймыз
«Әділ хан, бұйрығыңа бойсұндық», деп
Бұйрықсыз бір адым да аттамаймыз

Кеш, Тәңірім, болса сөзім пендешілік,
Мінекей, айқын зұлым, қайда әділдік?
Соншама кең рахметтен құр тастайтын,
Баласы алты Алаштың - біз не қылдық?

Басқаға орын бердің жақсы жайдан –
Зеңгір тау, түпсіз дария, терең сайдан
Үмітсіз, тілеп жоқ, тұрағы жоқ,
Қуылған дәрғаһыңнан біз бе шайтан?

Бізге отсыз шөл даланы орын қылдың,
Бақ-дәулет, өнер-білім қырын қылдың
Кесір деп кек алатын өгей балаң
Біз бе едік, көп төбетке жырым қылдың!

Жібердің басқа жұртқа жолбасшылар,
Әр жұрттың жолбасшымен көзі ашылар
Не елші, не жол сілтер кітабың жоқ,
Алашка әлде жазғаны бар да шығар?

Бақытсыз қаңғып жүрген қазақ сорлы,
Әркімге күні кетіп мазақ сорды
Бір елші жібермедің, санға алмадың,
Жалаңаш түйе баққан араб құрлы

Кеш, Тәңірім, сорлы құлға қаһар етпе,
Рақым қыл, біз сорлыны шетке теппе
Сөз шықғы жан ашумен, Әділ Тәңірім,
Тиген соң ащы таяқ тұщы етке!

СЛОВО ХРОМОГО ТИМУРА

- Что означает слово «мир»?
- То, что вмещается в ладонь
- В одной ладони двум богам
Нелепо ссориться за трон

-
Согласен я, Бог Неба -Бог,
Пусть правит Небом с мощью всей!
А я Тимур, я - Бог Земли,
Не тронет пусть Земли моей!

Бог Неба - Бог, но у него
Ни рода нет, ни сути в днях
А я Тимур, я- Бог Земли,
Я тюрк, что родом из огня!

АҚСАҚ ТЕМІР СӨЗІ

«Жиһан деген не нәрсе? -
Алақанның ауданы!
Бір ауданда көп Тәңірі
Болудың тіпті жоқ сәні

Тәңірі – көктің Тәңірісі
Күңіренсін, көгін билесін!
Жер Тәңірісі Темірмін,
Жеріме Тәңірі тимесін!»

Көк Тәңірісі -Тәңірінің
Тұқымы жоқ, заты жоқ
Жер Тәңірісі Темірдің
Тұқымы - түрік, заты – от!

ЛУНЕ

Крылья ночи скрыли солнце,
В небе звезды засверкали
На луну смотрю в оконце,
Полный лик ее в печали

О, Луна, скажи, как другу,
Что с тобою приключилось?
Ты плывешь в немом испуге,
Словно в небе заблудилась

Или кто-то свет твой застит,
Твой убор царицы скомкав?
Или, в ссоре с настоящим,
Загрустила о былом ты?

Как узреть, твое бывшее
Золотым, быть может, было?
Звезды в небе за собою,
Как народ свой ты водила?

Может в девственной свободе
Наслаждалась ты раздольем?
Право восхода и захода
Не в чужой держалось воле?

Скорби сей и я наперсник,
Прежде был и я на троне
Был горяч я, юн и дерзок,
С птицей счастья на ладони!

В степь всмотришь, ее просторы
Словно шелковая скатерть
Рек медовых блеск и горы,
Эта степь - моя прама-терь!

Здесь я в играх и проказах
Допоздна носился шало.
Я ни в чем не знал отказа,
Никогда не знал печали.

Но, увы, судьба, проклятьем
Заклеймив, всего лишила.
Глаз зрачок моих - праматерь
Взяв, меня осиротила.

Так судьбой обманут злою,
Погребен при жизни - вою.
О, Луна, возьми с собою,
Будем вместе - два изгоя.

С клятвой верности, до плахи
Путь невзгод пройдем с тобою.
Мы прольем перед Аллахом
Слезы, смешанные с кровью.

Может быть, он нас услышит?
Путь в слезах еще зачтется?
Заблудившаяся в высях
Птица счастья к нам вернется?

АЙҒА

Күн батып, қаранғышық қанат жайды,
Аспанда сансыз жұлдыз жарқырайды.
Отырған қараңғы үйдің терезесінен
Көремін мұнды, нұрлытолған Айды.

Қайғылы Ай, тұрсың көкте түсің қашып,
Қайғылы жер жүзіне нұрың шашып.
Жылжисың ақырын ғана қорыққан жандай,
Жүргендей жол табаалмай бейне адасып.

Бір жауыз сендірмек пе әлде нұрың?
Үстіңе кигізбек пе қара құрым?
Жоқ әлде қазіргімен жұмысың жоқ,
Қайғыға түсіре ме өткен күнің?

Кім білсін, өткен күнің алтын шығар?
Ажарың бейне күндей жарқын шығар?
Көп жұлдыз - әлде күшпен, әлде іспен
Еріксіз артыңа ерткен халқың шығар.

Жоқшығар ешбір бөгет онда жолда,
Еркіңмен құлаш жайып оң мен солға,
Мезгілмен толу, солу билігі де
Ол уақыт емес шығар басқа қолда?

Қайғылы Ай, мен де сенің қайғыңа ортақ,
Менде де бұрынбар еді тәж бенен тақ.
Жас едім, жалынды едім, батыр едім,
Қолыма қонып еді ол уақыт бақ.

Кең дала, көресің ғой ана жатқан,
Жібектей жасыл шөптер бетін жапқан.
Асқар тау, балдан тәтті сулары бар,
Әне, сол анам еді мені тапқан.

Салушы ем асау тайдай қойнында ойнақ,
Жүруші ем ертенді-кеш ылғи ойнап
Ішуге ас, мінуге ат - бәрі даяр,
Көрмеп ем өмірімде қайғы ойлап

Дариға, жауыз тағдыр қатты алдады,
Бақ-дәулет - алмағаны еш қалмады
Тас жүрек көзім нұры анамды алып,
Еңіреген мен жетімге көз сатмады

Мінекей, қамаудамыңтар үңгірде,
Мұнысы - көмгені ғой тірі көрге
Мейірімді Ай, мені-дағы жаныңа алшы,
Болайық екі мұндық біздер бірге

Ант етіп айрылмасқа бірігейік,
Ас-сусыз мың бейнетпен жол шегейік
Тыңдайтын бар ғой тілек әділ Алла
Көл қылып қан аралас жас төгейік

Сұрасақ, тілек қабыл болмас па екен?
Жолымыз жылап шеккен оңбас па екен?
Кеше үшқан басымыздан бақыт құсы
Тағы да қайта айналып қонбас па екен?

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Земля, где я увидел белый свет,
Где пуповину мне отрезал дед
Где я играл, гоняя мух, слепней
В эпоху детства, коей лучше нет

В твоей я почве рожден, ты - дно,
И плоть, и дух мои с тобой - одно
В другой земле мне кажутся темны
Светила все и с Солнцем мне темно

Я помню небом сладость вод твоих,
Твои леса и степи, твой тростник
Мальчишкой мне остаться бы в степи,
Который детства красотой велик

Забыв про дом, гонять в степи ягняг,
Дружков своих в грязи степной валять
Играть в качели или кость ночами,
Днем стригунка-неука усмирать

Но «Голова- Аллаха мяч» Куда
Направит Он, туда мы мчим всегда
Могу и я уйти в далекий край,
Но знай, к тебе любовь моя тверда

ТУҒАН ЖЕР

Бұл жарыққа аяқ басып туған жер,
Кіндік кесіп, кірімсенде жуған жер.
Жастық- алтын, қайтып келмес күнімде
Ойын ойнап, шыбын-шіркей қуған жер.

Жаратылдым топырағыңнан, сен - түбім,
Жалғаны жоқ, бәрі сенен жан-тәнім.
Сенен басқа жерде маған қараңғы,
Жарық болар Шолпан, Айым, сен-Күнім.

Тітті суың дімі аузымнан еш кетпес,
Қалың нуың, қыр, суыңа жер жетпес.
Кең даланда ойын ойнап қалсамшы,
Жазу болып адамзатқа ер жетпес!..

Балақ түріп, қозы қуып, жарысып,
Батпағында тең құрбымен алысып,
Түнде - ақсүйек, алтыбақан, ал күндіз
Үйретем деп асау тайға жабысып.

«Адам басы-Алла добы» деген рас,
Қалай қуса, солай кетпек сорлы бас.
Кім біледі, мен де шетке кетермін,
Туған жерім, сені тастап басым жас.

ЛЮБЛЮ

Ее волосы как бы посыпаны пеплом,
 Она - еле живая и полуслепда;
 Скоро будет ей сто, коль Аллах ей поможет.
 И сидит она, четки перебирая,
 Не зная, осталось ей сколько до рая,
 Могильную сырость уж чувствуя кожей.
 Это мать моя бедная в старости тяжкой.

Другим мне этого не объяснить,
 Но я не могу ее не любить.

В глазах ее нет занебесного света,
 Из уст не услышишь ни слова привета,
 В объятьях нет страсти, зовущей к безумствам.
 В постели она - не тигрица, не дьявол,
 Не умеет дерзить, спокойная нравом,
 Сильна лишь в возиться с посудой искусстве,
 Это женка *моя*, неказистая с виду.

Другим мне этого не объяснить,
 Но я не могу ее не любить.

Всегда пребывающий в полудремоте,
 Всегда в малахае, что скроет зевоту,
 Избравший лишь лень себе вечной опорой.
 По старым заветам все также живущий,
 С отарой встающий, с отарой бредущий,
 Есть народ мой «алаш» на движенье нескорый.

Другим мне этого не объяснить,
 Но я не могу его не любить.

Миражной завесою вечно покрытый
 В буранах взывающих грозно, сердито,
 С зимою как саван и с летом свирепым.

Не имеющий леса, не имеющий роши,
Не имеющий гор, где вода в речках ропщет,
А имеющий только лишь мергвые степи,
Это вот Сарарка - моя родина в дреме

Другим мне этого не объяснить,
Но я не могу ее не любить

СҮЙЕМІН

Күлдей күнгірт шашы бар,
Тоқсан бесте жасы бар,
 Көздегенің- сұп-сұр көр
Тасбиқ санап бүгіліп,
Жерге қарап үңіліп,
 Көрше ауыр күрсінер,
Меің бір қарт анам бар,
Неге екенін білмеймін
 Сол анамды сүйемін

Көзінде көк нұры жоқ
Аузында жұмақ жыры жоқ,
 Жалынсыз, усыз құшағы,
Иірілмейді жыландай,
Сөзі де жоқ құрандай,
 Білгені - қазан-ошағы
Жабайы ғана жарым бар,
Сол жарымды сүйемін!

Ұйқы басқан кабағын,
Бастыра кигентымағын,
 Жалқаулықты жар көрген
Жүрген ескі заңымен,
Алдындағы малымен
 Бірге жусап, бірге өрген,
Алаш деген елім бар,
Неге екенін білмеймін
 Сол елімді сүйемін!

Сағымы сайран құрады,
Бораны ұлып тұрады,
 Қыс ақ кебін, жаз сары
Орманы жоқ, шуы жоқ,
Тауы да жоқ суы жоқ,
 Мәңгі өлік сахарасы
Сарыарка деген жерім бар,
Неге екенін білмеймін
 Сол Арқамды сүйемін!

ПЕСНЬ ЗАКАТА И ВОСХОДА

Златое Солнце на закате,
Огнем охвачен неба край
Оно на краски так богато,
Готов ли шелк твой,
Куралай?

О, Куралай, что с взглядом чистым,
Возьми батист и тьме в укор
Ты красным шелком по батисту
На белом выведи узор

Златое Солнце на закате,
Оно тихонько умирает
Бедняжка-гучка, кровью плача,
Златое Солнце погребает

Угасло Солнце, небов скорби,
Вся в черном степь скорбит по Солнцу
О, Куралай оленьим взглядом,
Ты вышивать когда закончишь?

Уйми во мне ты зуд тоски,
Взгляни разок, красой срази
Как над водою чебачки,
Взлетают пальчики твои

Под бровью выстроились в ряд
Ресницы или черный шелк?
Ах, подари волшебный взгляд,
Печалью сердце я прожег!

Как пальчики твои сильны
В игре со спицей и со мной
Твой взгляд - стрела, о, Куралай,
Срази меня своей стрелой!

Нет, на меня ты не смотри,
Следи вон за мельканьем спиц
Кровавой шелковой строкой
Ты белый вышивай батист

Вон степь, супруга потеряв,
Вся в черном, плачет и грустит
Красотка милая моя,
К себе, прошу, ты подпусти

Сгустился мрак, то скорби знак,
Иль просто ночь пришла мрачна?
Там шепчет ветер или бес,
Иль затаилась тишина?

Я подойду к тебе, мой свет,
Храняв себе лишь мысль одну
Кровавой нитью на снегу
О чем ты пишешь, дай взглянуть!

Не стану близко подходить,
Пусть мне помогут фонари
Что написала ты, мой свет?
«Ты за страну свою умри!»

О, Куралай, я чудный взгляд
Твой выдержать теперь смогу
Потряс меня до боли глаз
Кровавый шелк, что на снегу!

Ты так и пишешь «За страну»,
Пойду, теперь не стану ждать
За пальцы тонкие твои
Готов охотно жертвой стать

Пройдет и ночь, что так мрачна,
Вон видишь ты, заря взошла
На гладь белейшую платка
Твоя, наверно, кровь стекла

«Ты за страну свою умри!» -
Бежит кровь к сердцу, как поток
С оленьим взглядом милый друг,
Ты не вздыхай, держа платок

С оленьим взглядом милый друг,
В поход я выйду поутру
Твой кровью вышитый батист –
Мой флаг, что реет на ветру

Прощай теперь, о, светочей,
Бальзамом ставший для души
Теперь возьми ты свой батист,
И «С Богом!» фразу напиши

Златое Солнце всходит вновь,
Вон золотится неба край
Готовь скорее ты свой шелк,
С оленьим взглядом Куралай

БАТҚАН КҮН, АТҚАН ТАҢНЫҢ ЖЫРЫ

Алтын Күн батып барады,
Күйдіріп көктің жиегін
Құралай көзді қарағым,
Болдың ба иіріп жібегің?

Кұралай көзді қарағым,
Қолыңа қардай бәтесті ал
Қандай қызыл жібекпен
Ақ бцтеске өрнек сал

Алтын Күн батып барады,
Алтын Күн ақырын өледі
Сұрлы бұлттар - сорлы жар,
Қан жылап Күнді көмеді

Кү нөлді Көк күңіренді,
Жер жамылды қарасын
Құралай көзді қарағым,
Кестенді қашан боласың?

Судай сұлу сәулетай,
Бір қарашы, аңсадым
Суда ойнаған шабақтай
Сүйреңдейді саусағың

Қабакқа қатар тізілген
Кірпік пе? Қара жібек пе?
Бір қарашы, қарағым,
У толды ғой жүрекке!

Қалай батыл ойнайды
Сүйік саусақ бізбенен?
Нең кетеді, еркетай,
Өлтірсең атып көзбенен?

Қарама маған, қарағым,
Болсын көзің кергіште
Қандай қызыл жібекпен
Ақ бәтесті кестеле!

Жер жарынан айрылып,
Жамылды кара басына
Бота көзді, бұраң бел,
Жіберші жақынқасыңа!

Қараңғылық қаптады,
Қайғы ма басқан, түн бе екен?
Сыбдыр-сыбдыр әлде не, Желме?
Жүрген жын ба екен?

Қабағың шытпа, қарағым,
Жаныңа жақын келейін
Қар бетіне қанменен
Не деп жаздың – көрейің!

Тым жақындап бармаймын,
Жырақтан жарар көз салсам.
Не деп жаздың, қарағым?
«Ел үшін өл, ер болсаң!»

Құралай көзді қарағым,
Жарылады-ау жас жүрек!
Көзіме қантолтырды,
Қар үстінде қан жібек

«Ел үшін өл, ел үшін» -
Өмірді аяп не етейін!
Сүйріктей сұлу саусағың,
Мен садаға кетейің!

Түнерген түн өледі,
Ағарған анау таңы ма?
Ақ бәтестің бетінде
Жүрегіңнің қаны ма?

«Ел үшін ол, ел үшін» -
Өлесің, жүрек, дүрсілде!
Құралай көзді қарағым,
Кестеге қарап күрсінбе!

Құралай көзді қарағым,
Аттанайын таңменен
Ақ бәтес - ақ жалауым,
Кестеленген канменен

Қош бол енді, қарағым,
Меш есіңе алғайсың!
Елді бәтес бетіне
«Иманды бол!» - деп жазғайсың

Алтын күн шығып келеді,
Алтындап көктің жиегін,
Құралай көзді қарағым,
Иіре бер жібегің!

ЖЕЛАНИЕ

Пусть я сгорю, нет счастья мне, Пусть все
вокруг горит в огне

Странанье - соль земли

С огнем проникнет в сердце могщъ,

Как сердца пламень бережешь?

Как слезы мне не лить?

Забуду волю я в плену,

В тюрьме и жизнь я прокляну,

Горька страдальца роль

Но в окружении врагов

Лелеять буду я любовь,

Разлуки вечной боль

И боль, переполняя грудь,

Заставит горестно вздохнуть,

Сказать и «ох», и «ах»

Свободы призрак, что зовет

Тех, кто способен на полет,

Я воспую в стихах

От грусти этой вихревой

Не возопит ли голос мой

По всей Сары-Арке?

И не дойдет ли песнь моя,

В себе всю нежность затая,

До той, кто ждет в тоске?

Пусть я сгорю, нет счастья мне,

Пусть все вокруг горит в огне,

Странанье – соль земли

В стихах себе скажу «Вперед!»,

Стихами пробужу народ,

К чему мне слезы лить?

ТІЛЕГІМ

Көрмейін рақат, жанаиын,
 Жалын болсын маңайым
 Күйейін, азап шегейін
 Жансын денем, күш бітсін,
 Күшті жалын ішке өтсін
 Ащы, ыстық жас төгейін

Көрмейін ерік, тұтқын боп,
 Абақтыда жұтып от,
 Өтсін өмірім зарменен
 Берік боп жау қамаған,
 Сарғаяйын санадан
 Көрісе алмай жарменен
 Іште толған қалың дерт
 Жүректегі жалынды өрт
 Зарлатар мені сол уақыт
 Елестеген ерікті,
 Ұшқыр жанға серікті
 Жырлармын мен жан атып
 Көрген сайын көп қысым,
 Зарлы, ащы дауысым
 Шырқырар Сарыарқада
 Өзегіне өтпей ме,
 Зарлы жырым жетпей ме
 Қарағыма – қалкама!

Көрмеің рақат жанаиын,
 Жалын болсын маңайым,
 Күйейін, азап шегейін
 Жырыммен жаным жұбатам
 Жырыммен жұртымды оятам,
 Не сіне жас төгейін?

ПЕСНЬ ВОИНА

Рыси, мой милый Каракоч,
Пусть чуб мой бьется на ветру!
В руке - копьё, свидетель битв,
Он помнит жаркую пору!
Моя страна я весь киплю,
Ты - мой огонь, а я - твой трут
Да буду жертвою твоей
И в дикий холод, и в жару!
Не отступал перед врагом,
То помнит солнце поутру
Бояться молнии не след,
Я вижу в ней свою сестру
Теперь на все идти готов,
Со смертью я веду игру
Рыси, мой милый Каракоч,
Пусть чуб мой бьется на ветру!
Копьё надгробьем станет мне,
Коль в схватке я за честь умру
Свидетель подвигов моих,
Упрямый, мощный, верный друг!
Рыси, мой милый Каракоч,
Пусть чуб мой бьется на ветру!

ЖАУЫНГЕР ЖЫРЫ

Желе бер, жаным Қаракөк,
Желкілде жел мен, айдарым!
Қолымда найза көк болат-
Ерлігіме айғағым
Ел дегенде көпіріп,
Жарайсың, қаным, қайнадың,
Халқымнан мен садаға,
Бекіндім, басты байладым
Көкгегі кәрі Күн қуә –
Ежелден жаудан таймадым
Қорқыныш емес нажағай,
Нажағай- өзім, жайнадым
Білгенін енді істесін,
Өлімменен ойнадым
Желе бер, жаным Қаракөк,
Желкілде желмен, айдарым
Қазам жетсе майданда,
Басымда найзам - сайғағым
Қайратты, қайтпас жан досым-
Ерлігіме айғағым
Желе бер, жаным Қаракөк,
Желкілде желмен, айдарым!

МЕЧЕТЬ И ТЮРЬМА

Мальчик

- Отец, родной мой, что за дом такой?
Такой надменный и такой большой?
Тот, кто взойдет на башню с длинной шеей,
Небесных тайн познает, верно, рой?

Отец, кто ходит в этот тихий дом?

Что за особа остается в нем?

И если с неба льются откровения,
Кому они назначены, о чем?

Отец

- Мечетью этот дом большой зовут,
Как будто предков соблюдая путь,
Сюда идут, чтоб поваляться в прахе
Все воротили, в них такой есть зуд
За пять минут поклонов и вставаний
Хотят, распутны, Бога обмануть
И муэдзин, с утра поющий сладко,
Себе мечтает брюхо лишь раздуть
Да, этот дом не Дом Небес, а рынок,
Где пред монетой звонкой все падут

Мальчик

- Отец смотри, вон мрачный дом стоит,
Он неприступен и жесток на вид
Окно черно, дверь словно ров могильный,
Кровь, что ль, на стенах и натверди плиг?

Отец

- Есть юноша, его зовут «Мечта»,
Он весь из света, с песней на устах
Его стихи всем дарят вдохновенье,
Жемчужны крылья и любовь чиста

Его призванье - пробуждать стихами,
Его обителям, где высота.

Не делит он людей на близких, дальних,
Для всех поет, летая и кружа.
Творец всего они всего начало,
Им в плоти нашей рождена душа.

Дом этот скорби мир зовет тюрьмой,
Мир - дуб, а смертных я сравню с свиньей.
Знай, этот дом есть для мечты могила,
Иначе, склеп для пламенных душой.

Смотри, вон страж вышагивает как,
Сомкнул он брови, хмурясь, словно мрак.
Безумец, рад Мечту он караулить,
Ей уготовив острожной барак.

Но где Мечта? Она - творец чудес,
По-прежнему посланница небес,
В полете вечном, в души льет надежду,
Чтоб интерес в них к жизни не исчез.

Сей дом - тюрьма, любимица оков,
Насилия и мерзости покров.
Довольных, что Мечту в неволе держат,
Как не смеяться над толпой глупцов?..

МЕШІТ ҺӘМ АБАҚТЫ

Бала:

Әкетай, мынау не үй ұзын мойын,
Тым ірі, ұлық ұстап тұрған бойын?
Басына шыққан адам білер еді-ау,
Сырын айтпас қаракөк көктің ойын.
Тып-тыныш бұл үйге, әке, кім барады?
Тыныштықта қасиетті кім қалады?
Биікте көк күңіреніп сыр айтқанда,
Бақытты кім көзінен жас тамады?

Әке:

Бұл үйді мешіт дейді, құлыншағым,
Ерігіп, қуған болып ата заңын,
Анда-санда домалап бармақ үшін
Салдырған өзіне арнап «жуан қарын».
Бес минут «жатып-тұрып» жуып алмақ
Былғанған бұзықтықпен ұят-арын,
Шығатын жоғарыға молдасы да
Азанмен құттықтайды қарын таңын.
Бұл мешіт - көк үй емес, қарын үйі,
Көргің келсе, барып көр мал базарын.

Бала:

Әкетай, анау не үйтүсі суық
Жанына жібермейді жанды жуық?
Терезесі темірлі, көр - есігі,
Қабырғасын қойған ба қанмен жуып?
Тас қима, темір қақпа, шойын құлып,
Тым-тырыс, жалғыз-ақ жел тұр ғой ұлын
Сасық та, қараңғы да, аш Һәм ауру,
Кім жатыр екен, әке, тірі өліп?

Әке

Жиһанда бір жас жан бар Қиял аты,
Мәңгі ойнайтын, сөнбейтін сәуле заты
Жанға жан беретұғын тәтті жырлы,
Меруерттен тізілген қос қанаты
Ұшып жүріп, жырымен жанды ояту -
Жас Қиялдың ежелден бар мұраты
Тірі жанға жырламақ тәтті жырын,
Адамзаттың жоқ оған жақын-жаты
Жиһанда бар нәрсені жаратқан сол,
Тәңірі бар бір ғана - Қиял аты

Анау үйді адамзат абақты дер
Адам-доңыз, еменнің тамырын жер
Тәңірісі, жан жары Қиялға арнап,
Сонау үйді салған ол болсын деп көр

Көремісің күзетшіні жүрген жарап,
Қабак түйіп, терезеге қойған қарап?
Есалаң малданыпжүр «Қиялды ұстап,
Тарихтың таңында деп, қойдым қамап!»

Есалаң! Қиял қайда? Қиял кезбек,
Жиһанца ақ қанатпен ылғи жүзбек
Жердегі жары - «жанды» жұбатуга,
Токтаусыз Көк үнінен әндер тізбек

Балам, енді білдің ғой, ол - абақты,
Ашуменен түйіп тұр ол қабақты
«Қиялды ұстап, жаптым!» деп бос малданған
Ақымақ деп болмай ма адамзатты!

КОЗЁЛ

Козел с козлиной бородой
Замекал как-то, горд собой,
 Вскочил он на забор
Ходил он важно, как петух,
Туда-сюда да стук-постук,
 Беды не чуя взор

И до того вдруг стал он горд,
Ему мешать стал небосвод
 Боднуть решил он, зол
С отрыжкой мекнув на «врага»,
Ондумал что вонзил рога
 Упал во двор козел

Стоял там грозный жеребец,
Не хуже, чем козел, гордец,
 Не знающий седла
Козел наш грохнулся пред ним
И пукнул, робостью томим
 Тут конь и пнул козла

Что было делать жеребцу?
Копыт таких изведав стук,
 Козлу ли ныне встать?
Козел с козлиной бородой
Всего за миг обрел покой,
 Остался там лежать

КӨК ТЕКЕ

Айыр сақал көк теке
Деді дебір «Меке-ке!»-
Шықты секіріп қораға
Жүрді басып алшандап,
Қарнын керіп талтаңдап,
Қаза айдаса, бола ма?

Керді теке көкірек,
Көрінді оған жақын көк,
Сүзейін деп ойлады
«Меке-ке!» -деп кекірді,
Тұқырып басын секірді,
Қора ішіне құлады

Қорада айғыр тұр еді,
Мінілмеген құр еді,
Жаңа ұсталған үйірден.
Текені көріп дүрс еткен,
Бірдеңесі бырс еткен,
Тепті келіп бүйірден

Қайтсін жануар күйген соң,
Тастай тұяқ тиген соң,
Көк теке мал бола ма?
Айыр сақал көк теке,
Деді де бір «Меке-ке!»-
Қалды сұлап қорада

М. ДУЛАТОВУ НА ВЫХОД ИЗ ТЮРЬМЫ

Какая радость - мрак ночной прошел,
Златое утро всходит на престол
Господь услышал горестный наш плач
И к нам на помощь в доброте пришел

Свободы птица к нам вернулась вновь,
Ей удалось уйти от всех стрелков
Взошло вновь Солнце в радостных лучах,
Спасибо Богу за его любовь

Светила лик порой покроют тучи,
Но через миг разогнан рой летучий
Так и джигит, он лишь крепчает в бедах,
Он как скакун его камча не мучит

К нам вновь лицом удача повернулась,
Пусть поздновато, но она вернулась
Что ж, прошлое прошло, теперь в дорогу,
Быстры, сильны, нас не укараулить

М. Д АБАҚТЫДАН ШЫҚҚАНДА

Зор қуаныш кара түн өткеніне,
Алтын таңды ашық күн жеткеніне
Қан аралас төгілген көп көз жасты
Тәңірі қабыл, мейірім еткенше,

Ерік құсы қайта ұшып келгеніне,
Душар болмай дұшпанның мергеніне
Қайта шықты батқан Қун, нұр шашылды,
Мың шүкірлік Тәңірінің бергеніне

Күннің бетін ежелден бұлт жаппақ
Жапса да, ұзақ тұрмай жөнін таппақ
Қайғы көрсе, ер жігіт қайраты аспақ,
Қамшы тисе, шын жүйрік үдей шаппақ

Оңнан есті жел біраз қырын ескен
Соң туса да, оң туса, қалмас көштен
Өткен іске - салауат, күтіп қалдық
Откір қимыл, ескі үміт, жаңа күшпен

ПРОШЛОЕ – МИЛО

Каждый прошлое рад восхвалить,
Оно словно пора золотая
Или это привычка любить
Невозвратное что-то, незнаю

Старики лишь о прошлом твердят,
Они хвалят его, превозносят
Новизна не чарует их взгляд,
На все новое пыжятся косо

Только в прошлом - всего образец
И суда, и закона, и чести
Там и ангелы сходят с небес,
И шаманов сбываются вести

Все прошедшее дорого нам
Так и мать, про покойного сына
Вспоминая, не верит глазам,
Что он умер, что нет его ныне

Он как лучший из лучших, хоть мал,
И умен, и приветлив, и сладок
Он в два года такое сказал,
Что секреты раскрыл всех загадок

Новизне редко дарят почет,
Пусть в былом нет ни правды, ничуда,
То, что рядом, людей не влечет,
Только прошлое нравится людям

ӨТКЕН – АЯУЛЫ

Өткенді мақтар әр адам,
Білмеймін, өткен алтын ба?
Болмаса, мақтау өткенді
Адамзаттың салты ма?

Қариялар отырып,
Баяғыны мақтайды
Желкілдеген жас заман
Оларға тіпті-ақ жақпайды

Заң да болған соларда,
Тура, әділ, жақсы да,
Аспаннан пері түсірген
Ғайыпты болжар бақсы да

«Өткен артық» дер адам,
Шеше де өлген баласын
Аузынан, сөйлеп, тастамас,
Көз ішінде қарасын

Қылықты да, тәтті де,
Ақылды да ол бала
Екі жасар күнінде
Пәлен деген - ол дана

Жалғаны жоқ, адамнан
Жаңаны мақтар санаулы
Не дұрыс шығар, не теріс,
Әйтеуір өткен – аяулы

ЗАГАДКА

Дол золотой
Ветра игрой
В гул растворен
Слышится гул,
Едет аул
Ветру в догон

Степь вечно спит,
Мальчик молчит
Две немоты
Тайна в них-та,
Что немота –
Суть маеты

Дол золотой
Ветра игрой
В гул растворен
Мальчик и степь
Кто из них
слеп? Кто из них
- сон?

ЖҰМБАҚ

Сап-сары бел,
Еседі жел,
 Еседі
Еседі жел,
Көшеді ел,
 Көшеді

Дала бұйық,
Бала тұйық
 Екі үнсіз
Дала- жұмбақ,
Бала-жұмбақ
 Шешусіз

Сап-сары бел,
Еседі жел,
 Жел есед
Дала-жұмбақ,
Бала - жұмбақ
Кім шешед?

ПОГОНЯЙ ЖЕ КОНЯ, САРСЕМБАЙ!

Погоняй же коня, Сарсембай!
Мы поедем в родимый мой край!
До зари мы уедем с тобой
Погоняй же скорее коня,
Эх, достала учеба меня,
А так в город бы я - ни ногой!

Оглянись, у тебя позади
Он разлегся, как сумрачный див,
Этo город - громада громад Он
таится в тумане ночном, Дышит
дымом, угаром, огнем, Его очи
недобро блестят

Столько шума в нем, гама, возни,
Столько всякой дурной болтовни,
Столько вони, что крикнешь «Ойбай!» Так
чего озираться назад,
Нам в аул бы скорее, мой брат,
Пошняй же коня, Сарсембай!

Женщин их ты ничем не проймешь,
Обожают измену и ложь,
Строяг пазки на каждом шагу
Бледнолицы, как немочи взвар,
С тусклым взглядом, забывшим про жар, Их
мужчины - на радость врагу

Не найтив них горячих сердец,
Идеал их скорее поесть, - Кабаны,
секачи-хрюкачи

Дети ночи, им ночь лишь приют,
Лишь в вонючих коробках живут
И общаются только в ночи
Небесами ты их не возьмешь,
Посмотри, сколько радостных звезд!
Вон Луна улыбается «Ай»
Во мне город рождает лишь боль,
Быть в разлуке со степью доколь?
Погоняй же коня, Сарсембай!

Потянуло, что ли, ко сну?
Сарсембай, спой хоть песню одну,
Ту, которая нас встрепенет! Скоро
буду в родном я краю,
Где любивших меня я люблю,
Сердце, ну же, отправься в полет!

Сарарка, ты же - светоч души,
Ты - моя бескрайняя ширь,
Я всей грудью к тебе припаду
Ветерок твой обнимет, как шелк,
Будет дорог мне каждый глоток
Из клочка, что течет на меду

Не хочу озираться назад,
Мы вдали ли от города, брат?
Успокой же меня, дух придай
Нам нельзя озираться назад,
Нам в аул бы скорее, мой брат,
Погоняй же коня, Сарсембай!

АЙДА АТЫҢДЫ, СӘРСЕМБАЙ

Айда атыңды, Сәрсембай,
Ағарып алтын таң атпай
Шығайық қырға, далаға
Шу-шу-шу
Әттең гана бұл оқу!
Келмес едім қалаға

Қарашы кейін бұрылып
Таудай болып созылып
Қала - бір жатқан дәу пері
Айналасы тұман, түн
Дем алысы от, түтін
Жарк-жүрк етер көздері

Сөзі у-шу, ың да-жың,
Сасық шс ауыр тым
Тұншықтым ғой, құдай-ай!
Кейш қарап нетеміз?
Ауылға қашан жетеміз?
Айдашы атты, Сәрсембай!

Әйелдері ұятсыз,
Күнде сүйгіш, тұрақсыз
Қылмындасар, керілер
Жүздерінің қаны жоқ,
Көздерінің жаны жоқ
Еркектері - «перілер»

Оларда отты жүрек жоқ
Тамақтан басқа тілек жоқ
Қорсылдаған «доңыздар»
Түн баласы перілер,
Жұмақтан артық көрінер
Оларға сасық үңгір тар

Көкті көрмес көр олар,
Қарашы, канша жұлдыз бар?
Күліп қана жүзеді ай
Қалаға келіп қаңғырдым,
Сар даламды сағындым,
Айда атыңды, Сәрсембай!

Әлде ұйқың келе ме?
Сәрсембай-ау, сен неге
Шырқап бір ән салмайсың?
Жетесің туған жеріңе,
Еркелеткен еліңе,
Жүрегім, неге жанбайсың?!

Сарыарқамның топырағы -
Менің жаным шырағы,
Кеудемді төсеп жатамын
Оның жібек желінің,
Тәтті, кәусар көлінің
Қазір дәмін татамын

Қайрылып кейін қараман
Шықтық па ұзап қаладан,
Айтшы, жаным, ағатай?
Кейін қарап нетеміз?
Ауышға қашан жетеміз?
Айдашы аты,
Сәрсембай!

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

Нет сил уже больше, повержено знамя побед,
Герои поникли от тысяч напастей и бед
Их гордые души страдают теперь в кандалах,
Нет жара в крови, и сердцу, как прежде, не петъ

Какая досада - подрезаны крылья орла!
Могучий народ низведен к положенью вола
Не помним теперь мы и родину предков Алтай,
Батыров и ханов забыты святыя дела!

Нет больше героев, страна коченеет в беде
Не встретить теперь единенья и чести ни где
О предков язык, словно тень ты тех солнечных дней,
Тебе поклоняюсь я, как негасимой звезде!

Пускай ты в подполье, в себе ты богатство таишь
Ты - чистый, глубокий раздольный и мощный, как клич!
Я верю однажды разбредшихся, сирых детей,
Позвав словно мать, ты в объятя свои заключишь

ҚАЗАҚ ТІЛІ

Күш кеміді, айбынды ту құлады;
Кеше батыр - бүгін қорқақ бұғады.
Ерікке ұмтылған ұшқыр жаны кісенде,
Қан суынған, жүрек солғын соғады.

Қыран құстың қос қанаты қыркылды,
Күндей күшті, күркіреген ел тынды.
Асқар Алтай - алтын ана есте жоқ,
Батыр, хандар - асқан жандар ұмытылды!

Ерлік, елдік, бірлік, қайрат, бак, ардың-
Жауыз тағдыр жойды бәрін не бардың...
Алтын Күннен бағасыз бір белгі боп,
Нұрлы жұлдыз –бабам тілі, сен қалдың!

Жарық көрмей жатсаң да ұзақ кен-тілім,
Таза, терең, еткір, күшті, кең тілім.
Тарап кеткен балаларыңды бауырыңа
Ақ қолыңмен тарта аларсың сен, тілім!

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Чье это знамя горит, пламенея?
О, Азия - житель отрогов и скал,
По-прежнему грозен врагу твой оскал.
Того это знамя, кто биться умеет,
Кто счастье в борьбе лишь найдет.
Знать, казах, это знамя - твое!

Чье это знамя горит, опаляя?
Того, кто огонь почитает Творцом,
Того, для кого он давно стал отцом!
Того, кто дороже святыни не знает!
Кто счастье в борьбе лишь найдет.
Знать, казах, это знамя - твое!

Чье это знамя горит, полыхая?
Того, кто в степи обескровлен в конец,
Кто к мести готовит свой меч-кладенец,
Того, кто покоя в походах не знает.
Кто счастье в борьбе лишь пайдет
Знать, казах, это знамя - твое!

Чье знамя в кровавых слезах сатанеет?
Того, чьи сыны превратились в рабов,
Того, в чьих мужчинах выдохлась кровь,
Того, кто не плакать уже не умеет.
Кто счастье в борьбе лишь найдет,
Знать, казах, это знамя - твое!

Чье это знамя горит, не сгорая?
Того, кто обижен, сгорел раньше срока,
Того, кто обобран, страдает жестоко.
Того, кто от бедствий несчетных стенает.
Кто счастье в борьбе лишь найдет.
Знать, казах, это знамя - твое!

Чье знамя свободы, как сердце, трепещет?
Того, кто не равен в богатстве со всеми,
Того, кто растоптан, унижен все время,
Того, чей удел не становится легче.
Когда счастье в борьбе лишь найдет.
Знать, казах, это знамя - твое!

ҚЫЗЫЛ ЖАЛАУ

- Жалынды жалау кімдікі?
- Тұрағы тарғыл тас қия,
Арбандаған Азия -
Жалындай жалау соныкі
Ендеше, қазақ, сенікі!
- Қызыл шоқ жалау кімдікі?
- Кімде кім: «Тәңірім-от», - десе
«Баска Тәңірім жоқ», - десе,
Қызыл шоқ жалау соныкі.
Ендеше, қазақ сенікі!
- Қызыл шоқ жалау кімдікі?
- Кім де кім шикі қан жұтса,
- Қан аңсап жүріп шаң жұтса,
- Қызыл қан жалау соныкі!
- Ендеше, қазақ, сенікі!»
- -Қанды жас жалау кімдікі?
- Кімнің ұлы құл болса,
Тұлымдысы тұл болса,
Қанды жас жалау соныкі,
Ендеше, қазақ сенікі!
- Өртенген жалау кімдікі?
- Кім өртенген гүлдемей,
Кім таланған, кім кедей,
Өртенген жалау соныкі,
Ендеше, қазақ, сенікі!
- Азаттық жалау кімдікі?
- Көре алмаса кім теңдік,
- Тепкі көрсе кім кемдік,
- Азаттық жалау соныкі,
- Ендеше, қазақ, сенікі!

НА ВОЛГЕ

1

Пригорок, словно прикорнув
Овечкой сытою лежит
Хвоистых сосен стройный ряд
Квершине вверх стремясь, бежит
Гольш, источенный водой,
Как курт, рывинками изрыт
Игрива горная река,
Красотки нрав в течение скрыт
На мелководье деревца
Округлы, словно след копыт

2

Днем волны бесятся, взыграв,
Их гонит яростный прибой
А вечером они смиренны
Повсюду в них разлит покой
Днём верблюжонка был в них пыл,
Брыкались, прыгали горой
А вечером нисходит тишь
Закатной чудною порой
Дневные волны так дерзки,
Влекут отваги красотой
Бездонны вечером они,
Волнуют тайной разум мой

3

Блестит и пенится ряд волн,
Усыпан жемчугом их путь
Рождая грохот, шум и плеск,
Как овцы с привязи, бегут
Бушуют, бьются о скалу,

Вспенясь жемчужно под скалой
Стоят, курчавы, деревца,
Понять не в силах стон и вой
Смотря на волны, я стою,
В печали говоря с собой
Где Сарарка? Она - вдали,
Зачем я здесь и что со мной?

4

В былые дни гремел Едиль,
Здесь были сказочны леса
Ногайцы жили в чагще их,
Аргынцев зная чудеса
В те годы шесть больших племен
Сотлись, хоть Бог их разбросал
Все было общим битвы, жизнь,
Забот единых полоса
Понятно прошлое, оно
И гордость наша, и краса
Теперь ногайцев не узнать,
Леса исчезли, как роса

5

Как будто в россыпи гирлянд,
Едиль пестреет белизной
Нет, это чаек пестрота
Над величавою рекой
Вон что-то воду золотит,
То лучик Солнца золотой
Наш катер к берегу бежит,
А берег - в зелени густой
Вон в дельте Астрахань лежит
Курчавой тучкой над землей

6

Построен он Асан Кайгы,
Печальным самым из людей
Счастливых ханов обойду
Надгробья важные скорей
Асана я приют найду
И помолось в душе своей
И если скажет «Будь как я»,
Зачем искать других путей?
Пусть трон отдаст вам Жанибек,
Асаном стану в беге дней!

ЕДІЛДЕ

1

Бүктетіліп жатқан бел
Сүтке тойған марқадай
Бұйра қою карағай
Белге біткен шалқалай
Су жеп қойған жұмыр тас
Түйір-түйір малтадай
Арнада өзен қылықты
Қылмандаған калқадай
Тайызға біткен құба тал
Мойындағы алқадай
Жер еркесі жер мынау,
Шер қалар ма тарқамай?

2

Түсте толқын еліріп,
Абыржып еді ойнақтай
Кешке толқын тып-тыныш,
Қабыржыған қаймақтай
Түсте толқын тулап ед
Ойнақтаған тайлақтай
Кешке толқын тынып тұр
Қоңыр іңір бейуақтай
Түскі толқын теп-тентек,
Бойлауық, көзсіз қайраттай
Кешкі толқын тұңғыық,
Тек қоймас терең ойлатпай

3

Тізілген толқын - меруерт
Бір-біріне тағылып,
Шұбырған толқын шуменен
Ағытқан қойдай ағылып

Күңіренген толқын долданып,
Көпіріп жарға қағылып
Жағада бүйра бала тал
Таң болып тұр аңырып
Толқынға карап мен тұрмын
Қоңыр оймен қамығып
Сарыарқам қайда ?Алыста!
Жүрмін мен мұнда нағылып?!

4

Ерте күнде Еділдің
Ертегі деген тоғайын
Дүлей тоғай ішінде
Орманбеттің ноғайын,
Арқада жатқан алты алаш
Ол күнде болған ағайын
Жорығы, жолы - бәрі ортақ,
Бірге де жеген уайым
Өткен айқын, ұғымды,
Мынаны не деп ұғайын
Дүлей тоғай тұлданған,
Танып болмайд ноғайын

5

Ойнап тұрған оқыдай,
Еділдің беті ақ ала?
«Ақ аласы не?» - десем
Ылғи шаңқан шағала
Суды сүйген сары алтын
Сәуле ғой сүйген бағана!
Кемеміз көлбеп келеді
Жібектей жасыл жағаға

Шөккен бұйра бұлтай
Астрахан жатыр сағада,
Көрген соң оны ой көшті,
Ертедегі Асан ағаға

б

Асан Қайғы салдырған
Астраханға жетейін
Қайғысыз хандар күмбезін
Әдейі аттап кетейін
Асанның тауып моласын
Соған тауап етейін,
Моласына түнейін,
Ақ батасын күтейін
«Жолым қу» - десе болғаны,
Басқа жолды не етейін?
Әз Жәнібек сендер бол,
Мен Асан болып өтейін?

В ПРИВОЛЖЬЕ

1

Поездил по Приволжью я,
Но захотелся домой
Казахов видел, босяков,
Чьи шеи давит скарб чужой
Им озеро теперь как луг,
Пасут тут рыбин над водой
В селенье ходят к мужикам
За булкой, словно за едой
По-русски только говорят
А ведь у них язык есть свой
Задуматься уже пора,
Тут не до смеха, дорогой

2

В приволжском дивном том краю
Есть Байулы – известный род
Не ездят здесь на скакунах,
На лодках мучится народ
Не жеребцов здесь, а сомов
Острогой ловят целый год
Жена и то вон как весло
С нее загар уж не сойдет
Вода и рыба - пища их,
Что ж, нищета имеет рот
Боюсь, что скоро и всех нас,
Друзья, такая участь ждет

3

В аул на лодке добрались
К закату где-то, вечером
Подплыв к лачуге, стали мы,
Спросили громко, чей тут дом

На окрик вышел аксакал,
Вошли в дом в след за стариком
Севрюг с пяток нам поднесли,
Их, как овец, молитвой чтем
Наевшись рыбы, мы легли
С луной, пошедшей на излом
«С луной легли» есть просто звук,
С тревогой, словно в горле ком

4

Нас, бершей, приютил аул,
У речки свой раскинув стан
С восходом - праздник «курбан-айт»
Зарезан жертвенный баран
Но вот юнцы наевшись вмах,
Святой забыли дастархан
На голове у них - снопы,
Кисет на шее - «талисман»
Вон вышли дружною гурьбой,
В село на свадьбу, ждет «братан»
И это все - народ родной?
И все, что видел, не обман?

5

Старик, привыкший есть ягнят,
В могилу с рыбой пусть сойдет
Учтивый, праведный мулла
Пусть в рай свой милый попадет
Казах, парнишка городской,
Пристал к кишкам уж твой живот
И все ж, прошу я, присмотри
За теми, кто вослед идет
И если хочешь ты своих
Поднягь на жизни небосвод,
Беги из города в аул,
Избавь аул свой от забот!

ЕДІЛДІҢ САҒАСЫНДА

1

Араладым біраз күн
Еділдің саға өлкесін.
Қазақты кердім қуарған
Жүк тасып, тескен желкесін.
Балық аулап бозарып,
Жайлау қылған кел төсін.
Селендейгін селенге
Мұжықтың андып белкесін.
Сөз сөйлесе, сабайтын
Орыстың: «совсем...» «толькесін.»
Ойланбаса мынау күй
Келтірер кімнің күлкісін?!

2

Салалы сонау сағада
Біраз ел бар Байұлы,
Жорғасы мен жүйрігі -
Қалтылдаған қайығы.
Құрық салған құлыны -
Тулатып шанышқан жайыны.
Қалағындай қайықтың
Сіріңке қара зайыбы!
Қара су, балық- қорегі.
Жоқтықтан жоқ-ау айыбы;
Бұл күйге түспей құтылар
Қазағыңның қай ұлы ?

3

Ауылға жеттік қайықпен
Көк жиекке күн бата.
Бір лашықтың тұсына
Тұра қалдық үн қата
«Қош келдің!» - деп қарсы алды.
Ақсақалды бір ата.
Бес бекіресін секіртіп,
Алып кел деді: «Ақ бата!»
Бекіресін жеп шүкір ғып,
Біз де жаттық ай бата.
Ай бата деген жай бір сөз,
Жанға бір ауыр ой бата!

4

Бір ауыл беріш ішінде ек,
Қонған өзек бойына.
Күн шықты, құрбан мейрамы
Басталды құрбан сойыла.
Біраздан біткен бозбала,
Тойып ап құрбан қойына,
Шөмедедей шаштары,
Күйектей кесет мойында:
Дүркіресіп жөнелді,
Селенге - Сергей тойына...
Еліңнің жайы осылай,
Келе ме еш зат ойыңа?

5

Бағлан жейтін қарт, мейлі,
Балық жеп кірсін көріне,
Аллашыл, айтшыл молдасы,
Шықсын-ақ жұмақ төріне,

Қалада жүрген інішек,
Қайыс бұған беліне
Көз қырынды сала гөр,
Қазақтың қыршын төліне
Мақсатың болса, шерлі елді
Шығару өмір өріне, -
Қаш қаладан, қарағым,
Еліңе қайт, еліңе!

БРАТЬЯМ ИЗ СЫР-ДАРЬИ

Огню поклоны бил твой дед
А ты земле свой шлешь привет
Огонь есть Бог и лишь в него
Твой верил дед, как в божество
И что ж он бегал от врагов?
Огонь и песнь спасли его

Огонь и есть наш небосвод,
Лишь он всю землю обоймет
Над ней нависнет он
Любовь его - земля одна,
Могилой ждет его она
Умрет в нее влюблен
Твой прадед масло лил в огонь,
Гнал бесов он со всех сторон
И если дух его - алмаз –
Запятнан был или потух,
Он очищал ослабший дух
Огнем прекрасным, словно страсть

О Сыр ты некогда царил
Восстань же из своих могил
Люби огонь что дед любил
Кто не скакал не вздымет пыль
Кто не скакал не знает пыл
Ты сам сгори, чтоб внук твой жил

Огонь лишь Бог ты верь в него,
Других не может быть богов
Вот братьям с Сыра мой завет
Ваш дух запятнан иль потух
Очистить чтоб ослабший дух,
Вам лишь огонь даст жар и свет

СЫРДАҒЫ АЛАШҚА

Атаң отқа табынған,
Өзің бірге бағынған
Тәңірің Оттан боп үміт,
Атаң - Отқа табынған
Жан ба еді ол жауға жалынған?!
Сыр бола ма жыр мен От?

От дегенің аспанғой,
Аспан жерді басқан ғой
Төменге алып төнген ол
Бір дегенің жер ғой ол,
Жер дегенің-көр ғой ол,
Көрді сүйген, өлген ол

Атаң отқа май салған,
Жан ба еді жыннан тайсалған?
Жаһұт жапқан ажыдан
Жаның жасып кірлеген
Отпен аспанға ерлеген,
Алады екен аластап

Салық салған Сырдағы ел,
Көрге мүлгіп болма қол,
Атаң сүйген Отты сүй!
Шаппағанға шаң жұқпас,
Шаппағанға қан жұқпас
Күйдірем десең, өзің күй

Отқа табын, Тәңір - От,
Оттан басқа Тәңірі жоқ
Сөзім-Сырдағы алашқа
Жаның жасып кірлеген,
Отпен аспанға ерлеген
Жаныңды, алаш, аласта

ВНУК И БАБУШКА

- Скажи, бабуся, что есть в выси?
- Платок небес пестро так вышит
- Когда, смеясь мигают звезды,
- Луна-старуха крикнет «Тише»
- Вон тучки, словно козы наши,
- Когда пастух на привязь нижет,
- Плынут, кучкуясь, друг за другом,
- Как будто их спугнули свыше

- Нельзя так, мальчик мой веселый,
- Иди к мулле, пусть примет в школу

Послушай что Лукбек сказал мне
 Земля мяча есть родич дальний
 - Еще вдали, - сказал, - есть море,
 В нем дна нет даже, - он сказал мне.
 Еще сказал, что есть пустыня,
 Где жжет песок везде повально
 Ответь бабусь он прав иль врет он,
 Скорей ответь, мне знать охота

- Я - темная ответить мне ли,
- Сходи к мулле ты на неделе

- Бабусь, бабусь, прости за приткость,
- Скажи, а море густо, жидко?
- Сказали, есть гора далеко,
 Грозит макушкой небу шибко
 И что там бегают по склонам,
 Сайгак иль, может, заяц хлипкий?
 Скажи, медведь не выше будет
 Быка, смотри, наш мощен бык-то
 - Брось, озорник мой развеселый,
 Тебе об этом скажет школа!

НЕМЕРЕ МЕН ӘЖЕСІ

Айтшы әжетай, көк деген не?
 Теңбіл-теңбіл көктеген бе ?
 Жұлдыз көзін жымындатса
 Ай-әжесі «Тек-дегенбе?
 Бұлттар бөрте ешкідей дәл
 Мана тізген көк көгенге
 Қатар көкте шұбырып барад
 Ағытып біреу «Шек » - деген бе?

-Қой құлыным,обал обал
 Молда оқытар мектепке бар

-Әже-ау біздің Лұқбек айтад:
 «Жер - ойнайтын доп, - деп айтад –
 Тағы алыста теңіз де бар,
 Тіпті түбі жоқ» деп айтады –
 «Шөл деген бір жер бар дейді –
 Ылғи қызыл шоқ!» -деп айтад
 Айтшы, әже, әже, әже!
 Рас па сол? Айтсаң кайтед?

-Мен білем бе, мен бір надан
 Ертең сұра, бар молдадан!

-Айтшы деймін айтшы әжекем,
 Теңіз деген сұйық па екен?
 Алыста ескен тау бар дейді,
 Басы көкке тиіп пе екен
 Тау жағындағы әлгі жүйрік
 Қоян ба екең киік пе екен?
 Аю деген біздің мынау
 Көк бұқадан биік пе екен?

-Тек! –деп ем ғой,-тентек,тентек,
 Мұны айтатын мектеп, мектеп!»

ЮНЕЦ

- Мой мальчик славный, что ты киснешь,
- Тебе грустить ли, мой ребенок?
Ты мал не будь привязан к мысли,
Она - мираж, что не догонишь
Придет сама как повзрослеешь,
А детство - время не для стонов
Пойди в табун, там изождался
Тебя твой резвый жеребенок!

- В табун идти мне неохота,
- Пойду далеко, на охоту

Домбру возьми, раз так взгрустнулось,
Спой песню чтобы встрепенулись
Красотки юные в округе
Чтоб песнь твою они услышав,
От страсти жаркой захлебнулись
Во всю щеку горит румянец,
Собой твой станчинару манит
Найди себе ты черноглазку,
Она тебе женою станет

- Мне к черноглазке неохота,
- Пойду далеко, на охоту

- Я мать твою рожден ты мною,
Мой сын, ты счастья достоин
Зачем собрался в путь далекий,
Печалься, стану я больною
Я без тебя, мой светоч милый,
В тоску и грусть себя зарюю
Тебе не надо в путь далекий,
Позволь, тебя я успокою -

-Тебя печалить неохота,
Но все ж, пойду я на охоту

Дано ли ветру не скитаться?
Он на охоту вышел, дерзок
Ни скот, ни родич и ни дева
Того, кто дерзок, не удержат
Пока он ехал, одинокий, -
Попался враг- жесток и мерзок
В полете - копья, в рубке - сабли,
Упал юнец в бою ослабнув
Упал юнец в кровавой пене,
Нашла душа отдохновенье

ҰЛАН

Нені ойлайсың, құлыншағым?
 Не мұның бар, айт, қарағым!
 Жассың, ойға әуес болма
 Ой жеткізбес, ол - бір сағым!
 Ұлғаярсың, өзі-ақ басар,
 Жастық - күліп-ойнар шағың
 Ішің пысса - малды арала,
 Жүр ғой шауып құлыншағың

- Жоқ, бармаймын, апа, малға,
 - Кетем алыс, шығам аңға'

Шерің болса, домбыранды ал
 Домбыранды ал, ән шырқап сал,
 Даусыңды естіп, жас сұлулар
 Талып жұтсын тәтті улы бал
 Беттеріңнен қан тамып тұр,
 Тал қызығады бойына тал
 Неге ойлайсың, ерке марқам,
 Бір қара көз болмай ма жар?

-Қарамаймын, апа, жарға,
 Кетем алыс, шығам аңға'

Сені тапқан мен анаң ғой,
 Қарашығым, сен балам ғой!
 Алыс жолға кетсең, козым,
 Күтіп, күйіп мен жанам ғой
 Қарт күнімде сенсің сәулем,
 Сағынып сені, сарғаям ғой
 Мені десең, еркетайым,
 Кетпе алысқа, қой, балам, қой!

Ренжіме, апа, күтпе, жанба
Кетем алыс, шығам аңға'

Кетті алысқа - шығып аңға!
Жолаушылық желге таң ба?
Малың, жарың туысқанын
Байлау болмас жүйрік жанға'
Кетіп бара жатқанында,
Жау кез келді жалғыз жанға
Найзаласты, қылыштасты, -
Ұлан өлді батып қанға
Ұлан елді батып қанға,
Тыныш тапты асау жан да

Я ВЕРЮ ТЕМ, КТО ЮН!

Они, как львы, грозны,
Как тигр в броске, сильны,
В полете, как орлы,
Я верю тем, кто юн!

Огонь блестит в очах!
Есть сердца жар в речах!
Их честь для них как флаг!
Я верю тем кто юн!

Люблю их, как орлят,
Что в небо лишь спешат!
Они лететь хотят!
Я верю тем кто юн!

Сердца их так чисты!
Возвышенны мечты
Их души как цветы!
Я верю тем, кто юн!

Горды своей страной,
Аркою золотой
Они пойдут на бой!
Я верю тем кто юн!

Они -«Алаш» сыны,
Ради своей страны
Готовы пасть они
Я верю тем, кто юн!

Я верю тем, кто ю!
Величие страны
Они поднять должны!
Я верю тем, кто юн!

МЕН ЖАСТАРҒА СЕНЕМІН

Арыстандай айбатты
Жолбарыстай қайратты-
Қырандай күшті қанатты
Мен жастарға сенемін!

Көздерінде от ойнар,
Сездерше жалынбар,
Жаннан қымбат оларға ар,
Мен жастарға сенемін!

Жас қырандар - балапан,
Жайып қанат ұмтылған
Көздегені көк аспан,
Мен жастарға сенеміні!

Жұмсақ мінез жібектер,
Сүттей таза жүректер,
Қасиетті тіектер –
Мен жастарға сенемін!

Тау суындай гүрілдер,
Айбынды алаш елімдер,
Алтын Арка жерімдер,
Мен жастарға сенемің!

Қажу бар матұлпарға,
Талу бар ма сұңқарға,
Иман күшті оларда,
Мен жастарға сенемін!

Алаш - айбынды ұраны,
Қасиетті Құраны,
Алаштың олар құрбаны,
Мен жастарға сенемін

Мен сенемін жастарға
Алаш атын аспанға
Шығарар олар бір танда,
Мен жастарға сенемін!

О, ГУЛЬСУМ!

О, Гутьсум, чьи пленительны очи и речи медовы,
Пусть уж нам в печатления мира не новы,
Почему же волнуясь при встрече я с Вами,
На безумства любые окунуться готовый.

О, Гутьсум, чьи пленительны очи и речи с намеком,
Пусть смеется не солнце, Гутьсум, - Ваше око.
Ах, Гутьсум - это солнце, плывет себе в небе
И не знает, что кто-то тут страдает жестоко.

ГҮЛСІМ ХАНЫМҒА

Бота көз, сиқырлы сөз, Гүлсімханым,
Әр жерде өткізсек те емір таңын,
Кей уақыт көзіңізге көзімтүссе,
Ойнайды аласұрып неге жаным?!

Бота көз, сиқырлы сөз, ханым Гүлсім,
Көктегі күн құлмесін, Гүлсім күлсін!
Гүлсім - Күн, көкте ақырын жүзе білед
Сүйдіріп, күйдіргенін қайдан білсін!

ГУЛЬСУМ

Из нежного ветра, что дует в раю,
 Из лучших соцветий в родимом краю
 Красивая женщина сотворена.
 Но сослана в быт, не на время-навек,
 Она – подневольный теперь человек,
 Загублена этой судьбою она.
 Прекрасной той женщины имя- Гульсум,
 Она, как загадка, тревожит мой ум.

В раю есть родник, чья вода горяча,
 Клубится вверх пар золотой из ключа,
 И ангелы Богу осанну поют.
 Из вод серебристых того родника,
 Из шепота листьев на всех языках,
 Из божьего света, вся нега, уют,
 Из ангельской сути она рождена,
 Лишь небо ее есть родная страна.

Алмазные крылья ее так чисты,
 Страна ее - небо, обитель мечты,
 Но землю увидев потопшей в крови,
 Она, как кинжалом, была пронзена
 Увидела степь, что страданья полна,
 Где люди, как волки, живут без любви.
 Людей пожалела, на землю сошла,
 Сошла и исчезла в обители зла.

Людей пожалела, на землю сошла,
 Летала повсюду, блистали крыла.
 Любила того, кто страданьем томим.
 Смеялась, когда людям нужен был смех,
 Делила и смерть, если все шли на смерть
 Она согревала дыханьем своим.
 И, выгацив многих из пыли и ям,
 Прошла по бедовым житейским морям.

Жемчужною пеной чаруя наш взор,
Обманом морской привлекает простор.

А бросишься в воду, пучина там ждет
Жизнь - это море, где сверху волна,
А в глуби - пучина без края и дна.

Кто хочет в пучину - стать жертвою вод?
Пучина смеялась, она и вошла,
Войти не успев, в тот же миг умерла.

Она умерла, пролетали года,
Она умерла, нет от песен следа.

И, в сумраке сером блистая крылом,
Она пролетала над грешной землей,
Тоскуя о небе ночью порой,

С печальной песнею, что о былом.
Хоть крыльев был твердым все так же алмаз,
Горючие слезы струились из глаз.

Люблю я стихи, что волненья полны,
Меня восхищает сиянье луны

Поэт я, наперсник возвышенных грез.
В опасное время, на гиблом пути,
Я шел, полагая, что нужно идти

И, вечером как-то, в час неба без звезд
Я словно увидел зарю иль закат,
Души ее свету, увидев, был рад.

Был голос ее словно дивный хорал,
Лицо ее чистое нимб озарял,

И слуху, и зренью в усладу дана,
Она покорила собою меня
К ней я подошел, словно к снопу огня,

Сказал «Уведи меня в небо, Луна!»
Она на меня не взглянула никак,
Мое юное сердце окуталось в мрак.

Сказала «Я смерти заложник живой,
Оплакали ангелы смерти день мой!»

Взглянула на миг и исчезла, ушла.
Но свет этот райский, сиянья овал,
И голос прекрасный, в котором - печаль,
Остались со мною, как горстка тепла.
Пусть будут манить меня сотни чудес,
Навечно со мною теперь эта песнь.

Из ангельских песен, чарующих слух,
Из моря любви, возвышающей дух,

Красивая женщина сотворена.
Но сослана в быт, не на время - навек,
Она - подневольный теперь человек,
Загублена этой судьбою она.

Прекрасной той женщины имя - Гульсум,
Она, как загадка, тревожит мой ум.

ГҮЛСІМГЕ

Жұмақтағы жібек желден,
Мәңгі жайнап тұрған гүлден
Жаратылған әйел сұлу!
Турмыс деген бір тұзаққа,
Азға емес, тым ұзаққа
Кез болыпты – ішіпті у.
Әйел атын Гүлсім дейді,
Тұрмыс атын тылсым дейді.

Жұмақтағы кәусар судан,
Бетіндегі алтын будан,
Періштелердің жырынан,
Жұмақ суы сылдырынан,
Жапырағының сыбдырынаң,
Тәңірініндәл өз нұрынан
Жаратылған періште еді,
Мекені оның ғарышта еді.

Алмас қанат періште еді,
Мекені оның ғарышта еді,
Жерді көрді қанға батқан,
Жүрегіне қанжар кіріп
Жапан түзде андай ұлып,
Елді көрді зарлап жатқан

Елді көрді жерге түсті,
Жерге түсті кереге түсті
Елді көрді жерге түсті,
Қақты қанат, кезді, ұшты
Кім зарласа, соны сүйді
Күлгенменен бірге күліп,
Өлгенменен бірге өліп,
Күйгенменен бірге күйді

Жабыққанға жәрдем етті,
 Қара да, ақ та теңіз өтті.
 Алдап меруерт көбік шашар,
 «Кел, -деп, - бері!», қойнын ашар,
 Тұрмыс- теңіз бір тұңғыық
 Теңізге кім басар қадам,
 Басса басар оған адам,
 Жанын сатып, жанын қиып!
 Тұрмыс-теңіз сылқ-сылқ күлді.
 Сұлу суға кірді де өлді.

Өлді сұлу- өтгі жылдар,
 Өлді сұлу- бітті жырлар,
 Жалғыз ерте кешкі таңмең
 Қанды жерге көзін салып,
 Көкті ойлап күйіп-жанып,
 Қоңырлатқан мұнды әнмен
 Ұшады екен қанат қағып,
 Көзінен ыстық жасы тамып.

Жан толқытар жыр іздеген,
 Әдемілік нұр іздеген,
 Қиял құлы- мен бір ақын.
 Тұрмыста тар тайғақ жолға
 Түсіп келе жатып зорға,
 Күні кеше кешке жақын
 Батқан күннің таңын көрдім,

Сол сұлудың жанын көрдім.
 Күні кеше жанның жықың
 Жүзіндегі жұмақ нұрын
 Естіп, көріп, елжіредім.
 Жан жүрегім, қолым беріп,
 Қан аралас жасым төгіп:
 «Жолым баста, келші!» дедім.

Қайырылып та қарамады,
Жас жүрегім жаралады...
«Мен бір жанмын өлген» —
деді, «Періштелер көмген!»-
деді.

Бір қарады, кете барды.
Жүзіндегі жұмақ нұры
Аузындағы мұнды жыры
Жүрегіме сіңіп қалды.
Жүрегімнен кетпес бұл жыр
Құбылса да мыңға өмір.
Періштелер лебізінен,
Шын махаббат теңізінен
Жаратылған әйел сұлу!
Тұрмыс деген бір тұзаққа,
Азға емес, тым ұзаққа
Кез болыпты - ішіпті у!
Әйел атын Гүлсім дейді,
Тұрмыс атын тылсым дейді...

ЛУНУ И ЗВЕЗДЫ В УКРАШЕНЬЯ ДАМ

Твой лик как Солнце, верить ли глазам?
Целуй, от страсти умереть – бальзам!
Как шелк в полете, ты приди ко мне,
Луну и звезды в украшенья дам.

Туманит разум слов твоих игра,
Мне морем стать бушующим пора.
Твой смех есть россыпь жемчуга, мой свет,
На плоском диске, что из серебра.

Волнуясь, волосы волнуют сердце мне,
Волнуясь, шлю посланье я волне.
Любимая, вот сердце, вот стихи,
Даря их вместе, я люблю вдвойне!

Возьми стихами вышитый платок,
Мое дитя, ты сладкий лепесток.
На мед, обычно, мухи все летят,
Платком взмахнув, их вызовещь отток.

Когда придешь, в полете словно шелк,
Из света дам на голову венюк.
Из слез своих я жемчуг нанижу,
Не смейся, что без слез любить не мог.

Твой лик как Солнце, верить ли глазам?
Целуй, от страсти умереть-бальзам!
Как шелк в полете, ты приди ко мне,
Луну и звезды в украшенья дам.

ЖҰЛДЫЗДЫ - ЖҮЗІК, АЙДЫ АЛҚА ҒЫП БЕРЕЙІН

Келші, көзім, кун бетіңді көрейін,
Сүйші, сәулем, тұншығып мен өлейін.
Жет, жұлдызым, жылжып қана жібектей,
Жұлдызды - жүзік, Айды алқа ғып берейін.

Сөзің - сиқыр, есті тұман баскандай,
Ессіз жүрек дария болып тасқандай.
Күлкің, Күнім, күндей күміс табаққа
Мінсіз сұлу меруертті шашкандай.

Шашың - толкын, жүрегімнің жарына
Соғылды да, батты улы зарыма.
Айнам, саған арнап жырлар жазамын,
Қаламымды малып жүрек қанына.

Жырларыммен кестелейін орамал,
Бүлдіргендей, бөбектайым, бетіңбал
Балға талай шыбын қоңуға ұмтылар,
ұмтылғанда орамалмен қағып қал.

Еркетайым, келсең егер қасыма,
Сәулелерден шоқ қадар ем басыңа.
Көз жасымнан меруерт тізіп берер ем,
Келші, күлмей көзден аққан жасыма.

Келші, көзім, Күн нұрына көмейін,
Сүйші -өлейін, «неге өлейін?» демейін.
Жет, жұлдызым, жылжып қана жібектей,
Жұлдызды - жүзік,
Айды алқа ғып берейін!

ШОЛНЫ

Звон-звон, перезвон...
Я звоном этим возбужден.
Как россыпь, что изсеребра,
Стучится тонко в сердце он.

Звон-звон, перезвон...
В крови моей горит огонь
Снаружи слышен, как в близи,
За девушкой звучит вдогон.

Звон-звон, перезвон...
Берет звон сердце в свой полон.
Охвачен пламенем, горю,
Войди же, ангел, звону в тон.

Звон-звон, перезвон...
Пропал теперь я, обречен.
Я таю от медовых слов,
Дай руку мне, губами тронь.

Звон-звон, перезвон...
Я звоном этим покорен.
Звон в тихий шепот перешел .
Звон-звон, перезвон...

ШОЛПЫ

Сылдыр, сылдыр, сылдыр...
Қанымды кайнатты құрғыр.
Шық-шық жүрекке тиеді,
Күлшара талқан боп сынғыр!

Сылдыр, сылдыр, сылдыр...
Өзекті өртеді құрғыр.
Әдейі іргеден жүреді
Сұлу қыз санадан солғыр!

Сылдыр, сылдыр, сылдыр...
Жүрекі жандырды құрғыр.
Кеудені кернеді жалын,
Сәулем, періштем, тез кір!

Сылдыр, сылдыр, сылдыр...
Есімнен аударды құрғыр.
Лебізнен еріп барамын,
Жаным-ай, жақында, қол бер!

Сылдыр, сылдыр, сылдыр...
Талдым, қалды сүлдер.
Сыбырға айналды сылдыр,
Сылдыр, сылдыр, сылдыр...

ТЫ ГУРИИ РАЙСКОЙ МИЛЕЙ

Ты гурии райской милей,
Красивей ее, горячей.
Объятья раскрой мне сильней.
 Дай впиться мне в шею твою.
Ты - свечка, а я - мотылек,
Я - жертва, а ты - огонек,
Тебе нипочем коготок
 Приникну к тебе и сгорю.

ХОР СИПАТТЫ ҚАРЫНДАС

Хор сипатты қарындас,
Оттай сұлу, ыстық жас
Құшақта да қойнынды аш,
 Бұғақтан бір сүйейін!
Мен - көбелек, сен - бір шам,
Озі келген мен құрбан,
Шамға одан не зиян,
 Сүйейінде күйейін!

ЧТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?

Что есть любовь? Колючка, шип,
Вонзенный прямо в сердце.
Любовь есть рана для души,
Чья боль - причина бедствий.

Излечит быстро эту боль
Лишь поцелуй медовый.
Иначе ждет другая роль –
Ты истекаешь кровью.

Любовь - отравя, сладкий яд,
Пьянящий сердце разом.
Не привлечет ничто уж взгляд
И не пробудит разум.

Лишь пьешь и пьешь и слезы льешь,
И не проснешься даже.

МАХАББАТ НЕ?

Махаббат - бір тікенек,
Жүрекке барып қадалар.
Бақытсыз ғой бұл жүрек,
Тамшылап одан қан ағар.

Тез жазылмақ бұл жара,
Бал тілімен сүйсе жар.
Сүймесе жүрек, дариға,
Өлер жүрек, қансырар.

Махаббат - бір тәтті у,
Ішер жүрек болар мас.
Дүниедегі у мен шу
Мас жүректі оятпас.

Махаббат - бір тәтті у,
Ішер жүрек, төгер жас!

СТРУИ ЧЕРНЫХ ВОЛОС

Струи черных волос,
Брови, в коих вопрос,
Лоб - округлой дугой
Блеск горячих очей, Кожа -
снега белей

После встречи с такой, Страсть
познав, словно смерть, Можно и
умереть,
Можно и на покой

ТӨГІЛГЕН ШАШЫ

Төгелген шашы,
Қиылған қасы,
 Керілген мандай да.
Тістері - меруерт,
Бейне қар - мамық ет,
 Кез келсең мұндайға. Жалындап
күйүп,
Бір ғана сүйіп,
 Өлсең де болмай ма?

Г...

Не радуя солнца игрой,
Не теша цветов красотой,
 Прошло ты, лето, скорей.
Увяли деревья, цветы,
Озера, усохнув, пусты.
 Не слышно даже гусей.
Ты - диво меж явью и сном,
Мне встретилась в круге земном.
 Сгораю от страсти теперь.
Бла ты гостьей с небес,
Я жаждал, чтоб сон не исчез,
 Но в небо закрылась мне дверь.

Г...ГЕ

Күніңмен алтын қуантпай,
Гүліңмен жібек жұбатпай
Жеттің де тез өттің, жаз. Ағаш,
шөптер қуарған,
Айдын да құрып суалған.
Қаңқылдар қайда қоңыр қаз?
Өң мен түстей перизат,
Көріндіңде, болдың жат,
Жандырдың, міне, жанымды. Қараған
көкпен хор едің,
Көбірек көрсем деп едім,
Көк есігі жабылды...

ПРОЩАЛЬНОЕ

Моя любовь отравой была,
Зачем меня любила, не гнала?
Зачем и сам не думал я уйти,
Зачем в любви сгорели мы дотла?!

Меня любя, не видела других.
А я не видел горьких слез твоих.
В них чувств чистейших были жемчуга, Зачем
не умер в жертву я за них?!

Я знал сегодня бросишь ты меня,
Уйдешь по Волге, волн серебро гоня.
О, ангел мой, я полуброшен здесь; Отринула,
сумей и жизнь отнять.

Ну, все, прощай, в знак дружбы руку дай; Моя
рука дрожит, не замечай.
О, Гуль... нет силы дописать стихи,
С горчащим сердцем вывожу «Прощай!»

АЙРЫЛҒАНДА

Бір жыл болды сені сүйдім, уладым,
Бауырыңа алдың, неге мені қумадың?
Ессізбін мен айрылуды ерте ойлап
Қанды жаспен көзім неге жумадым?!

Сүйдің мені, басқа жаңды көрмедің,
Жасың төктің, қадірінді білмедім.
Мөлдіреген шын меруерт жасыңнан
Садаға боп сорлы неге өлмедім?!

Білдім: бүгін мені тастап кетесің,
Күміс көбік Ақ Еділден өтесің.
Бота көзім, өлтіріп кет қолыңнан!
Тірі тастап кетіп мені нетесің?!

Көріскенше қош бол енді, бер қолды...
Қалтырайсың, қолым, саған не болды?
Жазуға енді, Гүлім, халім қалмады...
Көзіме жас, жүрегіме у толды...

БЕЗЦВЕТКА

Без цветка в гуле дней
Замолчал соловей.
Он стал так... - серый птах, стал нелеп.
Жизнь в молчанье - тоска,
Печь, где нет уголька.
А без пламени сердце как склеп.

БОЛСА ГҮЛСІЗ...

Болса гүлсіз,
Бұлбұл үнсіз,
 Үнсіз бұлбұл - бір сұр құс.
Үнсіз өмір
Сөнген көмір,
 Отсыз жүрек - бос қуыс.

Я ПОЭТ

Я - поэт, я, как поток,
Теку, в себя влюбляя.
Я - поэт, огня приток,
Я неба достигаю.

Черногазка, прячь свой взор,
Не требуй поцелуя.
Увлечет тебя напор,
Лаская и милюя.

Я - поэт, я - ветерок,
Я весь - полет, стихия.
Я - игривый мотылек,
Люблю цветы любые.

Не печаль свой ясный лик,
Нет ветру в сердце места.
Соблазна полн его язык,
Лишь степь - его невеста.

Я - поэт, в стихах горяч,
Когда я вдохновенен.
Я - поэт, мой горек плач
В печальный день осенний.

Не дари мне этот взгляд,
Не обнимай, не надо.
Не це луй меня, мой яд
Отравит твою радость.

Пойми, с тобой меняж нет,
Мне даже мир весь тесен.
Я - лишь ветренный поэт,
Источник слез и песен.

ЖАС СҰЛУҒА

Мен ақынмын- ағынмын,
Сылдыраймын, сүйемін.
Мен ақынмын- жалынмын,
Шапшып көкке тиемін.

Қарақат көзің мөлдіреп,
Көп қарама, жас сұлу.
Сылдырап сипап, сүйген боп,
Алып кетер ағын су.

Алма ернің елбіреп,
«Сүйші, сүй» деп жалынба!
Отты ойыншы, дос біліп,
Жақындама жалынға!

Мен ақынмын - жел жүйрік,
Гүлдеймін, ұшамын.
Мен-ойыншы көбелек,
Көрінген гүлді құшамын.

Бүлдірген бетің сұрланып,
Желге сенбе, жас бала!
Сыбырлар, кетер ұрланып,
Шын жары оның- сар дала.

Көбелекке «кел!» деме,
(Елжіреу сонша не керек?).
Кетер ұшып өңгеге,
Балыңнан татса көбелек.

Мен ақынмын, жырлаймын,
Жүрекке жүйрік жел кірсе.
Мен ақынмын, жылаймын,
Жүрекке ауыр шер кірсе.

Жаншыларсың, жыларсың,
Құшақтама белімнен,
Жас денеңді улармын,
Сүйгізбеші тіліңнен.

Жас періштем, сұлу қыз,
Сүймеші, сүйме, сұраймын!
Мен ақынмын тұрлаусыз,
Жырлаймын да, жылаймын!

СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК

Он и она и не виделись долго,
И ждали в тоске столько дней
Однажды вдруг встретились ночью промозглой,
Счастливей нельзя быть, пьяней

Бросая друг другу счастливые взгляды,
В молчанье читают по ним о любви
«Ты рад, -она спросит, и скажет «Я рада»
И снова молчат, лишь волнение в крови

Сойдясь в поцелуе, протяжном и сладком,
Пьют радость и негу, к друг другу припав
Смеживши ресницы, играют в прятки,
А в воздухе запах цветов или трав

Дыханье горячее, в миг опаляя,
Им лица, и губы, и кожу ожгло
И было так близко до самого края
Но их пробудило от страсти тепло

Проснулись, но нет продолжения дальше,
Нет милого рядом и милой с ним нет
Во сне целовал их солнечный зайчик,
Надеясь свести их хотя бы во сне

Зевнув, потянувшись, с досады красотка
Сказала «Пригрело Наверно, к весне»,
И снова заснула уютно и кротко,
И больше не видела страсти во сне

Проснулся в тюрьме и джигит наш знакомый,
Он горько вздохнул, улыбнулся потом
Ему солнечный зайчик напомнил о доме,
А также о той, что забыла о нем

СӘУЛЕ

Көрісе алмай зарығып,
Сарғайысқан екі жас.
Әлдеқалай кездесіп,
Көріседі - көңіл мас.

Мөлдіресіп көздері
Бір-біріне қарайды.
Қысқа болды сөздер
Жылы у бойға тарайды.

Ауызға ауыз тиісті -
Денелері балқыды
Тілден тәтті сүйісті-
Жүрек жанды, шалқыды

Ыстық лебіз, сүйгенде,
Өртегендей жүздерін,
Енді дене күйгенде
Ашты екеуі көздерін.

Оянғанда адам жоқ,
Түс алдайтын жау ма екен!
Бір-бірін түсте сүйсін деп,
Ойнап сүйген сәуле екен.

Есінеп, бір керіліп,
Қайта тағы жұмып көз:
«Ұйқымды сәуле бұздың!» деп,
Жатты жамылып сұлу қыз.

Абақтыда оянып,
Жігіт «Үһ» деп дем алды.
Көрген түске жұбанып,
Сәулеге алтын қуанды.

ЛЮБИЛ Я В ТОТ МОМЕНТ

К тебе я как-то подошел,
Тебя красивой я нашел
 «Люблю тебя ты как из грез,
Сгорает сердце жар в крови,
Ты верь, люблю, и в знак любви
Беру в свидетели я звезд!»

За пояс я тебя схватил,
Мой поцелуй тебя пронзил
 Дрожа, волнуясь, ты стоишь.
Ко мне ты близко подошла,
А подойдя, ты не ушла,
 Вошла в объятия мои.

В глазах твоих такой был свет,
Ты не могла сказать мне «Нет!»
 Нам стало страсть не побороть.
В какой-то миг, сойдя с ума,
Ты прошептала «Я сама!»
 И мы слилися к плоти плоть

Но путник я, мне нужно в путь,
Скакун успел уж отдохнуть,
 Чего же сиднем мне сидеть?
Я ветром был, я полетел,
Я многих полюбить успел,
А вот тебя забыл, мой свет.

Меня сегодня увидав,
Ты подошла и, руку взяв,
 С укором смотришь на меня .
И говоришь «Ты не любил,
Зачем меня ты поманил,
 Ты обманул меня, маня»

«Ах нет, тебя я не манил,
Тебя я в тот момент любил,
 Поверь мне, дева, что из грез
Клянусь, я в том тебе не вру,
Любил тебя я в ту пору,
 То подтвердят вон сонмы звезд!»

СҮЙГЕНІМ АНЫҚ

Көрдім де келдім,
 Қолымды бердім:
 «Сүйем сені, сұлу қыз.
 Жүрегім жанып,
 Сүюім анық,
 Куә болсын көп жұлдыз!» -

Дедімде, тілден,
 Құшақтап белден,
 Қысып сүйе бастадым.
 Жақындай бердің,
 Қойныма кірдің,
 «Кет!» демедің, қашпадың.

«Сүйем¹» боп сөзің.
 Мөлдіреп көзің,
 Тақадың сен бетке бет:
 Айрылдың естен,
 Күндізгі күштен,
 Тиіп ыстық етке ет...

Ұшуга іңкәр
 Тұра ма тұлпар,
 Бір жерде ылғи шаң жұтып ?!
 Жел едім, ұштым,
 Талайды құштым,
 Кетіпін сені ұмытып.

Бүгін сен көріп,
 Қолыңды беріп,
 Қайғыменен қарайсың:
 «Сендім мен жазған,
 Сүйгенің жалғаң
 Алдадың!» -деп жылайсың:

Алдағаным жоқ,
Арбағаным жоқ,
 Сен сөзіме, сұлу қыз!
Тап сол сағат
Сүйгенім хақ,
Қуә мынау көп жұлдыз!

ОТРЕЗВЛЕНИЕ

Я легкомыслен, легко мыслил,
Без чувств, без мыслей, как осел.
Как мотылек, летал без зренья,
Везде и всюду новосел.

О, юность, ты есть опьяненье,
Ты вся загадка и кульбит.
Ту неживую, словно кукла,
Как мог когда-то я любить?!

ЕС КІРГЕН СОҢ

Бұртаң-бұртаң, жыртаң-жыртаң
Ой, сезім жоқ көк есек,
Бұқа мойын, тұтам бойын
Көрмеген мен-көбелек.

Шіркін жастық, ессіз мастық,
Не айла бар, бетім-ау:
Жансыз жанды, сол соққанды,
Соны да сүйдім дедім-ау!

ОБМАНУТАЯ КРАСАВИЦА

Еще вчера сияла ты полною луной,
Взгляд черных глаз всех поражал игрою колдовской.
Была ты белокожа, как тополиный пух,
Казалось, виноградной вьешься ты лозой.

В поре своей невинной была ты так чиста,
Дарили исцеленье слова в твоих устах,
Следам пророка были подобны и следы,
Была в них та же святость и та же высота.

Но ныне и в помине нет красоты былой,
Маральей самкой смотришь, что сражена стрелой.
Ты очень сожалешь, сгораешь от обид,
Поддавшись жаркой страсти, беспутной и хмельной.

Была уловкой лисьей соблазнена ты в миг,
Забyla ты о завтра, впадать не стала в крик.
Ни чести нет отныне, увяла и краса,
Теперь в беде ты вечной, покрыт позором лик.

Теперь тебя в народе распутницей зовут,
Никто с тобой не хочет пройти совместно гнуть.
Не плакать ты не в силах, ты вся ушла в свой плач,
Как будто можно плачем красу и честь вернуть.

АЛДАНҒАН СҮЛҮ

Күні кеше толғанай жүзің еді,
Сикырлы қара нәркес кезің еді.
Мап-майда мамық қардай мінсіз денең,
Бейне бір бакшадағы жүзім еді.

Жел тимей, кірсіз тұрған кезің еді,
Жандыға жақсы дәру сөзің еді.
Басып кеткен пайғамбар іздеріндей,
Қадірлі аяқ басқан ізің еді.

Ал бүгін ол көріктің бәрі де жоқ,
Ақмарал, аяғыңа дәл тиген оқ.
Өкіндің, жастық, мастық ісің өтті,
Аһ ұрдың, сыртың - жалын, ішінде – шок.

Тіліне қу түлкінің тез алдандың,
Ойламай тандағыны, тез құп алдың.
Тап-таза ат, көркем көрік- бәрі кетіп,
Өміріңше құтыла алмас отта қалдың.

Таралды жұрт аузына жаман атын,
«Бұзылған!» дейді енді жақын, жатың.
Бзындап ол да, бұл да сол сөзді айтар,
Жас төкпей нағып сонда шыдар дәтің?!

НА ЗИМНЕЙ ДОРОГЕ

Я в бескрайней степи понукаю коня,
 Одного, без друзей, ночь застала меня
 Завывает буран, гоножится метель,
 Жидкий снег превратил всю дорогу в кисель
 Конь поводит ушами, знать, видно, невмочь,
 Беспокоит его эта темная ночь

Разгребая свой путь, он рысит и рысит

Взбеленилась метель, дует ветер дурной,
 То он ангельски тих, то он бешено-злой
 То фырчит, то свистиг, то завоет, как зверь,
 То хохочет, смеясь, то молчит, изувер
 Снег же бьет мне в лицо, хлесток, словно из сит

А буран прихотлив - то замедлит свой бег,
 То клонится к земле и целует там снег

А то, грусть напустив, очень скорбен лицом,
 Что-то шепчет себе как растерянный гном
 Снег вокруг для него, словно саван... И хмель
 Позабыв, «Отходную» читает метель

Ух, крепчает буран, начинает душить,
 Еду я одиноком, нет нигде ни души

В тело холод проник, стало жутко от дум
 Я, возможно, не тою дорогой иду?
 Сердце бьется мое от тревоги такой,
 И виденья проходят немой чередой,
 И мне кажется, верно, ужасен мой вид

Пред бураном таким стал бессилен и Бог,
 Уж не видно пути, мрак- конец всех дорог

И ни проблеска света, мрак сплошной, словно ил,
 Каракоч, бедный конь мой, уж явно без сил
 Заблудившись в степи, в хладный саван одет,
 Может, в этой степи я найду свою смерть
 И умру я в степи, снежным саваном скрыт

ҚЫСҚЫ ЖОЛДА

Қараңғы түн, сар дала,
Көрінбейді айнала.

Боран соғып тұр борап,
Жолды басқан құр сорап. Астымдағы
жануар
Құлағын қайшылаңдырып,
Зорға борт-борт желеді.

Ызғарлы жел долданып, Екі
иіннен дем алып,
Ішін тартып оскырып,
Кейде қатты ыскырып,
Аңдай ұлып бір мезгіл,
Екі санын шапақтап,
Біресе сақ-сақ күледі.

Кейде кенет баяулап, Жер
бауырлап жаяулап,
Аузы-басы жыбырлап
Асып-сасып сыбырлап,
Жерді жапқан кебінді,
Сүйіп ақырын құшақтап,
«Әпсүн» оқып үреді.

Барады үдеп бұл боран,
Жанымда жоқ тірі жан.
Тоңазыды денемде,
Адаспай дұрыс келем бе?
Қорқып жүрек ойнайды,
Көз алдыма елестеп,
Әлденелер келеді.

Боранын Тәңір ашпады,
Жол білінбей бастады.
 Көрінген бір жарық жоқ,
Босаңсиды Қаракөк...
Сар далада адасып,
Суық кебін жамылып
 Қалармын, кім біледі.

НА ЛЕТНЕЙ ДОРОГЕ

Иду по бескрайней степи, одиноко
Я - черная точка, вокруг лишь - песок
 И нет ни кого, я - единственный путник
Ни друга со мною, кто шел бы за мной,
Лишь я и земля, небосвод голубой
 Готов я заплакать в песках бесприютных

Июльское солнце гнетет здесь мой дух,
А степь, словно труп, и ни звука вокруг
 Земля и сама задыхается в зное
Лишь вьется дорога, змеєю стелясь,
Лишь пыль, оседая, здесь грудится в вязь
И душно в безветрии, полном покоя

На небе ни тучки нет, ни - облачка,
Багрянцем окрашено небо слегка
 Вокруг погрузилось все в некую тайну
Вот кто-то как будто вздохнул, застонал
Иль демоном вдруг овладела печаль
 Иль ведьмы гуляют, безудержны крайне?

Там сопки уснули тягучей грядой,
Там озеро светится дивной дугой
 И сон ее мирный так сладок, покоен
В воде отражаясь, как в зеркале, весь
В своей нагоде, без всяких завес
 Камыш, ветерочка колеблем игрою

Прибой загудел, всюду только шум волн,
Пошли миражи вдруг с разных сторон -
То озеро зыбится, город иль туча?
Иль войско в доспехах блестящих, как лед,
В поход на кого-то державно идет,
 Из копий щетинясь покровом летучим?

Земля исстрадалась в надежде, что дождь
Из тучки, что праздна, поллет на «авось»
 Закатное солнце смеется далече
Цветы обожая- красавиц степных,
Вниманьем своим покоряет он их,
 Целуя с небес, опалаяет навечно

Вокруг только смерть, и ни звука окрест,
Один я в степи в сей, один я, как крест
 Чего же не видно русалок из сказки?
Чего ж не смеются они, хохоча,
Златыми власами меня щекоча,
 Нагие русалочки-голубоглазки?

Чего же они все таятся кругом,
Смеются и шепчутся, ходят молчком,
 И крутят свои в круг меня хороводы?
Им трудно ли выгнуться гибким бедром,
Прижаться, ласкаясь, всем естеством,
 И дать мне, целуя, пьянеть от свободы?

Лишь вьется дорога, змеєю стелясь,
Лишь пыль, оседая, здесь грудится в вязь,
И душно в безветрии, полном предчувствий
Впадая в беспамятство, пленник тоски,
Слезами тоски орошаю пески
 Я рад здесь скорей умереть от удушья

ЖАЗҒЫ ЖОЛДА

Дала. Дала. Сар дала!
 Жапан түзде бір қара -
 Келем жалғыз, жаяумын.
 Жаныма ерген жолдас жоқ,
 Төрт жағым дала- жер де көк
 Жылауға да таяумын.

Шілде. Оттай ыстық күн,
 Дала- өлік. Жоқ бір үн.
 Жер де жатыр тұншығып.
 Жол жыландай иірілген,
 Шаң ерініп, үйірілген.
 Ешбір леп жоқ тып-тымық.

Көкте жалғыз бұлт жоқ,
 Көктің түсі қызғылт көк
 Дүниені тылсым билеген.
 Ыңыранғандай әлдекім,
 Жылай ма екен әлде жын?
 Перілер ме күйлеген?

Созылып ұйықтап бел жатыр,
 Төсін керіп көл жатыр,
 Тыныш тәтті түс көріп.
 Суға - айнаға қаранып,
 Салқынша леппен таранып,
 Қамыс та тұр тербеліп.

Толқынға толды төрт жағым,
 Әлде жүзген бұл сағым
 Көл ме? Көшкен шаһар ма?
 Мұз көк темір киініп,
 Найзасын көкте үйіріп,
 Әскер жауға шабар ма?

Ақ бұлттар тұр жусап,
Күңіренеді жер сусап,
Алыстан ақырын Күн күлер
Қызыл жүзді гүлдерді,
Бұрандаған белдерді
Сүйемін деп күйдірет.

Айнала-өлім, ешбір үн.
Жапан түзде жалғызбын
Перісі неге келмейді?...
Денесі аппақ жалаңаш,
Көкпеңбек көз, сары шаш
Сақ-сақ неге күлмейді?

Сыбдыр-сыбдыр жүргендей,
Сылқ-сылқ қана күлгендей,
Көрінбей неге билейді?
Жібектей жетпіс оралып,
Жышандай жүзге бұралып,
Бетімнен неге сүймейді?!

Жол жыландай иірілген
Шаң ерініп үйірілген,
Ешбір леп жоқ, тып-тымық
Аңсап есім жия алмай,
Көзімнің жасын тыя алмай,
Өлсем екен тұншығып!

МЕНЯ ТОЖЕ, О, СМЕРТЬ, УПОКОЙ!

Нет сил моих больше, устал я в конец,
 Клубятся и тучи, что цветом в свинец,
 И ветер лениво нам вззоет о том
 Что кто-то вот умер: как жизнь коротка,
 Мы также все бренны, как те облака
 О, ветер, не надо жалеть ни о ком
 Прошу, у покойся, и плач свой уйми,
 Ведь смерть - это радость, ты это пойми
 Душа моя млеет от блажи такой'
 Меня тоже, о, смерть, упокой!
 Упокой меня, смерть, упокой!

Одна на опушке, дрожа на ветру,
 Росла молодая березка в бору
 Ее донимал только ветра напор
 Вся в листьях, как в серьгах, звеня шелестя,
 Пленяла собою она, как дитя
 Так что опечалить могло ее взор?
 Упала березка однажды вповал,
 Один только ветер над нею рыдал
 Душа моя млеет от блажи такой
 Меня тоже, о, смерть, упокой!
 Упокой меня, смерть, упокой!

Подняв над собою трепещущий флаг,
 С клинком, от которого в ужасе враг,
 Напором, подобный разлив у реки,
 Юнец черноглазый, насуплен и хмур,
 С врагами сражался, чтоб выбить в них дурь,
 И в битве со звоном встречались клинки
 Погиб тот юнец, хоть возрастом мал,
 Над ним только ветер молитву читал

Душа моя млеет от блажи такой!
 Меня тоже, о, смерть, упокой!
 Упокой меня, смерть, упокой!

Убогая степь, всюду пустошь одна,
 В убогой степи только тропка видна
 Там путник идет по тропе, одиноко
 Идет день и ночь, ему важно дойти,
 Вся обувь истлела наэ том пути
 И вот, наконец, заалел вдруг восток
 Но путник наш умер, хоть близок был дом,
 Занес его ветер прохладным песком
 Душа моя млеет от блажи такой!
 Меня тоже, о, смерть, упокой!
 Упокой меня, смерть, упокой!

С румянцем на щечках, что очень к лицу,
 С учтивою речью, ласкающей слух,
 С кудрями, что выются лозой смоляной.
 А смех ее звонкий, как жемчуг в разброс,
 Она как цветочек, что только пророс,
 Пятнадцать ей лет стало этой весной.
 Она в тишине пролила столько слез,
 Уйти ей из жизни в печали пришлось
 Душа моя млеет от блажи такой!
 Меня тоже, о, смерть, упокой!
 Упокой меня, смерть, упокой!

Ребенок лопочущий, ангел земной,
 Он всех рассмешит, такой милый, смешной
 О чем-то толкует, что нам невдомек
 Он крохотней ягод, нежней тростника,
 О горечи жизни не знает пока
 Источник надежды, любви родничок
 Но сглазили, видно, не стало мальчика,
 Лишь ветер тоскует о нем без конца

Душа моя млеет от блажи такой!
 Меня тоже о, смерть упокой!
 Упокой меня, смерть, упокой!

Волнуется озеро в дальней дали
 Жемчужные волны накатом пошли
 На дне этих волн, не поймешь толком где,
 Воздвигнуты юрты -числом шестьдесят,
 Завесы из шелка сверкают, блестят
 А там, за завесой, в прозрачной воде,
 Волнистые волосы в юртах видны,
 С нагими телами повсюду они
 Душа моя млеет от блажи такой!
 Меня тоже, о, смерть, упокой!
 Упокой меня, смерть, упоко!

Отрада для глаз, удалой мальчуган,
 Любовью родительской он осиян
 Спустился наш мальчик на самое дно
 Пошел он по юртам, к красавицам тем,
 Он их обнимал да и умер затем
 И ветер об этом от волн лишь узнал,
 А скорбь поглотила бескрайняя даль
 Душа моя млеет от блажи такой!
 Меня тоже, о смерть упокой!
 Упокой меня, смерть, упокой!

Идя с мальчуганом сквозь чистый поток,
 Возьму я красавицу под локоток
 С юнцом удалым навсегда подружусь
 Сквозь волны шагая с березкой младой
 Мальца приласкаю с отцовской тоской,
 И с путником я разделю его грусть
 Пусть тоже умру я скорей как они,
 Не стану жалеть свои юные дни

Душа моя млеет от блажи такой!
Меня тоже, о, смерть, упокой!
Упокой меня, смерть, упокой!

Возьми на колени меня как мальчика,
Целуй меня сладко целуй без конца
 Придиже, о, смерть, прошу, поскорей
Вот замерло сердце, лежу не дыша,
Взлетать перестала бунтарка-душа,
 А некогда не было духа бодрей
Возьми на колени меня и целуй,
Баюкая волнами, шепотом струй
 Душа моя млеет от блажи такой!
 Меня тоже, о, смерть, упокой!
 Упокой меня, смерть, упокой!

МЕНІ ДЕ, ӨЛІМ, ӘЛДИЛЕ

Қажыдым енді күш бітті,
Көңілісіз, салқын, күн бұлтты,
Жел бұйығып тербелген
Әлдекімнің өлгенін,
Оны қалай көмгенін,
Әңгіме ғып күңіренген.
Жел, күңіренбе, жасың тый,
Өлім күіі тәтті күй.
Балқиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле,
Әлдиле, өлім, әлдиле!

Қара орманның шетінде,
Нағыз желдің етінде
Өскен жалғыз жас қайың
Былқ-сылқ етіп билеген,
Сылдыр-сылдыр күйлеген,
Болсын онда не уайым?
Сол жас қайың құлапты,
Жанында жел жылапты.
Балқиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле,
Әлдиле, өлім, әлдиле!..

Қолына ала ту алып,
Қылышын қанға суарып,
Тау суындай тасыған.
Қарақат көзін қан жауып,
Қабағынан қар жауып,
Ойын салған жас ұлан –
Майданда ұлан қайтыпты,
Жел иманын айтыпты...
Балқиды жаным бұл күйге

Мені де, өлім, әлдиле...
Әлдиле, өлім, әлдиле!

Әлдеқайда бетпақ шөл,
Бетпақ шөлде жалғыз жол,
Сол жолменен жалғыз жан
Түн бойы талмай жүріпті,
Табанын тастар тілпті,
Келгенде атып алтын таң
Сорлы шөлде өліпті,
Жел құмменен көміпті.
Балқиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле...
Әлдиле, өлім, әлдиле!..

Бетінен алма қан тамған,
Тілінен тәтті бал тамған,
Бұйра толқын шашы бар,
Күлкісі меруерт шашылған,
Өзі - гүл жаңа ашылған,
Дәл он бесте жасы бар -
Сұлу көп жас төгіпті,
Тұншығып жасқа өліпті...
Балқиды жаным бұл күйге.
Мені де өлім, әлдиле...
Әлдиле, өлім, әлдиле!

Талпынған жаңа нәресте,
Аққанатты періште,
Былдырлаған бұлақтай.
Көрінген жанды күлдірген,
Жаңа піскен бұлдірген,
Балауса нәзік құрақтай,
Қайтыпты қозы көз тиіп,
Бетінен кейде жел сүйіп...
Балқиды жаным бұл күйге.

Мені де, өлім, әлдиле...
 Әлдиле, өлім, әлдиле!..

Алыста айдын шалқыған,
 Көбігі меруерт балқыған.
 Сол айдынның астында
 Бар екен алпыс ақ отау,
 Алтын уық ,жібек бау,
 Бәрі он алты жасында, -
 Отау сайын толқын шаш,
 Толқын шаштар жалаңаш...
 Балқиды жаным бұл күйге,
 Меш де, өлім, әлдиле...
 Әлдиле, өлім, әлдиле!..

Жаңа біткен балдырған,
 Сүйсе мейір қандырған,
 Айдынға барып түсіпті.
 Отауларды аралап,
 Жас жүрегін жаралап,
 Сұлуларды құшыпты.
 Құшыпты да өліпті,
 Жел толқыннан біліпті...
 Балқиды жаным бұл күйге.
 Мені де, өлім, әлдиле...
 Әлдиле, өлім, әлдиле!

Балдырғанмен бастасып,
 Сұлумен қол ұстасып,
 Жас ұланмен жолдас боп,
 Жас қайыңды қолға алып,
 Баланы сүйіп бір қанып,
 Жолаушымен мұңдас боп,
 Мен де тезірек өлейін,
 Әлі жаспын демейін,
 Балқиды жаным бұл күйге.

Меніде, өлім, әлдиле...
Әлдиле, өлім, әлдиле!..

Бетімнен тәтті бір сүйіп,
Алдыңа алшы әлдилеп,
Келші, өлім, тезірек.
Жан ұшудан тоқтады,
Жынданып енді соқпады
Кешегі асау жас жүрек.
Бетімнен тәтті бір сүйіп,
Алдыңа алшы әлдилеп...
Балқиды жаным бұл күйге.
Мені де, өлім, әлдиле...
Әлдиле, өлім, әлдиле!

ВОЛНА

Из волны родится волна,
Догоняет подружку она,
Друг за дружкой вдогонку бегут
И, как будто тоскуя о ком,
В нескончаемом споре лихом
До утеса в раздоре их путь

Там волна поверяет волне
Свои тайны, что были на дне
Их ранимых и нежных сердец
Жемчуг пены блестит как веноч,
Извиваясь в воде, как вьюнок,
До утеса дойдут наконец!

Детским лепетом дивным журча,
Серебром став в потоке ключа,
Ударяются выдохнув «Цок!»
Серебром, что по вкусу, как мед,
Золотым истечением вод
Омывают утесу лицо

О жемчужены каплями слез,
Омывая слезами утес,
Засмеются, целуя его
Этот смех их веселый есть плач,
Он - предвестье больших неудач,
Смех и плач - это смерть ведь всего

Порождая трезвон золотой
Одну тайну крадя за другой,
Серебрится волна за волной
Мед отдавшитому, кто им мил,
Умирают без страсти и сил,
На дне моря находят покой

ТОЛҚЫН

Толқыннан толқын туады,
Толқынды толқын қуады,
Толқынмен толқын жарысад.
Күңіренісіп кеңеспен,
Бітпейтін бір егеспен
Жарысып жарға барысад.

Толқын мен толқын сырласып,
Сырларын еппен ұрласып,
Толқынға толқын еркелеп,
Меруерт көбікке оранып,
Жыландай жүзге бұралып.
Жарға жетер ентелеп

Ерке бала былдырлап,
Сылдыр сылдыр сылдырлап,
Толқынды толқын қуады.
Күміс кәусар суымен,
Суының алтын буымен
Жарының бетін жуады.

Мөлдіретіп көз жасын,
Жасымен жуып жартасын,
Сүйіп сышқ-сылқ күледі
Жылағаны -күлгені,
Күлгені оның- өлгені,
Жылай, күле өледі.

Сылдыр, сылдыр, сылдырлап,
Бірінің сырын бірі ұрлап,
Толқынды толқын қуады.
Жарына бал береді,
Береді де өледі,
Өледі толқын, тынады.

ВЕТЕР

Вон ветер - мальчик озорной,
 Степь любит пламенной душой
 Ему покой неведом.
 Губами будто шевеля,
 Зашепчет из-под ковыля
 Или завоет следом

Нет ветру равных тут и там,
 Вот он забегал по горам,
 Смеясь, он брал преграды
 Не прячьтесь все равно найдет,
 Плевком в лицо вам попадет
 И убежит, неладен

Он беспокойный баламут,
 Пораньше встанет он и в путь
 И ну ползти по полю
 Пристанет к озеру, что спит,
 Его измучит, изрябит,
 С ним поиграет вволю

Потом разбудит древний
 бор,
 Утешит чем-то, резв и скор,
 Приветит старца, ласков
 И, умеря свою прыть,
 Стараясь чувства свои скрывать,
 Заглянет к черноглазке

Дыша в лицо ей горячо,
 Схватив логонько за плечо,
 Он скажет, скорбен слишком
 «Я прилетел к тебе с зарей,
 Дай поцелуй мне, ангел мой,
 Приветь меня, глупышку!»

Она молчит, а он взхлеб
В глаза целует, в губы, в лоб,
 То в грудь запустит руку
Я рад, красотка, за тебя,
Ах, почему не ветер я,
 Все остальное – скука!

ЖЕЛ

Жел –тым тенгек бір бала
 Жан сүйгені - сар дала,
 Дамыл алмай жүгірер,
 Ерні өтірік кыбырлап,
 Сыр айтқан боп сыбырлап,
 Кейде өгіз боп өкірер.

Желге еш нәрсе тең емес,
 Тау да жолын бөгемес,
 Сақ- сақ күліп секірер.
 Жүйрік желім тым соғқар,
 Біреу бетін жапса егер,
 Әдейі бетке түкірер.

Мазасы жоқ жел ерке
 Оянып ап тым ерте
 Жорғалай басып кетеді.
 Тыныш жатқан түс көріп,
 Көлдің бетін кестелеп,
 Оны әуре етеді.

Кәрі орманды оятып,
 Бірдеңе деп жұбатып,
 Жымиып күліп өтеді.
 Жұрттан ойын жасырып,
 Алқынып өзі асығып,
 Қарақат көзге жетеді.

Дем ала алмай асығып,
 Күрсініп ауыр, бас ұрып,
 «Саған, сұлу сәулеге
 Келдім ұшып, ғашықпын,
 Бір сүйюге асықпын,
 Мойның бұр мендей әуреге!»

Дейді де сүйіп көзінен,
Шашы, алма жүзінен,
Қол жіберді кеудеге
Бақыттысың, еркежан!
Уа, дариға, жасаған,
Жел емеспін мен неге?

НЕМНОГО ПО ФЕТУ

Ночи шелк,
Ветер смолк.
Он, она.
Тишина.
Они-вон,
Смеха звон.
Так пьяны,
Влюблены.
Месяц тих
У реки.
Соловей,
Ветер вей.
Остуди
Пыл в груди.
«Ах, не тронь!»
Губ огонь.
Тихий бор,
Разговор.
Сопок ряд,
Жаркий взгляд.
Шепоток,
Чувств поток.
Туч моря,
И-заря.

БІРАЗ ФЕТШЕ

Жібек түн-
Бәрі тың.
Сайраған,
Жайнаған,
Екі жас -
Екі мас:
Жүрек мас,
Көзде жас!
Сүтгей
Ай, Терең
сай:
Бұлбұл,
Гүл-гүл.
Екі жан
Ыстық
қан.
Жан ессіз,
От сүйіс.
Орман
Тынған.
Белдер
Гүлдер.
Күбір,
Сыбыр.
Тұман
Таң,таң!..

СВОБОДА

Когда землю покрыл всю кровавый потоп,
Когда пена взлетала до неба взхлеб,
 Когда бес человека попутал, и он
Позабыл, для чего ему разум был дан,
Когда Библию рвали, топтали Коран,
 Ковда равенства, братства был попропан закон,

Когда люди ходили по локоть в крови,
Когда сердце застыло, забыв о любви,
 Был в почете предатель, почитаем был лгун
 Когда резали все, всех косили подряд,
 И верблюдицу дойную, мать верблюжат,
 Когда Тенгри исчез, превратившись в таньгу,

Когда только шайтан правил миром, жесток,
Когда всюду вражда нам затмила исток,
 И казалось, что все жизнь в добре лишь мечта,
Отворились врата, и с высоких небес,
 В райском свете похожа на райскую весть,
 Прилетела Свобода, как ангел, чиста,

Ее лик ослеплял, словно солнечный смерч,
Была словно из шелка, волшебная речь,
 И белели, лучась, два алмазных крыла
 Все живое вокруг, чтоб увидеть живьем,
 В удивленьи большом окружило ее,
 А она, улыбаясь, им рада была

Осиянные светом, почтенья полны,
Затаивши дыханье, стояли они
 И, казалось, что счастьем не будет конца
 Те, кто света не видел, был жертвой невзгод,
Неодетый, голодный и бедный народ,
 Для веселья открыли умы и сердца

Загорается быстро и гаснет легко,
 Человек на решенья глупые скор,
 Не за это ль был изгнан из рая Творцом?
 Вот пришел он в себя, вновь недостаток обрел,
 И так к свету привык, так вошел в эту роль,
 Что за старое взялся к стяжанью влеком

Снова побоку честь, нагулял аппетит,
 Божий суд и людской вновь его не страшит, ^
 Про свободу забыл, что так тяжело далась
 Снова топчет других: всюду плач или вой,
 Снова всюду резня, кровь повсюду -рекой,
 Снова ложь и грабеж, вновь убийства и грязь.

Вновь подонки в ходу, коих выгнали вон,
 Чьи сердца, словно гниль, источают лишь вонь
 Вот кто ныне достиг своей цели опять
 Жуткой массой ползут тараканы, жучки,
 Снова хрюк издают кабанов пяточки,
 Снова гостью с небес они жаждут изгнать

И ругают ее, и зовут сатаной,
 И идут на нее дружной в злобе стеной,
 Вновь повсюду вражда восстает из золы
 У посланницы рая поблек ореол,
 Над священной гостьей-толпы произвол,
 В пятнах грязи и крылья, что были белы

Жуткой массой ползут тараканы, жучки,
 Снова хрюк издают кабанов пяточки,
 Торжествуют, смеются сбывлась их мечта
 А свобода, расправив два белых крыла,
 Приготовилась взмыть в край, не знающий зла,
 Как и прежде, невинна, как и прежде, чиста.

БОСТАНДЫҚ

Жер жүзін қан басқанда,
 Көбігі шығып аспанға,
 Жын жолдас боп адамға,
 Туралық, теңдік ұмытылып,
 Инжіл, Құран жыртылып,
 Жатқанда жерде -табанда.

Қызыл қанға мас болып,
 Жүрегі қара тас болып,
 Айрылып естен адамзат;
 Ұмытып мейірімді иесін,
 Сойып сауын түйесін,
 Тәңірісі боп Лат, Манат,
 Жүргізіп ібіліс әмірін,
 Жауыздық жайып тамырын,
 Өршіп өтірік, дұшпаңдық...
 ... Көк есігі ашылды,
 Жұмақ нұры шашылды.
 Келді ұшып бостандық.

Ғарыш нұрлы жүзі бар,
 Кәусар жібек сөзі бар,
 Әдемі, алмас ақ қанат.
 Жануарлар жердегі
 Ынтасы –жақын көрмегі,
 Таңырқады анталап.

Аппақ нұрға оранып, Ақырын
 ғана дем алып,
 Құрметпенен тұрысты,
 Сәуле көрмей, шеккен зар
 Аш-жалаңаш сорлылар
 Қуанысты, күлісті.

Тез жалындап суынған,
 Жұмақтан да қуылған,
 Адамзат бір әуреді.
 Есін жиып күйленіп,
 Әбден бойы үйреніп
 Алғаннан соң сәулеге -

Баяғысын бастады,
 Ұжданды былай тастады.
 Бостандықта жоқ жұмыс
 Зар еңіреді талай жан.
 Сел боп ақты қызыл қан.
 Өтірік, талау, өлтіріс.

Шірік жүрек сасықтар,
 Арамдыққа асықтар
 Жетілді, жетті мұратқа.
 Қыбырлаған қоңыздар,
 Қорсылдаған доңыздар
 Көктен келген қонаққа
 Тілін, қолын тигізді,
 «Сасық сайтан» дегізді.
 Жауыздық тағы өрледі.
 Ізгі елшісі жұмақтың,
 Қасиетті қонақтың
 Ақ қанаты кірледі.

Қыбырлаған қоңыздар,
 Қорсылдаған доңыздар,
 Тілегің болды-қуан, күл.
 Бостандық-ізгі періште
 Кетпекке ұшып ғарышқа
 Ақ қанатын қомдап тұр.

¹1918 жылы Сібірдерекция дәуірінде жазылған.
 (М. Жұмабаевтың ескертпесі)

АЛЕКСАНДР БЛОК

Александр Блок,
Сердцем, как уголек,
В надежду лишь верил одну
Погружаясь в печаль,
Он все Даму искал,
Терзая ночами луну

Он искал ее днем,
И ночью - чуть не с огнем,
Покоя и сна он не знал
Александр Блок,
Сердцем, как уголек,
Пытал молчаливую даль

Звал ее - «Идеал»,
В грезах к ней лишь взывал,
Был Блок заморочен, ей-ей!
Если Дама - цветок,
Соловьем ей был Блок,
Без устали пел соловей

Заливался все Блок,
Пел ей гимн свой, как мог
Вплетал и страданье, и свет
Вот и жизнь уж прошла,
Плохи Блока дела,
От Дамы известий все нет.

Дни за днями бегут,
Ночи молча текут,
Закончился сладостный гимн Болен,
сир, одиноч,
Что же видит наш Блок?
Старуха стоит перед ним

Вот тебе идеал,
Вот что ты все искал,
 Развеялось это все в дым
 Сердце, как уголек,
 Только плачет наш Блок,
 Он понял, что был нелюбим

Идеала-то нет,
А старуха есть смерть,
 Как смотрит, карга, из-под век?!
Жизни свет в нем угас,
Гимн заглох в тот же час,
 Только «Дама» осталась навек

АЛЕКСАНДР БЛОК

Александр Блок –
 Мәңгі жас жүрек
 Үмігін бір үзбеге н.
 Батып алтын ойға,
 Талмай қарап Айға,
 «Әдемі әйел» іздеген.

Көрінер деп күнде,
 Табылар деп түнде,
 Шарқ ұрудан талмаған
 Александр Блок –
 Мәңгі жас жүрек,
 Қай жерге ол бармаған?

«Әдемі әйел» - идеал,
 «Әдемі әйел» - бір қиял,
 Блоктың басын байпаған.
 «Әдемі әйел» бір гүл,
 Блок - бір бұлбұл,
 Блок - бұлбұл сайраған.

Сайраған Блок,
 Ойнаған жүрек —
 Кейде үміт, кейде зар.
 Өтеді өмір,
 Бітеді жыр,
 «Әйелден» бірақ жоқ ошар.

Күндерде бір күн,
 Түндерде бір түн
 Улы балды бітті жыр.
 Төсекте Блок
 Көз ашып көред, -
 Алдында бір кемпір тұр.

«Әдемі әйел»- идеал,
«Әдемі әйел» - бір қиял,
Идеал, қиял бір сағым.
Жанады жүрек,
Жылады Блок,
Көріп сөнген шырағын.

«Әйел» -идеал,
Кемпір-ажал
Тұр Блокқа үңіліп.
Сөңді енді өмір,
Бітті енді жыр,
«Әйел» қалды жыр болып.

ПЕЧАЛЬНАЯ БЕРЕЗКА

Печальная березка,
Тебе зимой непросто
Под ветром наклоняясь,
Забыла ты про тишь
О чем-то шепчешь, шепчешь,
И вся дрожишь, дрожишь
А ветер зол и гневен,
В порывах очень жестких
И, будто ветра мало,
Ты терпишь снегу стало
Покрыл тебя он густо,
Как саван, бел и сух
И так тебя сжимает,
Что вынимает дух
Придет ли лето, о, березка,
Когда, воды напившись чистой,
Распустишь пышно свои листья? Когда,
качая свои ветви,
Завееет нежно ветер летний!
Когда задремлешь потихоньку
От птичьих песен, очень звонких?
Но ныне ты грустна, угрюма,
Так и застыла в тяжких думах
Ушла ты вся в мечты о лете,
Тебя буран плевками метит
Я одного тебя желаю –
Пусть Бог твою печаль заметит

ҚАЙЫҢ

Қайғылы қайың!
 Аяныш жайың
 Сыбырлайсың,
 Дірілдейсің,
 Еңкейесің,
 Күбірлейсің,
 Ызғарлы жел
 Соққан сайын.

Үскірік аяз
 Болғандай аз,
 Қар да басқан
 Кебінге ұсап
 Сүйекке өтер
 Суық құшақ..
 Қашан, қайың
 Жетеді жаз?

Суға қанып,
 Жапырақ жарып,
 Күн болар ма
 Шайқалатын?
 Жылы желмен
 Жайқалатын,
 Құс даусына
 Құлақ салып?..

Қайғылы қайың!
 Қалың уайым
 Басқан сені,
 Жазды ойлап.
 Тұр үскірік
 Боран ойнап...
 Жасыңды исін
 Бір Құдайың!

МОТЫЛЕК

Летит на огонь мотылек
Без оглядки, бедняга, летит.
Ему в тот момент невдомек,
Что сгинет в огне он, сгорит

Кругами кружа иль мечась,
Он сядет чтоб снова вспарить
Но пламя, взметнувшись, тотчас
Его опалит и спалит

Друзья, делу- спешка вредит,
Завет бы запомнить простой
Не золото все, что блестит,
Завсей не угнаться красой

Нелепо вслед ветру лететь,
Постигнет судьба мотылька
За золотом ждет только смерть
В плаще из золы и песка

КӨБЕЛЕК

Отқа ұшар көбелек
Қарамай сорлы алды-артын.
Ойына кіріп-шықпайды,
Күйділер деп от-жалын.

Шырк айналып ентелеп
Жүрер де, бір уақ ол қонар.
Ұмтылған оты сорлыны
Күйділер де, тез тынар.

Құрбылар, іске бет алсақ,
Ойламай қанат қақпалық.
Анау жарық- алтын деп,
Көрінгенге шаппалық!

Желмен кетсек, қанатты
Көбелектей күйерміз.
Алам деп алтын барғанда,
Құлден кебін киерміз!

ТЕМНАЯ, БУРАННАЯ НОЧЬ

В бескрайней степи- буранная ночь,
Повсюду - лишь смерти унылое царство
Я факел зажег, чтобы свету помочь
Осилить покрытое мраком пространство

Пусть черные тучи нависли с небес,
Пусть вьюга ярится, вздымая метели,
Но в слабых руках слабый свет не исчез,
Он виден в ночи, хоть и теплится еле

Пусть светом таким и нельзя удивить,
Надеюсь, он выдержит долгие годы
Я с Солнцем, Луной мог его бы сравнить,
Без коих во мне бы осталась природа

Возможно, его гордецы не поймут,
Обидят насмешкой живущие прахом,
Не стану на это смущаться ничуть
Уверен, есть те, кто поддержит мой факел

ҚАРАҢҒЫ, ДАУЫЛДЫ ТҮН

Қараңғы, дауылды түн сар далада
Патшалық құрған өлім айналада.
Шыраққа қолымдағы от тұтаттым,
Үмітпен бір азырақ деп «Жана ма?»

Тұрса да қара бұлттар көктен төніп,
Соқса да жел долданып, өршеленіп,
Мың шүкір әлсіз қолда әлсіз шырақ
Жылтырап жанған боп тұр, қалмай
сөніп.

Бұйырса, шырақ сөнбес, ұзақ жанар,
Жарығы болмаса да жан таң қалар.
Сәулелі аспанда алтын, күміс нұрлы
Айбынды Күн мен Айға дәл парапар.

Менсінбес жөпшендіні көп маңғаздар,
Тең таплай кекел, мұқар сансыз паңдар.
Қайрылып қарамасын, - «кап» демеймін,
Табылар шыраққа көз салар жандар.

ВСЕ ГУЩЕ ГУЩЕ МРАК НОЧНОЙ

Все гуще гуще мрак ночной,
В печи уж уголь стал золой
Раздуть пытаюсь уголек,
Смеется мальчик, что со мной.

Вот искра вспыхнула в свой срок,
Вот показался огонек.
Но разгореться не успев,
Погас он сразу, одинок.

Тихонько гаснет уголь в печи,
Смеется мальчуган в ночи
Слезами полнится мой взгляд,
А тьма таится и молчит

ҚАРАҢҒЫЛЫҚ ҚОЮЛАНЫП КЕЛЕДІ

Қараңғылық қоюланып келеді,
Пеш ішінде шоқ ақғырын сөнеді.
Күлімсіреп жанымдағы жас бала
Қызық көріп сөнген шоқгы үреді.

Шоқ үстінен кішкене үшкын ұшты да,
Біразырақ шоқ қызара түсті де,
Дереу сөніп, тезірек күлге айналды,
Астындағы ыстық күлді күшты да.

Пеш ішінде шоқ ақырын сөнеді,
Сөнген шоқты үріп бала күледі .
Ой басты ма? Әлде көзім талды ма,
Мөлт-мөлт етіл көзіме жас келеді.

СТАЛ ГУЩЕ ТЕМНЫЙ ЛЕС

Стал гуще темный лес
Из сосен и берез
Друг вечных он небес,
Молчащий в полный рост

Завернут в саван, скрыт,
Спит старец, как дигя.
Буран, вопя, скорбит,
Молитвой старца чтя.

Немотствует старик
И спит не колебим.
А я в згрустнул на миг
И грежу вместе с ним.

Заснуть, как он, без мук,
Забуть про грусть-печаль.
Чтоб ветер выл вокруг,
Меня бы отпевал.

ЖИІЛЕНДІ ҚАРА ОРМАН

Жиіленді қара орман,
Қарағай, қайың аралас.
Мәңгі мылқау кәрі орман,
Көктегі күнмен шамалас.

Аплақ кебін бүркеніп,
Мылқау орман түс көрер.
Жел аза боп, өртеніп,
«Әпсүн» оқып үшкірер.

Мәңгі мылқау кәрі орман,
Былқ етпейді, түс көрер.
Жел мінезді ессіз жан-
Маған түрлі ой келер.

Ұйықтасам мен орман боп,
Тәтті-тәтті түс көріп.
Бетімнен тұрса жел жүріп,
«Әпсүн» оқыл үшкіріл.

МЫСЛЬ

Мысль –это яд,
Так утоляет жажду.
Мысль-это яд,
А яд снесет не каждый
Мысль-это яд,
В нем столько опьянения,
Мысль-это яд,
Готовься к омертвению.

Подобна морю мысль,
Валы натужно гонит
Подобна морю мысль,
Волнуется до стона
Подобна морю мысль,
Без края дна теченье
Подобна морю мысль,
Цена лишь жизнь влечению

Отравлен мыслью я,
Теряю, значит, разум,
Отравлен мыслью я,
Знать, в сердце есть зараза
Отравлен мыслью я,
Горю я чисто, ясно
Отравлен мыслью я,
Увяну и погасну

Ой

Ой деген у,
Ауызға алсаң, қандырар,
Ой деген-у,
Жанды есінен таңдырар,
Ой деген-у,
Ішсең мас боласың
Ой деген-у,
Ішесің де соласың

Ой-бір теңіз
Қап-кәра боп тебіренер
Ой-бір теңіз
Толкындана күңіренер
Ой-бір теңіз
Шетсіз, түпсіз, тұңғыық
Ой-бір теңіз
Жан түседі, жан қиыл.

Ой улады-
Жаным ессіз, жаным мас
Ой улады-
Жүректе зар, көзде жас.
Ой улады-
Кемір болды жүрегім.
Ой улады-
Сарғаямын, сөнемін!

ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЬ

1

Смотри с волнением, вдали
Жемчужных волн валы.
В них чья-то боль болит.
Жемчужных волн валы.
Сумеешь их язык понять,
Не знать тебе золы.
Смотри с волнением, вдали
Жемчужных волн валы

2

Мать

На землю молоко сдоив,
Грустит ли мать моя по мне?
Грудь рукавом большим прикрыв,
На землю молоко сдоив,
Как объяснит такой порыв?
Меня ли видела во сне?
На землю молоко сдоив,
Грустит ли мать моя по мне?

3

Мать и младенец

Младенца нежный локоток,
Ласкаясь, мать целует.
Зарыв желанья в песок,
Кляня свой локоть и висок,
Стоит с лопатою сынок,
Безмолвен, строг, горюет.
Младенца нежный локоток,
Ласкаясь, мать целует.

4

Какой-то черный силуэт
 Как будто скачет вдалеке.
 Вон мальчик, ждущий лунный свет,
 Какой-то черный силуэт,
 Луны все нет, все нет, все нет,
 Когда ж доскачет друг тоске?
 Какой-то черный силуэт
 Как будто скачет вдалеке

5

Жизнь

Ты - глупый пес, а жизнь - лиса,
 Бежишь ты радостно за ней.
 Схвати ее, иначе сам
 Пойдешь к праотцам в небеса,
 Тебя пасут, собак краса,
 Найдут, отдашь лису скорей.
 Ты - глупый пес, а жизнь - лиса,
 Бежишь ты радостно скорей

6

«Повинное» слово

Ни Бога нет, ни веры нет,
 Как душу мне очистить?
 Где страсти нет, не мил мне свет,
 Ни Бога нет, ни веры нет,
 Жизнь только гнили жалкий цвет.
 Как без надежды мыслить?
 Ни Бога нет, ни веры нет,
 Как душу мне очистить?

7

Звук в ночи

Подавший голос мне в горах
Был Тенгри или филин был?
Познал тогда я скорбь и страх.
И, если Тенгри, это ты
Подал свой голос мне в горах,
Осуществи мои мечты,
Не будь скупым ты, как Аллах!
Подавший голос мне в горах,
Скажи мне все же, кем ты был?

8

«Завтра», «вчера», «сегодня»

Все ясно с «завтра» и «вчера»,
Сегодня –это только миф.
А «завтра» -это туч игра,
Все ясно с «завтра» и«вчера»,
Прошедших дней прошла пора,
Оставив в памяти нарыв.
Все ясно с «завтра» и «вчера»,
Сегодня - это только миф.

ҚОҢЫР ЖЫР

1

Тізілген толқын - меруерт,
 Толғанып оқы, тербетер.
 Күңірентер оймен кім білед
 Тізілген толқын- меруерт.
 Оқи білсең күңіреніл,
 Ойыңның бойын өрлетер
 Тізілген толқын - меруерт,
 Толғанып оқы, тербетер.

2

Шешем

Жерге сауып емшегін,
 Шешем қайғы жей ме екен?
 Орамал қытып кең женін,
 Жерге сауып емшегін,
 Теріл жүріл шөпшепін,
 «Құлыным қайда?» - дей ме екен?
 Жерге сауып емшегін,
 Шешем қайғы жей ме екен?

3

Ана мен бала

Бөбектің балғын білегін
 Анасы сорып сүйеді...
 Көміп жерге тілегін,
 Қарғап талған білегін,
 Таяныш қып күрегін,
 Баласы оймен күйеді...
 Бөбектің балғын білегін,
 Анасы сорып сүйеді...

4

Әлдеқайда бір қара
 Елбең-елбең етеді.
 Айды күткен жас бала.
 Әлде қайда бір қара.
 Күте-күте жан жара.,,
 Дарига, қашан жетеді?!
 Әлде қайда бір қара
 Елбең-елбең етеді!

5

Өмір

Өмір- түлкі, сен-төбет,
 Арсалаңдап келесің.
 Тақымда, тез деңгелет,
 Өмір -түлкі, сен-төбет,
 Артыңнан андып кім келед?
 Түлкіңді соған бересің...
 Өмір -түлкі, сен -төбет,
 Арсалаңдап келесің...

6

«Күнә» айтқызды

«Тәңірі» де жоқ, «тәубе» жоқ,
 Жаным қалай тазарсын?
 Тұрмыста нәпсіз сәуле жоқ,
 «Тәңірі» де жоқ «тәубе» жоқ
 Өмір деген - шірік **шөп**,
 Қай үмітпен қазарсың?
 «Тәңірі» де жоқ, «тәубе» жоқ
 Жаным қалай тазарсын?

7

Түн айтқызды

Тауда түнде үн берген
Тәңірі ме, әлде байғыз ба?
Үнді естіп жаным күңіренген,
Тауда түнде үн берген
Тәңірі болсан, кел бермен,
Қолымды көкке жайғызба!
Тауда түнде үн берген
Тәңірі ме, әлде байғыз ба?

8

«Келешек», «Кеше», «Бүгін»
«Келешек» пенен «кеше» -анық,
«Бүгін» деген бір бу ғой.
Бұлт басқан бетін нұрланып,
«Келешек» деген күн анық.
Өткен «кеше» ұрланып,
Естен кетпес бір у ғой...
«Келешек» пенен «кеше»- анық
«Бүгін» деген бір бу ғой

ПАПИРОСА

В руке - папироса,
Стряхаю вопросы
Вместе с пеплом в горшочек, что пуст.
Забывшись порою,
Я в дым весь зароюсь
И дымом, что густ, захлебнусь.

Жизнь - речки быстринка,
Надежда - тростинка,
Я поплавать в быстринке решусь
Но только я - в воду,
Хоть мелко здесь вроде
Неожиданно я захлебнусь

Забывшись порою,
Я в дым весь роюсь,
Буду кашлять от дыма, что густ.
Жизнь -хрупкость тростинки,
Надежда как льдинка,
Яд приму и умру, задохнусь.

ШЫЛЫМ

Қолда шылым,
Тартып, күлін
Түсіремін табакқа.

Кейде ұмытып,
Түгін жұтып,
жіберемін тамаққа

Өмір- бұлақ,
Үміт –құрақ,
Жүзейін деп түсемін.

Дәл түсерде
Су кешерде
Ұмытып су ішемін.

Кейде ұмытып,
Түгін жұтып,
Шашаламын, жөтелем.

Өмір-құрақ,
Үміт-жырақ,
У ішемін де өлем!

КТО УТЕШИТ?

Чтобы душу взбодрил,
Чтобы понял твой пыл,
 Нет друга, который с тобой.

В дни, когда одиноко,
С болью, что как ожог,
 Утешен ты только мечтой.

Краше гурий с небес,
Сречью, полной чудес,
 С возлюбленной милой живешь
Ты милуешь ее,
Ты целуешь ее,
 На тень или призрак похож

КӨҢІЛДІ АШАР

Көңілді ашар,
Жалынды басар,
 Жоқ жанында жолдасың
Отырсаң аулақ,
Дерт басса қаулап,
 Жұбатар қиял – мұңдасың.

Бейне хор жүзі,
Бейне бал сөзі,
 Жан жарыңмен тұрасың
Қушақтап белдең
Жалындап тілден
 Сүйіскендей боласың.

СОН

Мой взор не видит ни луны, ни солнца,
Свет дня давно погас в моем оконце.
Я не пойму, чему так рады люди,
Лишь жду тот миг, кода свой срок закончу.

Я полон сил, напрасных и нелепых,
В тюрьме зачем мне эти мощь и трепет?
Я сна лишь жажду, словно утешенья,
И то смыкаться не желают веки.

ТҮС

Жарық сәуле, Айды, Күнді көрмеймін,
Жарты өлік, толық өмір сүрмеймін.
Қуанышты, азат жүрген халықтың
Не істегенін, не дегенін білмеймін.

Қор болды ғой қалың қайрат, есіл күш!
Абақтыда қолдан келер қандай іс?
Ұйқы тілеп, көзді зорлап жұмамын,
Амал қанша, жубанышым жалғыз түс.

ОДА ГЛАГОЛЬНОЙ РИФМЕ

Бедняга квелый- «пропустил»,
В раздумьях что-то- «отпустил»,
Отраву пил - «не закусил»,
В кустах играя - «не грустил».
Надежду вечно он - «растил»,
Был одинок, но всех«простил»
Что за стихи с концом на «сти»?
К чертям! Пойду овец пасти!

ӨЛЕҢНІҢ ҰЙҚАСЫ

Талапсыз сорлы - «ойлаған»,
Ойға терең - «бойпаған»
Есалаң, уға - «тоймаған»,
Қажып бір ойын - «қоймаған»
Есер жүрек - «ойнаған»,
Өлгенше үміт- «жоймаған»,
Жындыдай жалғыз - «тойлаған»,
Жалықтырды - «ой» да «ған»...
Құрысын өлең!
Қой бағам!

ДРУЖБА И СЛЁЗЫ

Рождает дружбу пьянства транс,
Два пьяных - это дружбы шанс.
Как выпьешь, сердцу горячо,
И слезы льются в дилижанс.

Болезнь рождает дружбы цвет,
Больного лучше друга нет.
Жалея, плачем в след ему,
И слезы капают в кювет.

А тот, кто трезв тот зверь лесной,
Здоровый - это не больной
И трезвый дружбу не поймет,
Он слезы лить не станет, злой.

ДОСТЫҚ ҺӘМ КӨЗ ЖАСЫ

Достықты мастық туғызад,
Шын- шын достар - екі мас.
Жүректі мастық өртейді,
Төккізіп кезден ыстық жас.

Достықты ауру туғызад,
Ауру адам - адал дос
Ауру көз жас төккізед,
Ауырсаң ғана жүрек бос.

Айық адам - аң адам,
Дені сау адам- бейне тас.
Достыққа баға бере алмас,
Төкпес ол көзден ыстық жас.

«Шын дос боп ыстық жас төксін»,
Десең досқа арақ бер,
Не болмаса, Тәңірден
Ауру бер деп тілей көр!

ПОЭТУ-СОВРЕМЕННОМУ

Смотрю в окно и вижу Вас,
Лижу потом я карандаш.
Размеры, строки подсчитаю,
Иду спокойно я на марш.

На стих нацелю и я всегда,
Не дописать стихи - беда!
Не знают люди, Бог простит,
Краду у Фета без стыда.

ЗАМАНЫМЫЗДЫҢ АҚЫНЫ

«Терезеге қараймын,
Қарындашты жалаймын.
Келтірем деп өлшеуге
Сөздерді іштен санаймын.

Басқаға мойын бұрмаймын,
Бітірмей жазып, тұрмаймын.
Не керек жұрт сезбейді, -
Ақырын Феттен ұрлаймын».

О, ГОСПОДИН НАШ, ГОСПОДИН

О, господин наш, господин!
По дому видно, важный чин
Тут проживает... Знатный дом!
Какая роскошь! Блеск один!
Берете, видно, Вы с людей,
Охоч давать простолвдцин
Не перейду я к Вам на ты,
Скажу, как черту, только «Сгинь!»

БІР БИГЕ

Ә, биіміз, биіміз,
Түрленіп қапты үйіңіз,
Көріп тұрмын көзіммен.
Тым-ақ тәуір күйіңіз,
Байқаймын, мол ғой тегінде
Алатын елден сыйыңыз
«Сен» деп сізге не дейін,
Тамұқта мәңгі күйіңіз!

НЕДУГ

Врачам ли это вызнать,
Шаман тут слаб, поверьте
Мне смерть дороже жизни,
Я сам прошу о смерти.

Шаман и доктор нужен
В болезни человеку
Когда душа недюжит,
Найдется ли ей лекарь?

Телесной боли можем
Помочь - прервать мученье.
Так отчего, о, боже,
Душе нет излечения!?

АУРУ

«Дәрігер дәрі, бақсы!»-деп,
Алмандаршы мазаны.
«Тірліктен өлім жақсы!» -деп,
Сұраймын өзім қазаны.

Дене ауырса, дұрыс-ақ,
Дәрігер, бақсы ем қылар.
Жан ауырса, ойлап бақ,
Жанға емді кім қылар!

Уланды жүрек, жан күйді,
Ішім толған қызыл шок.
Не себептен, тәңірі ие,
Денеге ем бар, жанға –жок?!

ЗВЁЗДАМ

Как много вас, глаза небес,
Не стройте с неба глазки.
Я не смогу быть в гости к вам,
Эй, туча, скрой их сказку!

Бедняга я, что обречен
Рабом земли быть вечно.
Туда-сюда меня ведя,
Мной ветер правит желчно.

Покорен я, и, все ж, Аллах,
Я нахожусь в смятенье.
Мой дух так тонок, так пытлив,
На что душе горенье ?

Раз создал ты меня рабом,
Дай духу кротость, робость.
Но все не так... О небеса,
Откуда же я родом?

ЖҮЛДЫЗДАРҒА

Көктің сансыз көздері,
Алдамандар ойнақтап
Шақырғанмен бара алман,
Бұлт, тез шық та, бетін жап!

Қара жерден кете алмас
Мен бір сорлы байлаулы
Жердің жауыз желімен
Ерсіл-қарсыл айдаулы

Амал не көнбей? Сонда да
Бір өкпем бар Аллама
Сезгіш жүрек, ұшқыр жан
Неге бердің пендеңе?!

Жаратқан соң жерден сен,
Берсеңші жердей тыныш жан.
Болар іс болды. Сұраймын
Не дейді, білдір, бұл аспан?!

ЧАСЫ

Часам покоя нет,
Стуча тони «Вон-вон!»
Пришли мы в белый свет
Небытию вдгон.

В обмане порожден,
Рад жизни человек.
Но вот прозреет он,
И жизнь чужда навек.

С порога уж кричат
Ему «вон-вон» уйти.
Жизнь - череда утрат
Без счастья на пути.

Пришел и твой черед,
Часов суров приказ.
«Вон-вон!», иди вперед,
Настал твой смертный час.

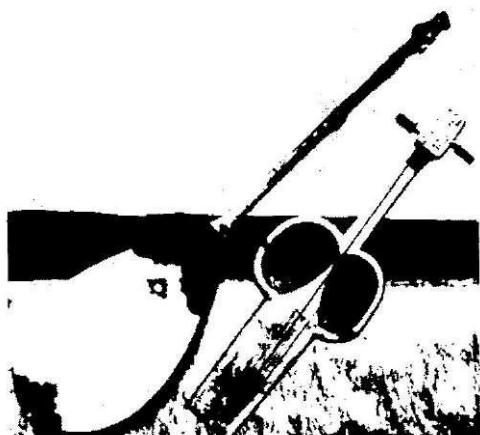
САҒАТ

«Шық-шық!» деп соғып тұр
Тоқтаусыз бұл сағат.
Дүниеде неғып тұр
Адамзат бір сағат!

Сорлы адам туғанда,
Сұм жалған көңілі шат.
Көз ашып тұрғанда
Көрінер оған жат.

«Шық-шық!» - деп жүз шығар,
Есіктен кірместен.
Сорлы адам тез жығар,
Дән рақат көрместен.

Мінекей бұйырып тұр
Бұл сағат деп «Шық-шық!»
...мойның бұр,
Сен де шық, сөзін ұқ!



ПОЭМЫ

КОРКЫТ

Нет гор в этом мире прекрасней Алтая,
Алтай окружает ковыль золотая.
Здесь в давние дни обитали алаши,
На склонах Алтая живя-процветая.

Те дни непроглядны, как утро, что в дымке,
Где всеми играет герой-невидимка.
О, да, эти дни не поймать, словно призрак,
Летучая мысль лишь способна к поимке.

О, да, эти дни превзошли бы и сказку,
Алашей величью найду ли я краски?
Мы были подобны архарам петучим,
Со скал на отроги взмывающих в распуск.

В те дни был герой среди беспечных алашей,
По крови-их родич, но духом иначе.
Ничто не влекло его помыслов строгих,
Чурался он сверстников слишком горячих.

Назвали «Коркыт» прирожденье героя,
Зовем мы героями тех, кто достоин.
Однако для многих казался он странным,
Во всем отличаясь от многих собою.

Коркытом с отрочества мысль овладела,
Она, как отравы, не знала предела.
Во власти той мысли, ушел от людей он,
«Безумец!»- смеялись над ним то и дело.

Толпы изначально известно стремленье
Толпе уподобившись, станешь лишь тенью.
Когда же ты, споря, вдруг с ней не сойдешься,
Тебя назовут дураком, без сомненья.

«Ушибленный джинном» прозвали Коркыта,
 Понять не трудясь, презирали открыто.
 Так что же его от людей отдалило,
 Какой же идеи он стал прародитель?

Он издавна думал над этой лишь мыслью,
 Она лишь одна его мучила, грызла.
 «Жизнь так быстротечна... за что эта кара –
 Мы в прах обратимся, едва лишь родившись!

Дается нам жизнь для забавы, обмана,
 В нас сердце стучит для того, чтоб увянуть.
 Смириться возможно ли с горькою мыслью,
 Что мы рождены для того лишь, чтоб кануть.

Что реки текут для того, чтоб иссякнуть,
 Цветы распускаются, чтоб болыпе не пахнуть.
 Дано человеку прожить только малость,
 А дальше он станет вонючим лишь прахом.

Даны тебе кровь, чтоб сукровицей стынуть,
 Язык и мышление, чтоб тело покинуть.
 А тело, которое чтит и берег ты,
 Чтоб пылью развеяться в шири пустыни.

Жизнь так коротка, как мгновение ока,
 И если ты смертен что в жизни сей проку?
 Раз жизнь коротка, что в ней толку смеягься,
 Что толку от дум и стремлений высоких?

Дается нам жизнь для забавы, обмана.
 В нас сердце стучит для того, чтоб увянуть.
 Смириться возможно ли с горькою мыслью,
 Что мы рождены для того лишь, чтоб кануть».

Вот мысли, что молнией в нем пронеслися!
Свинцом придавившие, тяжкие мысли!
Он с юности ими раздавлен был, распят
И сам из себя в неизвестность был выслан.

В их власти Коркыт стал людей сторониться,
Забыв о веселье, любви и девицах,
Себя никому отвлекать не давая,
По склонам Алтая один стал носиться.

Бродил одиноко по кручам Алтая,
Души своей боль донести как не зная.
Ушел от родных, от друзей и от близких,
Как будто звала его доля иная.

В ком пламя огня, тот играет с огнем,
Без устали гонится за миражом.
Коркыт, одичав, стал бродягой угрюмым,
Один был вопрос неустанно при нем.

«Что жизнь?» - спросил он, пробравшись к горе,
Он первым пришел к ней на самой заре.
Гора из камней как смогла бы ответить,
«Что жизнь?» - повторила, как будто в игре.

Свернувши с горы, в лес вошел он больной,
«Что жизнь?» - задает он вопрос роковой.
Но заспанный лес не тревожат вопросы,
Лишь сосны стог удивленной толпой.

«Что жизнь?» - у воды вопрошает Коркыт,
Но что ей ответить? Бежит и бежит
И ветер не знает на это ответа,
Все шепчет чего-то, листвою шуршит.

Вон Солнце в безмолвии полном плывет,
Луна - как воды вдруг набравшая в рог.
Вон звезды мигают, распутницы неба,
Кто в сердце отраду ответом вошьет?

Что делать, Коркыт все бродил и бродил,
Все тайны земные хранил он, как ил.
И озеро немо, нема и округа,
Как тут разобраться, где небыль, где быль?

В уныньи Коркыт стал мрачнее, чем прежде.
Проносится жизнь, отнимая надежду.
Что толку к чему-то стремиться по жизни,
Когда это только какое-то «между».

Раскроешь глаза, закрывать уже надо,
Жизнь как ледоход, принуждающий падать.
Нельзя ли управу придумать для смерти!?
Нельзя ль для безносой поставить преграду?

Возможно, найдется страна, где нет смерти,
Возможно, и смерть что-то лечит на свете?
Возможно, земля есть, где травы и воды
Свободны от смертной везде круговерти?

Где воздух не знает о запахе тлена,
Где смерть, если есть, то в колодце забвенья.
Когда не найдем мы лекарство от смерти,
Что толку в науке людским поколениям?»

С такою вот думой, мол, смерти не верьте,
Меня не достанут ни муллы, ни черти,
С Алтаем поспешно Коркыт распрощался,
Чтоб землю найти, где не было б смерти.

Коркыт поспешил в направленье к Востоку,
Непросто тому, кто идет одиноко.
То дождь, то буран, то враги нападают,
Коркыт все идет, словно движим зарокком.

Без сил уж Коркыт, но упрям его норов.
Пустыня повсюду как мертвое море.
Когда устает до последней немоги,
Вдруг что-то вдали зачернело на взгорье.

Нет, это в степи что-то смутно чернеет,
Сдаваться бессильно Коркыт не умеет.
Шаги ускоряя, он движется к цели,
Но к ней подойдя, он стал тучи мрачнее.

Из глаз его слезы текут вниз ручьями,
Он видит доску, а под ней видит яму.
Нет, это не яма, а видно, могила
Ничем не засыпана, молча зияет.

В степи кто-то, вырыв, оставил могилу
На черной доске чья-то надпись застыла
«О, бедный Коркыт, не избегнешь ты смерти,
Ложись вон в могилу, твоя она, милый».

Прочтя эти строки, стал ночи он горше,
Рыданий не мог уж он сдерживать больше.
Однако слезами поможешь ли горю?
Оно безысходно, морщись, не морщись.

Вновь думы его охватили пожаром,
Тяжелые мысли ворочались яро.
Поскольку пред ним оказалась могила,
Назад повернул он, готовый к ударам.

На Запад теперь он бежит, как в погоне,
Не знает он устали, гонит и гонит.
В пустыне бескрайней идя одиноко,
Твердит он слова той доски непреклонной.

От смерти неужто нельзя найти зелье?
Безз елья такого, какое веселье?
Не тело, а дух уж устал от метаний,
Так, где же земля-та, что смерть не приемлет?

Вокруг ни души, всюду только пустыня,
Пустыне плевать ты в тоске иль в уныньи?
Коркыт изнемог весь, год целый в пути он,
Но вдруг, как мираж, снова та же картина.

Вновь видит Коркыт силуэт темноватый,
Теперь не спешит он - что силы зря тратить?
Вновь та же доска, та же надпись, могила,
Господь, не жесток аль такая расплата?

Могилу глубокую вновь кто-то вырыл,
На черной доске вновь надпись он вывел
«О, бедный Коркыт, не избегнешь ты смерти,
Ложись вон в могилу, твоя она, милый!»

Отчаянья мгла охватила героя,
Куда ни пошел бы, везде ямы роют.
Что толку лечить в себе ту же все рану,
Когда разверзается рана та в трое?

Как будто разорван раздумьями в клочья,
Как лев, что свалился с луны этой ночью,
Он встал еле-еле, забывший про дерзость,
Которая с небом соперничать хочет.

Где только он ни был, скитаясь по свету,
Где слезы ни лил он зимою и летом.
Куда ни пришел бы, пред ним лишь могила
Зияла, бесстыдница, чтоб его встретить.

Пойдет он направо, могила ждет справа,
И слева - могала, и сзади, и прямо.
И та же доска, и та же все надпись,
Как коршунов стая, склонились над ямой.

Куда ни пошел бы, повсюду могила,
На черной доске, корчась, надпись застыла.
«О, бедный Коркыт, не избегнешь ты смерти,
Ложись вон в могилу, твоя она, милый!»

Нет, смерть обуздать не получится, право,
Без трупов сей мир возможно ль представить?
О, бедный Коркыт, готовься же к смерти,
Вон всюду могилы смерть твою славят.

Что толку слезою кровавой умыться?
Что толку о камни головой бедной биться?
Нет смерти сильнее могущества в мире,
Придется тебе в свой черед убедиться!

С душою, едва пребывающей в теле,
Иссохнув, как будто святой в своей келье,
Вернулся Коркыт на Алтай свой, рыдая,
В тоску повергая и горы, и землю.

Все тот же Алтай он увидел чудесный,
Где горы и небо целуются вечно.
Тому, кто в объятья возлюбленной тучи.
Как может быть чья-та печаль интересна?

Все тот же вон лес в бесконечной дремоте,
Все тот же родник вон о чем-то лопочет.
Все тот же вон ветер все ищет невесту,
Тоскуя о ней на надрывнейшей ноте.

Все тот же народ за скотиною ходит,
И, как та скотина, доволен всем вроде.
Нет мысли ни в ком - ни в печали, ни в смехе,
Подобно коровам, мыча в непогоду.

Вернулся Коркыт, как безумием скован,
Ни с кем не обмолвясь ни звуком, ни словом,
В отчаяньи лег он, от всех отвернувшись,
И, глаз не смыкая, стал думать он снова.

Проснулся Коркыт, сон увидевший словно,
Кобыз из сосны вырезать стал любовно.
Приделал к нему конский волос струною,
Алтай задрожал, когда звук он исторгнул.

Кобыз застонал очень скорбно и грустно,
Пошел иноходцем он в беге искусном.
Вот он, словно неук, порывист и резок,
Вот он, как верблюд, продвигается грузно.

Со взгорий, как будто нацелясь на землю,
Вдруг вихрем помчавшись, пески он подьмет.
Потом, успокоясь, он тихо смеется,
Как будто врага, потешаяся, трешлет.

Взлетает порою он ветра быстрее,
Летя над вершинами, в реках дуряя.
Порою, как будто к кому обращаясь,
Он шепчет в листве, словно что-то лелеет.

Порой выше неба взмывается грозно,
Порой, словно заяц, бежит он тревожно.
Порой он вздыхает, скорбит или плачет,
Как будто печаль превозмочь невозможно.

Кобыз так играл, словно плакал, стеная,
Как будто кого-то в веках проклиная.
Как будто кого-то обрызгивал кровью,
Во гневе, не знаящем дна или края.

Тоской были полны напевы кобыза,
В них был и огонь, и волнение, и вызов.
И плакал Коркыт, слезы льются тоща лишь,
Коль плачет душа, вся в мятежных порывах.

Кобыз продолжал исторгать скорбно звуки,
В них были и лед, и признание, и мука.
Полно инструментов для радости в мире,
Коркыта кобыз - это исповедь духа.

Пути не найдя как со смертью бороться,
Бороться со смертью- на грусть напороться,
Отравой его разъедавшие мысли,
С кобызом Коркыт разделял, скорбно морщась.

Когда на закате садилось светило,
Когда на рассвете оно восходило,
Когда скопом спали, печали не зная,
Навроде скотины сородичи мило,

Когда богачи важно, грузно ступали,
Батыры на робкий аул нападали,
Когда ишакам лишь подобныв усердые,
Люд бедный был рад, если что перепало,

Коркыт был один кто печалью охвачен,
Играл на кобызе Мелодии Плача,
Чем жизнь все быстрее и быстрее пронеслась,
Кобыз его плакал все чаще и чаще.

Предстала пред ним жизнь кровавою ямой,
Не смог разгадать этой жизни он драму.
Себя утешая лишь звуком кобыза,
С кобызом и в вечность он смертную канул.

Прошедшие дни словно сказка, как утро,
Как будто лишь там пребывает вся мудрость.
Никто не почтил путь Коркыта хвалою,
Кобыз освятил его путь, словно сутра.

Поэт словно ветер, в себе его жребий,
Поэт как пожар, что взметнется до неба.
Сны, грезы его словно пламя пожара,
Он создан для их беспокойной потребности.

Другому зачем взлетать на вершины,
В печали поэтам, где нет и причины.
И если ничто, кроме грез, не лелеет,
Предстанет и жизнь ему гиблой пучиной.

Без бури и море лежало б недвижно,
Смерть мучит поэта, любителя жизни.
Когда б не делился с другими он скорбью,
За что бы он был так обласкан и признан?

И если поэт в состояньи трагичном
Откроет всю душу как будто вам лично,
Не стои́т с толпой наседать на поэта,
Послушай его в отдаленьи приличном.

Летучая мысль не нуждается в
 близких. А скорби и издали
 благостны искры. Поэта ты лишь в
 отдалении слушай, Иначе
 проклятья подвергнешься риску.

Кобыз - деревяшка, но, все ж, для
 поэта Она - и жена, и душа, и
 планета.
 И струны ее - продолжение сердца,
 Связуют поэта со всем белым
 светом.

Нажмешь на струну, звук волшебный
 польется, Из сердца он льется, струясь,
 словно солнце. Порвется струна, но сердца
 неразрывны,
 Ты издали чти, не беги к нему тотчас.

Чем глубже душа, тем подверженной
 грусти, Поэт свой кобыз никогда не
 опустит.
 Чем жизнь быстротечней, тем больше в
 кобызе Печали, как тьма нарастающей
 густо.

Коркыт - всех поэтов прапрадед
 великий, Пред ним всюду ямы
 безмолвною кликой. Кобыз свой
 обняв, он покоен в могиле,
 Без слез и стенаний, в величии тихом.

Те дни непроглядны, как утро, что в
 дымке, Где всеми играет герой-
 невидимка.
 О, да, эти дни не поймать, словно
 призрак, Летучая мысль лишь способна
 к поимке.

Те дни - для души колыбель золотая,
 Где мысль взлетит до отрогов Алтая.
 Ты вслушайся в степь, сколько звуков там
 скорбных, Коркыта напевы повсюду витают.

Не ухом ты слушай, а всею душою,
Степь-эхо кобыза, с ним вместе вон
воет.

Я с детства влюблен в этот плач, в эту
горечь,
Душа моя-в них, если что-то я стою!

Я был обуян миражами степными,
Слезам захлестнут, я бегал за ними.
К могиле теперь, чем к бесику, я
ближе, Лишь ямы даря, жизнь
проносится мимо.

Безумному сердцу доверяюсь надолго,
«Верь сердцу! –я думал, - к чему муки
долга?» Жизнь в радость была, что же ныне с
ней сталось" Куда ни взгляни, увядание
только.

Когда-то дружил я с прислугой
бывало, По жизни своей забавлялся
немало.
Нет ныне забав, и друзья все
исчезли,
Лишь мыслей колючих вонзается
жало.

Единственный друг мне - кобыз мой,
однако! Играй же, кобыз, отряхни нас от
праха.
Смотри, мой кобыз, плачу вместе с
тобою. Коль плачет душа, то глазам как
не плакать?

Нет лучше пути, чем идти за
Коркыгом, Пройти, как и он, в
страданья зарыгым. Слезам омыв
смертных горькую участь,
С кобызом уйду под могильные
плиты!

ҚОРҚЫТ

Алтайға жер жүзінде тау жоқ жеткен,
Алтайға бетегедей алтын біткен
Бейіштей алтын Алтай етегінде
Ертеде алаш елі мекен еткен

Ол күндер көз жетпейтін ерте күн ғой,
Ерте күн ертегідей ерке күн ғой
Өткен күн –ұстатпайтын сұлу сағым,
Жалғыз-ақ желден жүйрік жетеді ой

Өткен күн ертегімен таласқандай,
Уа, дүние, ол күндерде алаш қандай?¹
Ой-қырдан орғып-қарғып еріккенде,
Алтайда ойнақ салып жүрген аңдай

Сол күнде бір ер бопғы алты алашта,
Қаны бір қалың елмен, жаны – басқа
Елікпей ес білгелі еш нәрсеге,
Өзіндей үйірілмеген албырт жасқа

Қорқыт деп қойған екен ердің атын,
Оңған ел ер деп атар азаматын
Талайлар танданыпты күнде көріп,
Қорқыттың мінезінің тым-ақ жатын

Қорқытқа ес білгелі бір ой түскен
Айнымас сол ойымен күнде у ішкен
Ой билеп үйден, елден безіп кетіп,
Жұрт оны әуезі ғып жынды дескен

Ежелден белгілі ғой көптің сыры,
Боласың көптей болсаң, көптің ері
Көпке егер ісің, ойың үйлеспесе,
Күмән жоқ кім болсаң да соғар «пері»

Қорқыт та ерте атанды «пері сокқан»,
 Қорқыттың жан болмады жайын ұққан
 Ой екен қандай ғана Қорқытты улап
 Айырған дос, туыстан, елден, жұрттан?

Қорқыттың мынау ой ед есін алған,
 Жанына ерте күннен жара салған
 «Топырақ боп ертең шіріп қалмақшымыз,
 Өміріміз неге шолақтәтті балдан?

Әншейін өмір деген ермек үшін,
 Күні ертең соғар жүрек сөнбек үшін
 Ойланып қалай ғана уланбассың
 Берілсе адамға өмір өлмек үшін?

Бір кезде көл тасиды құрымақ үшін,
 Күні ергең гүл гүлденед солмақ үшін
 Біраз күн адам тұрады, өмір сүреді,
 Құртқа жем шіріп, сасып болмақ үшін

Сары суға қан берілген айналмаққа,
 Ой менен тіл берілген байланбаққа
 Әлпештеп, ардақтаған денең шіріп,
 Жел менен топырақ боп айналмаққа

Көз ашып жұмғандай-ақ өмір шолақ,
 Алдынды көз ашсаң-ақ ажал қамап
 Өмірде мынау шолақ неге керек
 От-үміт, ойын-күлкі, таудай талап?

Әлдекім адам деген ермек үшін,
 Жүректе от ойнайды сөнбек үшін
 Ойланып қалай ғана уланбассың,
 Берілсе адамға өмір өлмек үшін»

Қорқыптың жүйрік жанын жай тасындай
 Жанышқан осы ойлар ед қорғасындай
 Паршалап тілім-тілім, ерте өртеп,
 Кіршіксіз жас жүрегін көз жасындай

Ой билеп, жап-жас Қорқыт елден безді,
 Түгел ол ойын-күлкі, қойды сөзді
 Елікпей, үйірілмей еш нәрсеге
 Алтайдың алаптарын жалғыз кезді

Алтайдың Қорқыт кезді алаптарын,
 Епгімге ұқтыра *алмай* жанның зарын
 Ата-ана, дос-туысқан бәрін тастап,
 Талақ қып қара көзді қарақтарын

От-адам отпен ойнап сынар бағын,
 Жүйрік жан қажу білмес, қуар сағым
 Тағы боп, күңіреніп кезіп кетті,
 Қорқыт та шешпек болды жан жұмбағын

Аяндап аддыменен тауға келді,
 Асқарға «Өмір не?»-деп сұрау берді
 Жаны-тас, жүрегі -тас тау не десін,
 Өзінен «Өмір не?»-деп сұрады енді

Бұрылып таудан ақырын орман барды,
 Оғанда «Өмір не?» деп сұрау салды
 Ежелден ой білмеген меңіреу орман
 Қақиып қарағайы аң-таң қалды

Сұраса суға келіп «Не-деп өмір?»
 Беті құр соғылғаннан жыбыр-жыбыр
 Желге айтып еді, ол не деуші еді,
 Басы жоқ, аяғы жоқ сыбыр-сыбыр

Күн анау, ешбір үнсіз алас ұрған,
 Ай да бір –өгіз де бір аузын бұған
 Қылмындап қар қатындай көзін қысқан,
 Жүпдыздар тазарта ма жүректі удан?

Не керек, Қорқыт кезді тыныш жатпай,
 Ешбір зат тастамады зарын шақпай
 Көл мылқау, жері мылқау бәрі - мылқау,
 Өртеңді ер жұмбағына жауап таппай

Түнерді бұрыпғыдан Қорқыт бетер,
 Есалаң ескен желдей өмір етер
 Күмәнсіз өлерінді біле тұрып,
 Дүниеде талаптану, тұру бекер

Көз ашып, өмір шолақ жұмумен тең,
 Тағы да өз өмірің сокқандай сең
 Арандап қарсы алдында аузын ашқан
 Жоқпа екен шыныменен ажалға ем?

Кім білед, өлмейтұғын ел бар шығар,
 Кім білед, ажалға да ем бар шығар
 От-суы, топырағы қасиетті,
 Кім білед, өлтірмейтін жер бар шығар

Әуесі уланбаған өлімменен
 Сөз де жоқ өлу түгіл, «өлем» деген
 Адамзат таппаса егер ажалға айла,
 Не қылмақ пайдасы жоқ білімменен?

Деп ойлап қайырылмай ешбір затқа,
 Ажалдан қашып шығып құтылмаққа,
 Айрылып Алтайынан кетті Қорқыт,
 Өлімнен аман-есен жер таппаққа

Түзеді күншығысқа Қорқыт бетін
Адамға жаяу, жалғыз жол тым шетін
Арыды, ұшырасты сансыз жаумен,
Сонда да ол үзбеді еш үмітін

Талса да тоқтамады, Қорқыт жүрді,
Бетпақ шөл өтті талай қырды, өрді
Қажыған, қаны кепкен мезгілінде
Алыстан мұнарланған қара көрді

Жапанда бір буалдыр қарандаған,
Жасаған Қорқыт жанын тындырмаған
Қараға жылдам басып жетіп келді,
Қорқытты қайғы басты түннен жаман

Көзінен сорғалады жас бұлақтай,
Жапанда қағулы бір қара тақтай
Тақтайдың түбінде бір қазулы көр,
Тастаған үңірейтіп бетін жаппай

Әлдекім жапан түзде бір көр қазған,
Басына тақтай қойып, сөздер жазған
«Өлімнен құтылмайсың қашқанменен,
Мынау көр - сенің көрің Қорқыт жазған!»

Мына сөзді оқып ол түн боп кетті,
Басқандай жүрегіне болды шоқты
Көл болып көздің жасы төгілгенмен,
Заулаған баса ала ма ол жандағы өртті?

Ой өсті, қалың өрттей уын шашты,
Ауыр ой қорғасындай жанды жанышты
Қарсыдан қазылған көр шыққаннан соң,
Бұрылып Қорқыт кейін қадам басты

Түзеді енді бетті батыс жаққа,
 Қайғылы, қажу бар ма, ол бейбаққа?¹
 Жапанда жалғыз өзі күбірлейді,
 Сөздерді тақтайдағы алған жатқа

Апырм-ай табылмас па ажалға айла,
 Өмірден табылмаса қандай пайда?¹
 Жүрістен дене түгіл жан шаршады,
 Өлімнен аман ел мен жері қайда?

Бір жан жоқ қыбырлаған, дала, дала
 Келеді Қорқыт сорлы жаны жара
 Ай-жыл өтіп, ер әбден арыған шақ,
 Алыстан бұлдырлайды тағы қара

Қорқыттың ынтасы өлген, көңлі қаяу,
 Қараға баяу басып келді таяу
 Тағы көр, тағы тақтай, тағы жазу,
 Тәңір ие-ау, тегі сенде бар ма аяу?

Терең ғып тағы біреу бір көр қазған
 Басына тақтай қағып, жазу жазған
 «Өлімнен құтылмайсың қашқанменен,
 Мынау көр - сенің көрің Қорқыт жазған!»

Қорқыттың кайғысы енді болды басым,
 Жаздың не жазбадың не жан жарасын?¹
 Есі ауып байтақ уақыт жатқаннан соң
 Көтеріп бір мезгілде алды басын

Ойменен, пара болған, жан жыртылып,
 Мерт болған ессіз жүрек айға ұмтылып
 Кеудеде құр әншейін шықпаған жан,
 Тұрды да кетті Қорқыт сүйретіліп

Алыста сөнген оттай үміт өлді,
 Сұм тағдыр қатты қакты созған қолды
 Сонда да қажу білмес ойлы Қорқыт
 Дүниенің төрт бұрышын кезбек болды

Қалмады жер жүзінде бармаған жер,
 Қорқыттың қанды жасы тамбаған жер
 Басса да қайда қадам сорлы Қорқыт
 Алдынан қарсы шығады қазылған көр

Қазылған оңға барса, онда да көр,
 Қазылған солға барса, солда да көр
 Шоңқиып көрге қонған күшігендей
 Көресің қара тақтай қағулы тұр

Алдынан кез келеді бір көр қазған,
 Басына тақтай қағып, жазу жазған
 «Өлімнен құтылмайсың қашқанменен,
 Мынау көр - сенің көрің Қорқыт жазған!»

Дарига, табылмақ па ажалға айла ?
 Жерде бір өлік көрмес болу қайда?
 Алдыңнан қайда барса көр шығады,
 Өлімге, сорлы Қорқыт, белің байла!

Не пайда шомылғанмен қанды жасқа?
 Не пайда басты ұрғанмен тау мен тасқа?
 Дүниеде ажалдан еш күшті болмас,
 Кермессің кезгеніңде көрден басқа

Шықпаған кеудесінде шыбын жаны,
 Қасықтай кеуіп, бітіп қалған қаны
 Аяндап, аруақ боп Алтайына
 Күңірентіп, қайтты Қорқыт, жерді зары

Қайтса Алтай, баяғы Алтай күңіренген,
 Асқарға аспан төніп еміренген
 Керіліп бұлтпенен бал алысқанн,
 Еркенің не ісі бар ой-шерменен?

Мелшиген баяғыдай меңіреу орман,
 Ойнаған асау бұлақ шапшып ордан
 Жел анау көрінгенді бір сүйсе де,
 Жар таппай жаны бірге «мәңгі» оң ұрған

Ел мынау баяғыдан малын баққан,
 Малындай алдындағы жусап жатқан
 Қайғысы, қуанышы бәрі де ойсыз
 Сиырдай бәрі өкіріп, бәрі шапқан

Қайтты да айналғандай есалаңға,
 Ләм-мим деп бір сөз қатпай тірі жанға,
 Күңіреніп жер бауырлап жатып алып
 Ұйқысыз қосты Қорқыт таңды-таңға

Бір күні шошып тұрып көргендей түс,
 Кесіп ап қарағайдан қылды қобыз
 Қыш тағып қобызына сөйлетіп ед,
 Алтайды күңіrentіп шықты лебіз

Қобыздан мұңды дыбыс сорғалады
 Майпаңдап ә дегенде жорғалады,
 Біресе асау тайдай ойнақ салды,
 Біресе сары нардай ырғалады

Дуылдап қырдан жерге түңілгендей,
 Долданып дауыл құмды үйіргендей,
 Басылып біраздан соң сылқ-сылқ күлед,
 Дұшпанын мұқатқанға сүйінгендей

Біресе жүйрік желдей кетеді есіп
 Асқарды аттап өтті, дария кешіп
 Біресе әлдекімге тіл қатқандай,
 Желменен жапырақтай күбірлесіп

Біресе от сықылды аспанға асқан,
 Жоқ әлде ор қоян ба орғып қашқан?
 Біресе күрсінгендей, күңіренгендей,
 Жандай-ақ қап-қараңғы қайғы басқан

Қобыздың сарнағаны зарлағандай,
 Қан шашып әлдекімді қарғағандай
 Жүрегі мың жара боп паршаланып
 Күйініп көзінен жас парлағандай

Күңіренді, жылады зарлап қобыз
 Жанды өртеді толқынды мұңды лебіз
 Жасын текті көл кылып шерлі Қорқыт,
 Жан жыласа, жыламай қала ма көз?

Қобыздан осылайша шықты сарын
 Бірде мұз, бірде дауыл бірде жалын
 Қарағай мен қыл сырнай не деуші еді
 Шығарды сарынменен Қорқыт зарын

Таба алмай жерді кезіп ажалға айла,
 Дарига, ажалға ашға болу қайда?
 Азырақ улы ойларын бөлмес үшін,
 Жабысты шерлі Қорқыт қарағайға

Қызарып ашуменен күн батқанда,
 Ерініп еркеленіп тан атқанда,
 Қарны тоқ, қайғысы жоқ, жаны тыныш
 Малдай-ақ қор-қор ұйықтап ел жатқанда

Байлары малмаң-малмаң мал баққанда,
 Батырлар балпаң-балпаң ел шапқанда,
 Ішкеш - мас, жегені - тоқ, бәрі де мәз,
 Кедейлер көк есектей зыр қаққанда

Қорқыттан серпілмейді қалың уайым,
 Қолынан тастамайды қарағайын
 Қобыздың лебізінде мұң молайды,
 Зымырап өмір шіркін озған сайын

Өмірде жүрген жерін қанды ор ғып,
 Шеше алмай жан жұмбағын шерлі Қорқыт
 Жұбанды қолындағы қобызымен,
 Көрге де қобызымен кірді Қорқыт

Өткен күн ертегі ғой, тамаша таң,
 Ойпасаң өткен күнді жұбанар жан
 Байқасаң, адамзатта болған ба ақын,
 Қорқыттай атасынан бата алмаған?

Ақын-жел, есер гулер жүйргік желдей,
 Ақын- от лаулап жанар аспанға өрлей
 Қиялы, жан жүрегі - ойнаған от,
 Ақынды аласұртар тыныштық бермей

Жай адам қияға ондай қол сермей ме?!
 Ақынға аз нәрсе ауыр ой бермей ме?
 Қиялмен арманға ұшқан, сағым құшқан
 Жүйрік жан алдында ылғи көр көрмей ме ?

Жел жүрсе, терең теңіз тебіренбей ме?!
 Көрсен көр, ақын жаны күніренбей ме?
 Көргенін кеңес қылып күніренсе ақын,
 Тындаған тірі жанға шер бермей ме?

Құшақтап қарағайын сарнаса ақын,
Толғанып, жасын төгіп, зарланса ақын,
Шеткерек тұрып біраз тындағайсың,
Баспалап, төніп, жаншып келме жақын

Жақындық қажет емес жүйрік ойға,
Шер-сиқыр, алыстан-ақ тарамай ма?
Ақынды алыс тыңда, көп тілейтін
Қағылып кете көрме қарағайға!

Ақынның қарағайы - жары да сол,
Ата-ана, малы-мүлкі, жаны да сол
Сезімпаз қарағайдың нәзік қылы
Ақынның жүрегіне жалғанған ол

Сорғалап сиқырлы үн шығар ішектен,
Шықпақшы ішектен емес, үн жүрекпен
Үзілсе ішек, үзілмес нәзік жүрек,
Сондықтан, сұрағаным тыңда шеттен

Серпілмес терең жанда қалың уайым
Түсірмес қолдан ақын қарағайын
Үнінде қарағайдың мұң молаяр
Зымырап өмір, шіркін, өткен сайын

Атасы ақындардың - ақын Қорқыт
Өмірде жүрген жерін қанды ор қып
Шомылып көз жасына сарнай, зарлай,
Құшақтап қарағайын жатыр Қорқыт

Ол күндер көз жетпейтін ерте күн ғой,
Ерте күн ертегідей ерке күн ғой
Өткен күн - ұстатпайтын сұлу сағым,
Жалғыз-ақ желден жүйрік жетеді ой

Өткен күн ойды әлдилеп тербеткендей,
 Ойынды Алтай бойына өрлеткендей
 Тындасаң құлағың сап сар даланы,
 Қоркыттың сарыны, әні күңіrentкендей

Тындасаң, есітесің жаныңменен,
 Сар дала күңіренеді сарынменен
 Ерте естіп сол сарынды, ерте улап,
 Мен сорлы көптен әуре зарыңменен

Ес білдім - аласұрдым сағым қуып,
 Жете алмай, бетті талай жаспен жуып
 Артымда. - ор, алдымда - көр, өтеді өмір
 Дариға, бесігімнен көрім жуық

Көп заман жетеледі жыңды жүрек
 Ойладым «Жүрек жетер, ой не керек?!»
 Тәтті у еді, сол удан неге айныдым?
 Дариға, үміт өлмек, жүрек сөнбек

Бір күнде жолдас болдым құлынменен,
 Өмірді алмақ болдым ойынменен,
 Ойын тынды, жолдасым жоқ боп кетті,
 Бұл күнде уланамын ойымменен

Енді менің жолдасым - жалғыз қобыз,
 Сарна қобыз, мұң-зарлы шығар лебіз!
 Сен жыласаң, жылармын менде бірге,
 Жан жыласа жыламай қала ма көз!'

Өмірде арманым жоқ - Қоркытқа ерсем,
 Қоркыттай жанды жаспен жуа білсем
 Жас төгіп, сұм өмірде зарлап- сарнап,
 Құшақтап қобызымды көрге кірсем!'

БАТЫРБАЯН

Первая глава

О, сердце мое, тот, кто ранен, к страданию привязан.
 Жестокая жизнь, как тюрьма, для имеющих разум.
 В оковах - не руки, язык мой закован в оковы,
 Вот я горюю, без всякой веревки повязан
 Без радостей жизнь скукой смертной своей утомляет,
 Вот я и ищу в днях прошедших святую пропажу.
 О, там так легко все узлы развязать и разглядить,
 Лишь в сказке прекрасной такое случается разом.
 Я только в прошедшем способен отвлечься от грусти,
 Ведь жизнь для меня не жалела отравы и сажи.

А сказка, она и ребенка утешит миражем,
 И рану излечит словами любви вместо мази.
 Поэт, как ребенок, луну захотевший потрогать,
 В огонь с головой, без раздумий бросается сразу.
 Вон след от людей, словно треск от езды по такыру,
 Поэт же бесстрашием в служении истине важен.
 В раздумьях, волнуясь, поэт не находит покоя,
 Слезой омывая рожденные грезами фразы.
 Поэт не имеет друзей в этом мире подлунном,
 И только перу поверяет он сонмы фантазий.

Я тоже с пером в сокровенной, интимнейшей связи,
 Смотрю на Отчизну я глазом, не знающим сглаза.
 Моя Сарарка - золотое, бескрайнее море,
 Ее не окинешь с орлиною зоркостью даже.
 Как остров, чарующий взор среди волн золотистых,
 Стоит Кокшетау, возвышаясь, как горный оазис.
 Здесь только недавно так много зверья обитало,
 И волки, и лоси, маралы, как будто из сказок.
 Кокше, потеряв своих милых и вольных любимцев,
 В тоске камня, ни слова о прошлом не скажет

Нет мест, Бурабаю подобных своею красою,
 Сосновые чащи курчавятся зеленью хвои.
 И если Кокше, как придавленный думами, дремлет;
 Его Болектау окликает в тумане рукою.
 Скала Окжетпеса - орлов занебесных гнездовье –
 Стоит, возвышая всех тех, кто величья достоин.
 И в их окружении озеро светится дивно,
 Прозрачно-округлой луноподобной дугою.
 Как остров в Арке, Бурабай - баловник всей округи,
 Здесь ставка была Аблайхана прошедшей порою.

ТаитБурабай в сердцевине сосновую чащу,
 Та чаща Кокше продолжением стала манящим.
 Здесь сосны, березы в своем бело-красном кипеньи,
 Как в косах девиц драгоценные камни, дразнящи.
 Когда-то и ветер не мог здесь проникнуть сквозь ветви,
 Однако гола эта чаща теперь в настоящем.
 И все же, она мне могилы святого дороже,
 Когда-то Аблая здесь ставка стояла блестяще.
 И шли, словно в Мекку, алашов сыны в эту ставку,
 О, гдеты теперь, мой божественно-царственный прашур?

Тяжелые дни наступили тогда для казахов,
 Бежали они от калмыков в паническом страхе.
 «Исход белых пяток» был назван исход тот бесславный,
 В насмешку за бегство гурьбою - без боя и схваток.
 Россия, Китай, один - молот, другой - наковальня,
 Теснили казахов с невиданным прежде размахом.
 И в эти бедовые, черные дни наши предки
 Аблая почтили доверия высшего знаком.
 Не будет чрезмерным пред ханом, свой край отстоявшим,
 Когда от души дань почтенья отдашь его праху.

Грозят издалека Россия с Китаем, как кобры,
 Под боком-калмыки, густой, беспокойною кодлой.
 И сзади, и спереди пропасти смертная бездна,
 Куда же казахам пойти в этом мире недобром?

Аблай стал защитой в те дни для несчастных казахов,
 Врагов побеждая то в битве, то в хитрости бодро.
 Однажды задумал устроить калмыкам он взбучку,
 Их стан разорить и пройтися копьём по их ребрам.
 Вскричал «На коней!» - он, и тут же в мгновение ока,
 Из юрт всех люд знатный предханские очи был собран.

Здесь все из отборных, их лучше нигде нет уж ныне.
 Здесь бий Толыбай, Байжигит, Тасболат крепкоспинный,
 Канай - златоуст, тот, что дел л владыкой Аблая,
 Он вождь Караула, известного рода аргынов
 Во гневе, как реющий снег, весь громадой подобен верблюду,
 Батыр Богенбай, старый вождь рода канжигалинцев.
 С ним рядом юнец Жанатай, его славный братишка,
 Себя ощущающий тигром, заблудшим в пустыне.
 С копьём, возжигающим молний пучки над врагами,
 Батыр Сармалай, барс рычащий из басентиинов.
 Вон Оразымбет, что огонь превосходит напором,
 Батыр Ельнибек вон со стрелы метающим взором.
 Гордец Жанибек, никого не считающий равней,
 Пред Богом и то не смирял он свирепый свой гонор.
 Жабек вон, который с Аблаем в плену был калмычком,
 И вместе с Аблаем отпущен на волю был вскоре .
 Батыр Сырымбет, во врага посылающий стрелы,
 Как будто огонь изрыгая, на вольном просторе.
 На ханский совет собрались сивогривые волки,
 Готовые битьсяяс врагом, самым хитро-матерым.

Поэт и батыр Карабужр вон прошел на почетное место,
 На небо взлетал он порой, вдохновляемый мстью.
 Бухар, Таткара если песни, горячась, слагали,
 Подобно пучине, вздымаясь, лились эти песни.
 Вот так проходили их дни тут в пирах и веселье!
 Но стало батырам вдруг скучно в кругу своем тесном,
 Аблая теперь сами стали склонять они скопом.
 В поход их послать в направлении, всем им известном

Однако Аблай ничего не ответил на это,
 И слухи пошли, пересуды пошли повсеместно.
 Совет собрался в Бурабае - святыне казахской,
 И люди, и виды здесь были как будто из сказки.
 Батыры слонялись, как львы, заточенные в клетках,
 Аблай был в раздумьи. с лицом словно скорбная маска.
 Батырам негоже в бессильи лежать, словно трусам,
 Решили к Аблаю Каная направить все наспех.
 Ему поручили сказать, что все готовы к походу,
 Врага не осилишь, пока не задашь ему встряску.
 Когда бий Канай стал спрашивать хана Аблая,
 Аблай спросил «Где Баян, отвечай мне, будь ласков!

Я знаю, Канай, острословом ты зваться достоин,
 Но где же Баян, мой самый известнейший воин?
 Любимец народа, врагам, как шайтан, досаждая,
 Он целого войска в атаке безудержной стоит!
 Пред славой его разбегаются в страхе калмыки,
 Как зайцы пред тигром, трусливою, жалкой толпою!
 Блистая, как молния, носится в битве с врагами,
 Как я воспарю, если нет его ныне со мною?
 Так знай, бий Канай, никуда не поеду покуда
 Баян не придет, чтоб сердце мое успокоить!»

Бий зная, что хан понапрасну речей не заводит,
 Вернулся тихонько к батырам, сидящим навзводе.
 И чтоб не зажечь средь славнейших огонь раздражения,
 То туда, то отсюда он к теме опасной заходит.
 «Ох, этот, этот юнец!»- выражали досаду батыры.
 Одни недовольно, другие восторженно вроде
 Что делать, пришлось им и дальше продолжить безделье,
 Не радуясь вовсе довольно приятной погоде
 Так что же с Баяном, чего же он так задержался,
 Ведь он говорят, не из трусов **был** жалкой породы?

Ему ль в удивлень с врагами на саблях рубиться?
 Вонзаясь, как сокол, сметал он сарбазов калмыцких.
 На поле сраженья вбежав, словно хищник голодный,
 Один против сотен любил он с рычанием биться
 Стрелую - доспехи, копьём пробивая грудь насмерть,
 Не знала пощады его роковая десница
 И если по-честному, кто из других среди батыров
 Мог так за Отчизну в безудержной удали биться!?
 И если сегодня не видно его на Совете,
 Не мог без причины с дороги знакомой он сбиться!

Река Обаган приютила колена Уаков,
 Их горстка была, но тревожили многих, однако
 Имея в вождях полководцев Кокше и Косая,
 Они не боялись ни схваток, ни битвы, ни драки.
 Баян был потомком Кокше, предводителя рода,
 Как будто Кокше в нем восстал из забытого праха
 Сары, старший брат, был опорой в бою для Баяна.
 Как крылья орла, они были в едином размахе
 Но если по-честному, наш разговор - о Баяне,
 Казалось, рожден он один был на радость казахов.

В ту пору калмыки казахов объяли, как пламя,
 Казахи Абля подняли тогда, словно знамя
 И бились они, как орлы, со стервянников стай,
 Под знаменем белым казахского хана Абля.
 Батыры казахские были орлам все подобны,
 Но только Баян среди лучших отборным был самым.
 Баян из похода вернулся однажды с красоткой,
 Плененной им в битве с одной из враждующих армий.
 Ей было тринадцать, возможно, чуть больше, да, больше,
 И, все ж, ее юность не знала греха и изъяна.

Краса той красотки цвела предрассветною зорькой,
 Как будто весь цвет искушенья сошелся в ней только.
 Белокожа, с румянцем, с зубами как жемчуг чистейший
 Как речка, текла ее речь с расстановкой и толком

Ласкаясь, мерцали, как звезды в ночи, ее очи,
 То рай обещая, то ядом травя своим стольких.
 Дыханье ее - дуновенье из райских соцветий,
 Родник, чье теченье влечет колыханием шелка.
 Баян был не слаб, если смог, не теряя сознания,
 В свой край привезти ту красотку с калмыцкою челкой.
 Баян завладел той красоткой с заветною целью,
 Как сокол, хотел овладеть он калмычкой всецело,
 Как беркут, с глазами налитыми кровью по брови,
 Хотел закогтить он ту серую утку умело.
 Однако есть дичь, не подвластная стрелам порою,
 Хоть как ни стреляй убежит она из-под прицела.
 Поскольку в отказе она оказалась упрямой,
 Сестренкой назвав, он хоть чуточку зла ей не делал.
 Однако внутри подавлял он задетую гордость,
 Как море в вершинах из айсбергов, прячущих тело.

Упряма калмычка, не знает она снисхожденья,
 Не знает и устали в дерзости сопротивленья.
 Коварна красotka, хоть с виду она и приветна,
 Но вам ли узнать тайну мыслей ее сокровенных?
 Со всеми сроднившись, став будто обычной казашкой,
 Мечтала в тоске о калмыцких степях драгоценных.
 К Баяну бежала, как будто сестренка родная,
 Ласкаясь и ластясь, как будто сметая сомненья.
 Однако Баян оставался спокоен и ровен,
 Никак не давая собой овладеть возбужденью.

Так прятал Баян под спокойствием целую бурю,
 Алашам известна Баяна степная натур.а
 Был брат у Баяна пятнадцати лет, его звали
 Ноян, и Ноян был готовым к боям бахадуром.
 Весь разум Нояна - в плечах его, мощных и сильных,
 И в сердце его, закипающем страстью иль дурью.
 Едва заприметив калмыцкую девушку, витязь
 Сражен был мгновенно красотки коварным прищуром

Та искра теперь разгоралась в нем буйным пожаром,
Ноян то пылал, то ходил всюду грустно-понурым.

Как в юности сладко в любовной гореть лихорадке,
Рыдать, как дитя, сотрясаясь, как будто в припадке.
Не видя любимой, скорбишь, словно в саване мрачном,
Как будто на траур потрачена жизнь без остатка.
Но стоит увидеть, вновь жизнь возгорается в сердце,
Как будто рассвет наступает твой, заново сладкий.
Как сердце трепещет в приливе эмоций горячих,
Как будто готово в избытке любви разорваться,
Что скажешь ослам длинноухим, прошедшим по жизни.
Не зная любви, как волны, что на жвачку лишь падки.

Ноян очарован красавицей медоточивой,
Смотря на нее, ощущал себя очень счастливым
Смотрел и смотрел, опьяняясь не телом- душою,
Как будто вдыхая зефира с небес переливы
Однако был чист он в возвышенном чувстве любовном,
Он ей поклонялся , как веруют в дивное диво
А что до красавицы , видя страданья Нояна,
Она избегала признаний его молчаливых.
И, все ж, иногда по лицу полонянки прекрасной
Пробегало волнение горячею краской игриво.

Луна золотеет в отражении солнечных бликов,
Любовь как пожар, до небес польхающий дико
Кто любит, сумеет в другом пробудить то же чувство,
И камень растает пред страстью многоязыкой.
Красотка была равнодушна к нему лишь в начале,
Теперь не до шуток, осталось ей горе лишь мыкать.
Любя, не отводит с Нояна теперь она взгаяда,
Страдая, как он, без всякого прежнего шика.
Лишь встретившись вечером в тайном логу за аулом,
Признались друг другу в любви они нежно и тихо.

В ложине, покрытой ковром из мельчайших цветочков,
 У речки ревущей они провели тогда ночьку.
 Серебряный месяц, купаясь в объятиях речки
 Ее целовал, словно деву в белейшей сорочке.
 В такой вечерок как не встретиться паре влюбленной?
 Они и пришли, чтобы слиться - тут две одиночки.
 Увидев вдали, как целуются двое, возможно ль,
 И вам удержаться от милой такой заморочки?
 В любви признаваясь, клянётесь до гроба быть вместе
 Как будто вошли вы в мир вышний, не знающий точки?
 Ноян близ нее так и вспыхнул, как порох возбуженный
 Глаза словно угли, горели его восхищенно
 Все было в тумане, кроме лика прекрасной калмычки,
 И небо кружилось в созвездьях мигающих томно.
 В горячем признании он тут же ей выплеснул душу,
 И к ней потянулся, красой ее замороженный.
 Бросало его то в озноб, а порой, в лихорадку,
 То плакал Ноян, как ребенок, в вине уличенный
 Не мог не возжечь он огнем своим этим красотку,
 В объятиях его задышала калмычка неровно.

Мой милый Ноян, ты теперь для меня как святыня.
 Ты любишь меня, и я тебя тоже отныне!
 Тебе подарю я не тело одно, но и душу,
 Поверь для тебя я и стыд свой девичий отрину.
 Но есть у меня к тебе просьба одна, мой любимый,
 И дева примолкла, как будто пытая мужчину.
 Ах, сколько значенья она в это слово вложила,
 Не выдав волненья, как море скрывает пучину
 Вдур гслезы блеснули в прекрасных глазах полонянки,
 И тут же улыбкой она расцвела без причины.

- Ах, я, мой любимый, как будто заблудшая лебедь,
 Я стала казашкой, но съездить на Родину мне бы.
 Она вдалеке, но из сердца нельзя ее вынуть,
 Поверь, для меня даже воздух Отчизны целебен.

Там детство мое, там младенчества дни пролетели
 По склонам пригорков, чья бархатом стелется зелень.
 Как грозные львы, что резвятся в пустыне безлюдной,
 Калмыки мои там живут под неласковым небом.
 Пригорки, калмыки - какое до них-то мне дело,
 Там мама моя уж спровадила доченьку в небыль.

Баян-бахадур к нам пришел тогда с войском суровым,
 Как волк по овчарне, прошелся по нашим становьям.
 Забрал он меня, что рыдала в могучих объятях,
 Родители, плача, за мной потянулись оба .
 Сдоив молоко в равнодушное квелое небо,
 Взяла с меня мать нерушимое твердое слово.
 Сказала она «Если замуж когда-нибудь выйдешь,
 Сама не увидев, ты знай, не одобрю любого!»
 С тобой я обязана в край наш родимый поехать
 Знай сам, как решать, подчиниться тебе я готова.

У умных глаза не похожи на гной или чирей,
 Будь зорек, мой милый и ямы себе ты не вырой.
 Баян полюбил меня с первого взгляда, подумай,
 Сойдясь, не обидим ли мы тяжкой обидой батыра?
 И если сайгак наверху взойдя не спасется,
 Лев гневный его пожалеет ли в яростном мире?
 Твоя Сарарка - ныне гибель для нас, для обоих,
 Пределы нужны нам отныне, пожалуй, пошире.
 Казахи, калмыки- единый народ ведь по сути,
 У нас ты себя не почувствуешь жалким иль сирым.

Вот так оплела словесами Нояна красotka.
 В речах ее искренних трогала каждая нотка .
 К Нояну лицо поднесла, отдавая любви своей жаром,
 Как было не сдаться ей после такой проработки?
 Как было Нояну сдержаться, когда она страстно
 Сжимала его в объятиях, в общем, не кротких
 «Давай, я готов!»- он сказал, не подумав минутки,
 Решение было поспешным и очень коротким.

Скрепив обещания клятвою самой суровой
 Они до утра миловались в логу, что под сопкой.

Под утро не стал дожидаться рассвета наш витязь,
 В табун побежав скакунов себе выбрал рысистых.
 Ему не терпелось уехать с прекрасной катмычкой
 В ее распрекрасную, милую ей так обигель.
 Украсив коней серебром и роскошным убранством,
 С оружием, пищей, помчались без всяких пожиток
 «Прощай, Сарарка!»- только крикнул Ноян, пролетая
 Над степью родимой, которой он больше не житель.
 Умчались они Аул только в полдень проснулся
 Весть первым к Баяну пришла о несчастном событии.

Баян возлежал в белой юрте, один на всю юрту,
 Как тигр, что валяется, греясь на солнце под утро.
 Вошел аксакал «Ох, недоброе ночью случилось,
 И все рассказал - обходительно, веско и мудро.
 Во всю проклинал он отступников юных и, все же,
 Нояна оправдывал, глупым считая проступок.
 Он сваливал все на качмычку, мол, подлая дева
 Юнца соблазнила, который поддался ей тупо.
 Баян побледнел, но сказал только «Ладно, идите,
 Подумаю я » и задумался, видимо, круто.

Остался один в белой юрте Баян наш усталый,
 Как раненый тигр, заметался по юрте он шало
 Поникла его голова под свинцовую ношей,
 И гнев поднялся в нем жестоко бушующим валом
 Окуталось все серо-сизым саднящим туманом,
 И замерло сердце в предошущении шквала.
 Вдруг гнев овладел помрачневшим в раздумьях батыром,
 И лампа погасла. В нем разума сразу не стало
 В нем разум погас. Он вскочил и понесся из юрты
 Гадокою серой, в которой орчало лишь жало.

Баян какушел, так ушел навсегда восвосяи,
 Коня отвязав, на скаку он был очень ужасен.
 Ни шлема не взял, ни щита, ни хотя бы доспехов,
 За ним лук с колчаном, взлетая легко, был прекрасен.
 Прыжком одолев Обагана просторные степи,
 Бросал дробь копыгт, словно топотом лишь опоясан.
 Несясь, словно буря, дошел к Жолдузеку он в пору,
 Где за полдень солнце жарою округу всю красит.
 И там вдалеке две чернеющих точки приметив,
 Батыр усмехнулся, до цели своей проносяся.

Здесь жили всегда Атыгаи в своем Жоадузеке,
 В бесплодной земле, в солончаках погрязшей навеки.
 Узек- это речка, но речка без трав, без цветенья,
 Враг первым являлся здесь, чтоб править этим узekom.
 Здесь род Атыгай обнищал от страданий премногих,
 Слезами своими наполнив пустыни и реки.
 Великий Асан Горемыка назвал ее точно
 «Кровавою речкой» - бедствием для человека.
 На этой земле, изначально проклятой, несчастной,
 Стучилось событие, как некая горькая вежа.

Две точки чернеющих видит Баян издалика,
 Как черная туча, навис он над ними жестоко
 Забыв обо всем, развивая предельную скорость,
 Влетел к ним Баян, как посланец жестокого рока.
 Не то что калмычку, он брата признать неспособен,
 Над ним власть имели лишь гнева смурные притоки,
 В огромный колчан запустил он дрожащую руку,
 Весь от гнева трясаясь, в целом свете такой одинокий.
 Заметив, что брат закипает обидой и гневом,
 Ноян повернулся, ласкаясь к нему, розошекый.

К Баяну Ноян повернул тотчас конскую морду,
 Направился к брату с повинною юноша твердо
 Увидев, однако, что брат почернел от обиды,
 Юнец, испутившись, коня придержал ненадолго.

Баян и Ноян - в неогадцной пустыне два брата,
 Как Солнце с Луной, вызывали невольную гордость .
 Один был похож на смеющийся день серебристый,
 Другой поражал вас личиною горестно-черной
 И так позабавил юнца он горестным видом,
 Что тот, хоть напуган, и, все ж, рассмеялся невольно.

Ноян рассмеялся неожиданно, как будто ребенок
 Как будто раскрылся цветок - удивительно тонок
 Как будто невольно простят ему милый проступок,
 Мол, все ж, не чужой, задери его волки, чертенок
 Однако цветок оказался бессилен пред бурей,
 Баян весь дрожал, тетиву натянув возмущенно.
 Ноян «Жан коке!»-закричал, вмиг примчалась красотка,
 И тоже кричала Баяну «Я - Ваша сестренка!»

Но поздно, Баян тетиву уж спустиш однозначно
 Баяна геройство известно повсюду алашам.
 Вонзилась стрела прямо в сердце батыру Нояну,
 Слетел он с коня, на Баяна в испуге таращась
 Не слышал Баян, как кричал он «О, брат мой, родимый!»
 Как будто шайтаны сокрыли все звуки паряще.
 Секунда, и снова он лук натянул свой ужасный,
 Нацелясь на ту, что была всех милее и краше!
 Стрелой пронзена, на Нояна калмычка упала,
 С любовником юным упавшим чуть прежде обнявшись.

Они в миг какой-то с коней боевых послетали,
 Слетевши на землю, в объятия друг друга упали.
 Успели обняться и дух испустили в объятьях,
 Струясь вперемежку, их кровь по телам их стекала.
 Затем по земле побежала, струясь и вскипая,
 И в жадную землю без промедленья впиталась.
 Весь черный и мрачный, темней небосвода ночного,
 Прийти в разуменье пытаясь хоть мало-помалу,
 Баян постоял, пошатнулся, ловя равновесье,
 И рухнул с коня, словно молния в темя попала.

Безжизненный, долго лежал он, как будто помешан,
 От сумрачных мыслей казался весь мир ему тесен.
 Собравшись с рассудком, Баян посмотрел на два трупa
 И снова застыл, словно в воздухе кем-то подвешен.
 В степи вечерело, и солнце клонилось к закату.
 В багровой окраске вздымаясь, горела окрестность
 Обняв ковыли, в серебре их ветер заплакал,
 Одну из своих затянув печально-траурных песен
 Обняв молодых, Баян зарыдал над телами,
 В слезах сожаленья, в горячих слезах безутешен.

В нем сердце, горча, разрывалось буквально на части,
 Вскиная слезами, рыдал он от страшной напасти.
 Пред ним, словно ягоды две, - им убитые дети.
 Над ними Баян - их убийца, такой самовластный
 Они так юны, так безгрешна их милая юность,
 Он их целовал друг за другом в раскаянье страшном
 Рыдая один в неогпядной степи, осознал он,
 Что гневом подстегнутый, грех совершил он ужасный
 Пред гневом замолкший проснулся теперь его разум,
 И стал бормотать «Что ты сделал, сознайся, несчастный!»

В отчаяньи плакал батыр наш вечерней порою
 «Кто ныне меня назовет мудрецом иль героем?
 Ведь раньше гордились отвагой моей все алаши,
 Считаю, что я обожанья людей всех достоин'
 Уаков я честь уронил, но без них и меня нет,
 Уйдя от своих, назову ли других я роднею?
 Ядик, словно волк, своего разорвавший волчонка,
 Проступок я свой чем теиерь обелю иль покрою?
 Позором покрыт пред страной я любимой своею,
 Захочет ли хан мой, Аблай мой, видаться со мною?

Зачем я пошел на проклятых калмыков походом?
 Зачем, словно волк, я напал на кибитки их с ходу?
 Зачем на глаза мои юная дева попалась –
 Лозинкою гибкой и сладостно-вяжущим медом?

Зачем не всадил я ей в сердце стрелу там, на месте,
 Зачем полонил и пригрел, как змею, при народе?
 Зачем, словно баба, которой со страстью не сладить,
 Дал сердцу безумному, разум поправши, свободу?
 Зачем я не сдох от удушья жуткого гнева,
 Зачем я вскочил в белой юрте гадюке подобен?

Зачем без раздумий решил эту пару догнать я?
 Зачем, как врага, я преследовал младшего брата
 Зачем я не сжалился, видя родную кровинку,
 Когда подошел он ко мне, улыбаясь и ластясь!?
 Зачем он стоит вон все с той же веселой улыбкой,
 Меня не кленя, разве я не достоин проклятья?
 Зачем обагрив я ладони проклятые эти
 Безгрешною кровью юнца, что стоял виновато?
 Зачем я у бил двух ни в чем не повинных младенцев,
 Как яд, меня жжет теперь непоправимость утраты!

Зачем, о красотка, пошла ты за мною, покорна?
 Зачем, как змея, ты проникла в объятия проворно?
 Ресницы твои, словно стрелы, меня поразили,
 Зачем своим взглядом меня поразила невольно.
 Зачем величала, ласкаясь, меня своим братом,
 Приветствуя издали, словно звезда небес горних?
 Зачем ты, смеясь, моего чебачка подловила,
 Красотка коварная, что в происках очень упорна?
 При жизни тебя я не обнял ни разу, целуя,
 Зачем умерла ты, моя баловница, так вздорно?

О, сердце, гори! Слез озера, потоком струитесь!
 Лицом как дитя, предо мной мой братишка убигий!
 Жестокой стрелой поражен пусть в самое сердце,
 Все так же смеясь, в той же позе, ласкаясь, глядит он
 Несчастный твой брат, застрелил тебя этой рукою,
 Тебя обнимаю судьбою жестокой разбиты!
 Коварный мой лук, не сломался ты при натяженьи,
 Рука не отсохла, стрелу запустив по наитью

Иль, может, нет, нет. Наказал я любимого брата
 Зато, что себя запятнал он изменой открытой?

Нет мест на земле, что сравнятся с моей Сараркою!
 И страны другие сравнятся ль с казахов страной?!
 Кокше и Косай, как два льва из преданий старинных
 И разве сравнятся с такими другие герои?
 Сары и Баян, их потомки, метались, как барсы
 На поле сражений смертельной забавясь игрою?
 И если Ноян оказался трусливым, как может
 Братишкой Баяна считаться не счастливый сей воин?
 И если, предав всех, пошел за калмычкой своею,
 Нет горше беды для алашей под вышней звездою!

Увы, забавляюсь, признаться, я мыслью шальнойю,
 Не с этою мыслью пронзил я Нояна стрелою!
 Любовь, лишь она помутила в мгновенье мой разум,
 Проникнув в меня беспокойной, ползучей змеєю!
 Я брата убил и любимую тоже прикончил,
 Возможно ль сравниться в несчастьи безмерном со мною?
 «Кокке!»- восклицая, стоял ты, ласкаясь к брату,
 Мне б жертвою стать, мой родной, в тот момент пред тобою!
 Не жить мне теперь, я себя из страны изгоняю,
 Пойду на врага и, погибнув, вину свою смою!»

Так, плача, кричал он, шатаясь от горя и срама,
 Потерей двойною наказан батыр был упрямый.
 От горя лилисьу батыра кровавые слезы
 Из глуби души, где пучиной становится яма
 И даже земля, хоть и каменна, дрогнула сердцем,
 Печально вздохнула, как, сына жалеючи, мама.
 Дул ветер порывами, тоже как будто стеная,
 То всхлипывал тихо, скрываем надежно кустами
 Шатаясь, батыр потихоньку поднялся на ноги,
 Когда показалась, белея, заря над холмами.

Заря, серебрясь серебром всю округу покрыла,
 В предутренней мгле тьма со светом отчаянно бились
 Однако борьба между злом и добром быстротечна,
 И тьма, проиграв убегая, позорно сокрылась.
 В ту минуту Баян, словно грузом печали сгибаем,
 Моглу в степи как пещеру открывую, вырыл
 И в эту пещеру холодную в мрачной пустыне
 Два трупа безвольных, спустивши на дно, положил он.
 И вновь зарыдал над могилою бедный наш витязь,
 Как только мопила двух близких его приютила.

В пригорке он скрыл их таких молодых и любимых,
 Ни горсти земли не просыпав нисколько между ними
 Рядком пред Нояном оружие его он поставил,
 Из тех, что им были при жизни особо ценимы
 Потом посидел, лбом упершись в могильную насыпь,
 Слезами что жгут, изнутри непрестанно палимый
 Потом на коня он вскочил и помчался над степью,
 Шепча про себя Аллаха великое имя
 Скакал он, пыля, направляясь к становью Аблая,
 Чтоб встретиться с ханом, а также со всеми своими.

Баяну ль в новинку с врагами на саблях рубиться?
 Вонзаясь, как сокол, сметал он сарбазов калмыцких .
 На поле сраженья вбежав, словно хищник голодный,
 Один против сотен любил он с рычанием биться.
 Стрелю доспехи копьем пробивая грудь насмерть,
 Не знала пощады его роковая десница
 И если по честному, кто из других среди батыров
 Мог так за Отчизну в безудержной удали биться?!
 И если тогда на совете Аблая он не был,
 Нам ясно теперь, что мешало ему появиться!

Вторая глава

Прошедшие дни, как: прекрасная сказка, волнуют,
 Там были герои, что огненной бурей бушуют
 Без этих героев, подобных пожару в дерзаньях,
 Лишь музыка скорби напомнит нам славу былую.
 Скорь эта, всецело ко мне перейдя по наследству,
 Мне сердце сжигает, по прошлому вечно тоскуя.
 Нет ныне батыров, зато всюду могилы зияют.
 Друг скорби, о прошлом со скорбью напомнить хочу я.
 И только тогда бы прошла моя скорь, если ныне
 Я в вас пробудил бы былую державность, волхвуй!

Когда заскорблю об алашеской участи горькой,
 Когда, как в отраве, увязну в раздумиях долгих,
 Как будто внезапно грудь солнечным светом наполнив,
 Я вспомню Аблая, владыку племен наших стольких.
 Престола Аллаха, поверь, Бурабай мне дороже,
 Как Мекка Аблая, где всюду паломников толпы.
 И если смогу скорбный плач о Баяне сложить я,
 Я сделаю то в память героя с восторгом!
 Чем больше во мне ядовитых, безрадостных мыслей,
 Тем больше о прошлом тоскую я воющим волком!

Ну, что же, читатель, продолжим поэму скорее,
 Баян поскакал с Жолдузека теперь, словно рея
 Коня на скаку осыпает ударами плети,
 Чтоб тот не трусил, а скакал бы как можно резвее
 Как в вечной печали, темнея, остались пригорки,
 Бил ветер в лицо, целуя, смеясь и шалея
 В поклоне учтивом стоя, пролетали березки
 Везде вдоль дороги, как девушки в белом, светлея
 Баян все скакал и лишь только к полудню увидел
 Вершину Кокше, что, целуясь с небом, белеет

Как прежде, томятся у склона Кокше атаманы,
 Не могут тут крылья расправить они в ожиданьи

Аблай им велел подождать, потому они терпят,
 Нельзя никому ослушаться грозного хана
 Чтоб время убить, вспоминают легенды о прошлом,
 О хане Булате с кровавой, но длинною дланью
 Вояки, уставшие в ставке слоняться без дела,
 Увидели точку вдали, что росла непрерывно
 Когда эта точка вплотную приблизилась к ставке,
 «Баян!»- воскричали в людской толчее ураганно.

Баян потихоньку иодъехал к толпе ошалелой,
 Приветствуя всех, жест учтивости сделал умело
 Как лебедь - царь птиц, на престоле Аблай выделялся,
 Баян прежде всех к Аблайхану направился смело
 Он к хану пошел богатырскою поступью веской,
 О прочих забыв из толпы, что теперь онемела
 Как тополь, вознесшийся круто над самой пучиной,
 С рукою у сердца, он к хану подался всем телом
 О, хан-государь, моя слава известна алашам,
 Ты знаешь и сам, я предан алашам всецело

- О, хан-государь мой, даны тебе мудрость и норов,
 В тяжелые дни ты алашам стал вышней опорой
 Пришел я к тебе с опозданьем и в этом виновен,
 Взляни на меня, был я белым когда-то, стал черен
 Я в бездну попался без брода и тверди, иначе
 На зов не приехать твой ханский считаю позором
 Я боли души выставлять к обсуждению не буду,
 И ты не выпрашивай, сгинуть иначе мне в пору
 Об одном я прошу, на врага надо выступить тут же,
 При запахе крови орлы забывают про горе!

Соскучился, видно, Аблай по Баяну-герою,
 За руку взяв, усадил удальца пред собою
 На блюде серебряном дал трапезы ханской отведать,
 Не каждому кажет владыка почтенье такое
 Почтив так батыра, ушел он в глубокие думы,
 Подобно вершине, ушедшей в туман с головою.

Вдруг он поднялся, обзрев одним взглядом округу,
 И все словно сжались под ханскою волей крутою
 Он всех обозрел и был краток в своем выступлении -
 Под утро - в поход ! - так прервал он собрание немое.

Не скажет Аблай слов, раз сказанных подданным, дважды
 Толпа разошлась приказ готов выполнить каждый.
 Толпа разошлась, чтоб готовить коней, снаряженье,
 И к ночи легли все, как будто их завтра ждет праздник
 Кокше обняла нежным облачком летняя ночь
 И - важен Кокше синей дымкой окутан державно
 К Кокше и Луна, серебром осыпая, прильнула
 Купался в любви он, такой величавый и праздный
 Волнуясь на озере, волны вскипали приливом,
 Целуя скалу, утоляли любовную жажду.

Вот ночь прошла. Шевеля все, пополз резко ветер,
 К заре он пополз и вернулся с короной рассвета
 И только, белея, с пригорка заря показалась,
 Приказ «Выступаем!» - раздался над тихою степью
 На статных конях, что с литыми копытами будто,
 Батыров ряды проступили в предутреннем свете
 Клубясь и чернея, как будто кочевье из облак,
 Задвигалось войско с выемкой прямо по центру
 И если тут вспомнить нам сказки язык прихотливый
 Земля застонала верблюдом, раздавленным кем-то!

Стремительно движется войско, подобное тучам бегущим,
 Мрачнеет порой, как гора, затаившая грусть в своих кушах
 Порою, бушующая прибоем морским, озоруя,
 Пытается выявить самых способных и лучших
 Прозвали дорогу отцы наши славные «Пыльной»,
 Теряя ту грань, что бывает меж пылью и тучей
 Отряды спешат, позади уж вершины, пригорки,
 Их ведет Бугыбай, он не любит среди них отстающих
 Путь в несколько дней был пройден быстро и скоро,
 Вдоль озера войско собирается гуще и гуще

Балхаш привечает их волн перехлестом и пеной,
 Не пеной, а жемчугом вечно-манящим бесценным.
 Впадают в него две реки - Каратал и Аягуз,
 Из рек самый длинный - Или, баловник неизменный.
 Два брата имеет Или, и из этих близняшек
 Текес - тот джигит, что отведал воды из Хан-Тенгри
 И став у Или, поджидали калмыки Аблая,
 Избрав это место для будущей битвы ареной.

Бесчисленно войско, и лишь удалыцы туда входят,
 Калмыки в смягении задумались в поисках брода
 Уса и Церен, свой созвавши совет, порешили
 Казахов уловкою вынудить хитро к отходу
 Послали к Аблаю семь самых речистых калмыков
 И так наказали Аблаю сказать при народе
 «Вину признаем мы, простите пусть, Аблай наш великий,
 Даем в возмещение коней мы из лучшей породы,
 И юрты даем, и на каждого воина деву,
 Верблюда с коврами с персидских ковровых угодий!»

Посланцы, придя, обратились к Аблаю с сей речью,
 На день отложил хан с посланцами этими встречу,
 Созвал свой совет, обратился к батырам и биям,
 И все ж, обсужденья он сам оказался предтечей
 «Не дамся на хитрость, мы выступим завтра на бигву,
 И там по дороге возьмем их дары мы до сечи,
 А то, что осталось, возьмем мы, напад на их войско
 На утро другое, то бишь послезавтра
 Что, нечем Вам мне возразить?» - обратился потом он к совету
 Никто в возраженьях, естественно, не был замечен.

Когда сам Аблай излагает совету суть дела,
 Батыры и бии не будут Аблаю перечить
 Застыла толпа в молчаньи согласном покорном,
 Казалось все были решением хана довольны
 Тут встал вдруг Баян, он известен казахам трех жузов
 «Я слово возьму, а ты чти, по обычаю, вольность
 Никто не бежит под ружье, где готовится выстрел.

Ни люди, ни звери на тропах степных или горных
 Одобришь меня иль озлобишься, жажdua мести,
 Но я возражаю, считаю решение вздорным!

Нет истины, хан мой, когда нет ее обсужденья,
 Лишь раб одобряет любое хозяина мненье.
 Калмыки когда-то великий Китай обманули,
 Равнинных стравля с китайцами гор постепенно
 И если калмыки не в стоворе ныне с Китаем,
 Зачем их Китай ожидает с таким нетерпеньем?
 Аблай, лучше прочих ты знаешь коварство калмыков,
 Хватало казахам калмыков постичь разуменья
 Любой из калмыков обманет, но сам не поддастся
 Обману Аблай, не надейся, прошу, навезенье!

Баян замолчал. Хан сказал все о том же, насупясь,
 Он думал, что без подношений остаться им глупо
 И хан, и Баян по два раза сказали о том же,
 Смотря безотрывно, никто из них взгляд не потупил.
 Блистало в очах их недоброе, красное пламя,
 Но им не хотелось казаться врагами кому-то
 Толпа угадав, что Аблай стал сердит и не в духе,
 Сказала «Добро!» и закончилось дело в минуту.
 Решили вопрос, и теперь в ожидании войско,
 Надеясь, что завтра посланцы придут под утро.

Казахи всех жузов считали Аблая тулпаром,
 Одни аруахи ему полагались в пару
 Считалось, нельзя властелину такому перечить,
 Поступок такой был бесстыдным для малых и старых
 «Кто против, того поразит своей метой особой!», -
 Кричали поэты, грозили гадатели карой
 Жалеть про себя стали старцы багыра Баяна,
 Он храбрый батыр был и в битвах вернейший товарищ
 Вздыхая печально, они про себя порешили
 «Напрасно был дерзок, остался без счастья ты, парень!

На этом совет разошелся по юртам охотно,
 Ждать утра осталось ивойско, поужинав плотно
 Скользя мягким шелком, прошла тихо летняя ночь,
 Заря чуть забрезжила, в силу входя расторопно
 И Солнце в зарницах зари золотой разгораясь,
 Привет шлет земле, засверкав с высоты беззаботно
 Проснулись батыры, позавтракав, ждали известий
 Иные за дичью охотиться вышли вольготно
 Ждет войско известий, иные уже изождались
 Аблай, помрачнев, погрузился в раздумия, потный.

Ждет войско известий Заката роскошна картина,
 Калмыков вчерашних сегодня нет и в помине,
 Неужго Аблая калмыки опять обманули,
 Широкого мыслью и мудрого как благостыня
 Светилоз ашло, и лучи золотые угасли,
 И черное марево все превратило в пустыню
 Застыло и войско, подобно пучине, в молчаньи,
 Аблай теперь должен ответить этой пучине
 Очнувшись от горестных дум на исходе заката,
 Собрал он людей чтобы путь вновь найти из трясины.

Собрав свой совет вопрошает Аблай «Где же выход,
 Как можно нам выйти из этого черного лиха?»
 Шумят патриархи, то это иль то предлагая,
 Канай Караульский вдруг выступил веско и лихо
 Он вышел вперед, поражая своим красноречьем
 «Калмыки в Китае, теперь их, попробуй, найди-ка!
 Коль будем преследовать там их в стремленье упрямы,
 Погибнем напрасно, нам лучше вернуться бы тихо»
 Аблай помрачнел, но что делать, совет был уместным,
 Решили вернуться, хоть и с сожаленьем великим.

Наутро отложено войска движенье обратно,
 Аблай сидит мрачный, ему это все неприятно
 Заснули батыры, в безмолвии ночь и Хан-Тенгри
 Баян лишь не спит, ему многое здесь непонятно

«Не ужто в казахах нет гордости ратной, с чего мы
 Без схватки и битвы пошли, словно псы, на попятный?»
 И он, не стерпев, собирать стал по юртам джигитов,
 Горячих как пламя, любителей подвигов ратных
 Собрал сто юнцов, поскакал он из стана под утро,
 Туда, где Китай привечает калмыков податных.

А войско осталось, лишь сотня отважных джигитов
 Летят вдоль Или для врагов и подвохов открыты
 Баян впереди, словно белый возревший сокол,
 Подобный пожару, кричащему травам «Замрите!»
 Грызут удила скакуны, посрамившие ветер,
 Лишь дробь отбивают подковами дружио копыта
 И только к полудню увидел Баян, в мираже ли,
 Калмыков шатры, побережье все ими покрыто
 Джигигы, свершив неболшуую в горах передышку,
 Сураном «Аблай!» поскакали на смертную битву.

На тысячи тысяч набросилась дерзкая сотня,
 Как речка в бурленьи бегущая с гор многоводных
 Калмык и в начале, вопя, были в панике дикой,
 К отпору они оказались явно не годны
 Но миг погода, опомнились дружно калмыки,
 Собрались, чернея, червям в копошеньи подобны
 По сотне калмыков пришлось на казаха в сей битве,
 Дым, топот и крики в одно совместились сегодня
 Лил с потника гюг, кровь струилась, стекая по сабле,
 Джигиты сражались-отважны, быстры, благородны.
 Казахов ватага без счета разила калмыков,
 В пыли вся и дыме, аж небо смутилось от криков
 Здесь сабля, взлетая, оставила смерть без работы,
 Крива, как усмешка, смеялась в усердии диком
 Здесь теплая кровь человечья бежала ручьями,
 Стекая в лоцины, привыкшие горюшко мыкать
 Во множестве дырок, доспехи рвалпсь, словно тряпки,
 Батыры дрались с голой грудью, страшая всех рыком

На сопке соседней коня со звездой зарезав,
 Вожди из калмыков чтят идола, словно владыку.

Полуденный час . Угнетает дух ветер палящий
 И зной нестерпим, и воздух так спекся моряще
 Зрак Солнца недвижим, стоит над главами в покое,
 На небе – ни тучки и птицы не видно парящей
 Калмыков войска окружили отважную сотню,
 Несметны числом, громадою, зло гомонящей
 С коней побивав многих воинов, лучших в отряде,
 Ликуя, калмыки победу уж празднуют наспех
 Но вот среди битвы раздался восторженный возглас
 «Баян, мчи сюда!» - в миг, казалось, последний, пропадащий.

Баян, как всегда, в гуще битвы находится жаркой,
 Он давит калмыков - бегущих, избитых им, жалких
 Глаза его стали, как два уголька, пламенея,
 Кровавая пена взлетает из губ его ярких
 Направо-налево орудуя саблей разящей,
 Льет крови калмыцкой потоки с батырским азартом
 Единственный друг Жанатай, вечно рядом в атаки идущий,
 Ныне ранен и бредит, нуждаясь в бинтах и припарках
 Он держигся если в седле, то – велением чуда,
 Вот-вот упадет для калмыков желанным подарком.

Кто другу поможет рискуя собой среди схватки?
 Полезет под саблю, спасая товарища в давке?
 Баян наклоняется, чтобы номочь Жанатаю,
 И только к нему он, калмык появляется гадкий
 Огромный калмык поднимает копьё над собою,
 До крови охочее, бьющее в цель без оглядки
 Вонзает его он в бедро, враспloch заставая батыра
 И, там повернув, хочет вытащить, к удали падкий
 Баян Жанатая держа пред собою за пояс,
 «Стой, баба-калмык! -закричал, словнов диком припадке

И, выдернув вражье копьё, он выпростал руку другую,
 Дух предков призвал и, нисколько уже не волнуясь,
 Он саблей взметнул, так змея свое жало пускает,
 И вмиг голова покати́лась на землю сырую
 И рану свою затыкая в бедре большим пальцем,
 Пытался унять крови яркой кипящие струи
 Шатаясь, стоял он и нельзя было не любоваться
 Величием воина в эту минуту златую
 Но вот он упал и, все так же обняв Жанатая,
 Остался лежать между жизнью и смертью, горя.

Земля закружилась, и небо упало на землю,
 И черный туман пред глазами округу объемлет
 Ему тяжело, он с трудом открывает ресницы,
 Как будто в предутреннем сне полуспит или дремлет
 Вот будто он в юрте Аблая сердитого видит
 Вот войско ликует, Аблая за Бога приемля
 Вот видит Нояна с калмычкой волнистоволосой,
 Ресницы смежились, ничто уже их не подьмлет
 В обнимку стоят два возлюбленных близких Баяну,
 Кивают батыру, как будто в небесном паренье.

Ноян и калмычка приветствуют молча Баяна,
 Как звезды они, что мигают из вечности странно
 Ах, женщин поймешь ли, останутся вечной загадкой,
 Она улыбнулась, как будто Луна из тумана
 Нет-нет показалось бледна без кровинки на лике
 Его умоляет о чем-то, как будто султана .
 Нет-нет это сам он вдоль речки Жодды будто скачет,
 И видит две тени, бредущих за ним постоянно
 Гадюкой метнувшись, стрела в миг две цели пронзила
 И губы Баяна шевелягся еле в страданьи.

«Ах, мне бы рыдать не слезами, а кровью багровой,
 Я жизнь отдаю, искупая вину пред любовью
 Я мучился этим, приходит конец всем мученьям,

Мной кровь пролита, и не смою ничем эту кровь я
 Мне Бог не простит, но простят меня братья-казахи,
 Здесь жертвой за них умираю я смертью суровой!»
 Батыр заметался, в агонии мучась предсмертной,
 Вот голову поднял, надеясь увидеть их снова
 Но немые они, не видят его и не слышат,
 Ноян, младший брат, не роняет для брата ни слова.

Стоят, обнимаясь, печали полны неизбывной,
 Стоят и глядят, не мигая глядят, безотрывно
 «Как может Ноян обниматься с калмычкой своею, -
 Подумал Баян - Я же тут на глазах его гибну»
 Ах, бедный батыр, две души погубивший безвинных,
 Теперь уж терпи, не отмоют ни слезы, ни ливни
 «Все в прошлом уже, вон смерть меня ждет, дорогие,
 Простимся, скажите последнее слово, увы, мне!
 Простите меня, подойдите ко мне на прощанье»-
 Ослабшую руку к ним тянет герой наш призывно.

Стал черный туман пред глазами, чернея все больше,
 Калмыки сбежались, чтоб точно героя прикончить
 Кричали они, унижая его и ругая,
 Один подошел и пнул руку поднятую, морщась
 Упала на землю рука и осталась недвижна,
 Увяло лицо, постепенно исчез в нем свет солнца
 Другой наклонился и, голову лихо отрезав,
 На пику ее насадил, качая пред воинов толщей
 Уса и Церен, ликуя в восторге с народом,
 Войска одарили гульбою - большою и мощной.

Забыли вожди о тревогах своих и испуге,
 Кернаи трубили, звучали сырнай в округе
 Назавтра, однако, в Китай они быстро собрались
 Боясь, что Аблай не одобрит иные потуги
 Баян, жизнь свою посвятивший величию казахов,
 Лежал одиноко, уткнувшись в песок, где-то к югу
 Добрее врагов оказался в степи только ветер,
 Песком засыпая, оплакивал тело, как вьюга

Нам волны Или до сих пор повествуют об этом,
Струясь и струясь, журча и журча без натуги.

Народ позабудет героя, но сель есть на свете,
Народ позабудет героя, напомним нам ветер
На счастье рожден он народа, и, если, беспечный,
Народ позабудет героя, пустыня заметит
Народ позабудет героя, но вспомнит приговор,
Нельзя позабыть нанесенных врагу им отметин
Народ позабудет героя, земля не забудет,
Не зря проливал свою кровь за родные он степи
И если его не забудут стихии природы,
Народ не забудет героя, вся истина – в этом!

БАТЫР БАЯН

Бірінші тарау

Жүрегім, мен
 зарлымын жаралыға,
 Сұм өмір абақты ғой саналыға
 Қызыл тіл, қолым емес, кісендеулі,
 Сондықтан жаным күйіп жанады да
 Қу өмір қызығы жоқ қажытқан соң,
 Толғанып қарауым сол баяғыға
 Түйіннің тоқсан түрлі шешуі бар
 Әдемі ертегідей баяғыда
 Әдемі өткенді ойлап айнымасам,
 Сұм өмір күпті уын аяды ма?

Ертегі уатпай ма баланы да,
 Сөз сиқыр ғой, жазбай ма жараны да?
 Ақын да бір бала ғой айға ұмтылғаң,
 Еркімен өзі-ақ отқа барады да
 Жай тақтақ жабайыдан жол қалғанда,
 Қанды ор боп ақын жолы қалады да
 Ойлайды, күңіренеді, толғайды ақын,
 Күрсініп көзіне жас аладыда
 Ақында адамзаттан дос болмайды,
 Жалғыз-ақ сырын сөйлер қаламына.

Мен де ойды ағытамын қаламыма,
 Арқаның көз жіберсем алабына
 Сарыарқа - сары дария, қиыры жоқ
 Кез болсын, қандай қыран, талады да
 Ішінде сары дария көз тоқтатар
 Көкшетау - Сарыарқаның аралы да
 Көкшеде күні кеше қойдай өрген
 Түрлі аң бөрі, бұғы, маралы да
 Айрылып асау, ерке аңдарынан
 Көкшенің тас жүрегі жаралы да!

Арқада жер жетпейді Бурабайға,
 Бөленген бұйра сыпсың қарағайға
 Бұлт құшқан мәңгі мең-зең Көкшетауға
 Бөлектау «Ой, бауырым!» дер анадайда
 Оқжетпес найза қия қыранға ұя,
 Қарасаң жанның шері тарамай ма?
 Солардың ортасында Бурабай көл,
 Мөп-мөлдір, дөп-дөңгелек ұқсайды Айға
 Бурабай - Арқа аралы, жер еркесі,
 Ертеде қоныс болған Абылайға.

Бауырында Бурабайдың қалың ағаш
 Көкшенің жалыменен біткен жалғас
 Арудың ақпен өрген тұлымындай
 Қарағай, қызыл кайың, тал аралас.
 Ертеде жел өтпейтін қызыл ағаш,
 Дарига, бұл күндерде жап-жалаңаш!
 Қабірінен әулиенің алашқа артық
 Ертеде Абылайға орда болған ағаш!
 Ордасын сол ағаштағы Абылайдың
 Меккедей тәуеп қылған тамам алаш.

Қиын күн туған алаш баласына,
 Шұбырып жапанның сар даласында,
 Кез болған жаудан үркіп «Ақтабанға»
 Дұшпанның қалғандай боп табасына
 Арқаға аяқ салып, түскен барып
 Екі оттың - орыс, қытай арасына
 Күндерде сонау қара, тапсырған ел
 Тағдырын Абылайдай данасына.
 Сол күнде ел қорғаған Абылайдың
 Қылсаң да аз қанша тәуеп моласына.

Алыстан орыс, қытай - ауыр салмақ,
 Жакыннан тыншытпайды қалың қалмақ
 Артында - ор, алдында - көр, жан-жағы жау,
 Дағдарған алаш енді қайда бармақ

Сол кезде елге қорған болған Абылай,
 Көп жаудың бірін шауып, бірін арбап
 Күндердің бір күнінде хан Абылай
 Қалмаққа (ойына алды) ойран салмақ
 Ханынан «Аттан!» - деген сөз шыққан соң,
 Ордаға батыр, билер келді андап

Жиылды өңшең ноян ығай-сығай,
 Байжігіт, Тасболат пен би Толыбай,
 Ту баста Абылайды хан көтерген
 Қамқоры Қарауылдың шешен Қанай
 Ашуы жауған қардай, шөккен нардай
 Қарт қыран Қанжығалы қарт Бәгенбай,
 Бөкеңнің жас жолбарыс жеткіншегі
 Аузынан жалын шашқан жас Жанатай
 Найзасын нажағайдай ойнататын
 Жас барыс Бәсентин Сарымалай.

Балталы, екпінді оттан Оразымбет,
 Сырғалы, шапшаң оқтан ер Елшібек,
 Өзіне тірі жанды тең көрмейтін
 Тәкаппар Қошқар ұлы ер Жәнібек
 Қалданға ханмен бірге тұтқын болған
 Жолдасы Абылайдың батыр Жәбек
 Майданда от шашқандай оқ шашатын
 Сырттаны Бәсентин ер Сырымбет –
 Осындай өңшең көкжал жиылыста
 Күңіреніп жолбарыстай «Жау қайда?» -деп

Әрі ақын, әрі батыр Қарабұжыр,
 Айтатын өрлеп барып аспанға сыр
 Бұқар мен Тәтіқара жырлағанда,
 Толқынды тұңғиық боп төгілер жыр
 Осылай думанменен күндер өтіп,
 Батырлар ерікті енді жатқанға құр
 Аттан деп әлі айтпаған Абылайға
 Көкжалдар дей бастады «Жүр енді, жүр!»

Алайда Абылайдан сөз болмады,
Сондыкган бұғып, бықсып туды күбір

Жиналған өңшең бөрі Бурабайға,
Алаштың Кебесіндей ізгі жайға
Батырлар бұғаудағы арыстандай,
Абылай тұңғыық бір терең ойда
Бәрі де ел қорғаны батыр, билер,
Аттанбай тек жатудан таппай пайда
«Жүрелік, жау басынар!» деген сөзбен
Салады Қанай біді Абылайға
Би Қанай «Бұ қалай?» - деп бастағанда,
Абылай сұрайды одан «Баян қайда?»

«Қанайым, ойың удай, тілің шаян,
Амал не, келген жоқ қой батыр Баян
Көп жаудың албастысы, ел еркесі
Баянның батырлығы алашқа аян
Баянның аруакгы құр атынан
Көп қалмақ болмаушы ма ед қорқақ қоян?
Наркескен, өрттей ескен, қайтпас болат
Баянсыз қанатымды қалай жаям?!
Би Қанай! Аттанбайды хан Абылай,
Келмесе қаңдыбалақ батыр Баян!» -

Деген соң ойы теңіз хан Абылай,
Аяндап батырларға қайтты Қанай
Байлаулы бөрілерді аза қылмай,
Кестелеп, сөзбен сипап айтты Қанай
Күндеу ме, көтеру ме? кім біліпті,
Батырлар десті жалғыз «Баян бала-ай!»
Көкшенің бауырында өңшең көкжал
Күңіреніп күтіп жатты күндер талай
«Жау!» десе жатпайтұғын батыр Баян,
Апырм-ай, келмеуінің мәні қалай?

Жас Баян жауды талай көрмеп пе еді, Сорғалап
сұңқардайын төнбеп пе еді, Маңданда
жолбарыстай жалғыз ойнап,
Сан қолға аш бөрідей кірмеп пе еді?! Жебесі
көбеі бұзып, жүректі үзбей, Найзасын, сірә,
шалғай сермеп пе еді?
Бірін айт, бәрін айт та, басқа батыр
Баяндай «алашым!» деп еңіреп пе еді?
Бұл жолы кешігуі жай емес қой,
Тұлпарым кез болды ғой орға, тегі!

Арқада бір өзенді дер Обаған,
Сол жерде азғана Уақ қоныс қылған
Уақтың ерте күнде өжет-қайсар
Ер Көкше, Ер Қосайдай ері болған
Сол ері ерте күннің - Ер Көкшенің
Нәсілінен қайтпас алмас Баян туған
Баянның ер ағасы батыр Сары,
Қос қыран тізе қосып жауын қуған
Айналып оны айт, мұны айт, Баянды айт,
Ер Баян алашының бетін жуған

Ол күндер аз қазақ пен қалың қалмақ
Қыран мен қара құстай алысқан шақ
Баласы алты алаштың Абылайдың
Астында ақ туының табысқан шақ
Қазақтың батырлары бәрі қыран,
Сонда да бір батыр жоқ Баяндай тап
Жауының бір жорықта бір сұлуын –
Ер Баян алып қайтқан артына сап
Баянның алып қайтқан сол сұлуы –
Балдырған бөбек дерлік, он төрт жаста-ақ

Сол сұпу сұлу екен атқан таңдай,
Бір соған бар сұлулық жиылғандай

Торғын ет, шапақтай бет, тісі меруерт, Сөздері су
 сьлдырлап құйылғандай
 Бір улап көзқарасы, бір айнытқан, Жұлдыздай
 еркелеген сөнбей-жанбай
 Лебізі - жібек лебі, жұмақ желі,
 Кәусардай татқан адам қалар қанбай
 Шын ер ғой батыр Баян алып қайтқан
 Еліне сол сұлуды, естен танбай.

Ер Баян жас сұлуды алып келген,
 Сұңқардай бабындағы сұқсыр көрген
 Қан жауып екі көзін қанды балақ
 Ілмекке қоңыр қазды көңіл бөлген
 Марал бар оққа ұшпайтын, тым сақ бірақ, Кезеңде кез
 келсе де қандай мерген
 Болмасын жас сұлудың білгеннен соң
 Ер Баян қарыңдас қып ерік берген
 Алайда ар алысқан жүрегімен
 Теңізде алысқандай күшті сеңмен

Қалмақтың қайсар қызы қайырылмаған,
 Болаттай жасу білмей, майырылмаған
 Жап-жас қыз сұмдығы мол сыр бермейді, Жандай-ақ
 ойдан аулақ қайғырмаған
 Алаштың аруы боп кетсе-дағы,
 Жанымен өз жұртынан айрылмаған
 Сұм сұлу анадайдан «ағатайлап»,
 Баянда жан қоймаған жандырмаған
 Сонда да сыр шығармай батыр Баян,
 Жастық қып жанын естен тандырмаған

Осылай іштен күйген батыр Баян, Баянның
 батырлығы алашқа аян
 Баянның інісі бар он бес жаста –
 Бөрінің бөлтірігі - бала Ноян
 Ноянның бар ақылы білегінде,
 Билеген асау жүрек, қайнаған қан

Келгенде-ақ сұлудың бір қарауынан
 Ноянның жүрегінде ұшқын туған
 Сол ұшқын өртке айналып, жап-жас Ноян
 Алысып жүрегімен, аласұрған

Жастықта жалынданып сүйген қандай!
 Баладай өксіп жылап, күйген қандай!
 Көрмесен жан-жарыңды өлгендей боп,
 Қайғырып күлден кебін киген қандай!
 Кеудеңе жан кірмей ме, көзің шалса,
 Өмірің жаңа ағарып атқан таңдай
 Кеудеңді қасиетті сәуле кернеп,
 Жүрегің сол минутте жарылғандай
 Не дерсің салпаң құлақ есекгерге,
 Өгіздей өмір сүрген сүймей-жанбай!

Ноян да сол сұлуға - тәтті балдай,
 Мөлдіреп қараушы еді көзі талмай
 Мас болып, дене түгіл, жаны елжіреп,
 Жұтқандай сол сәулені демін алмай
 Алайда бұзық ойдан аулақ еді,
 Сұлуға, тәңірі көріп табынғандай
 Жанса да жап-жас Ноян, сұм сұлу қыз
 Көп заман жүрді бірақ көз де салмай
 Сонда да кейбір кезде ақ бетіне
 Бір нәрсе жүгіруші ед ыстық қандай

Айға алтын Күн нұрынан сәуле бермек,
 Шалқыған махаббат - от аспанға өрлеп
 Жүрегін өзі сүйген отты жүрек
 Оятпақ тас болса да, зарлап тербеп
 Басында сыр бермеген сұм сұлуға,
 Біраздан бола бастар күлкі кермек
 Нояннан о да көзін алмас болды,
 Күйдіріп жас жүрегін жалын кернеп
 Шешілді екі жастың жұмбақтары
 Екеуі бір іңірде сайда кез кеп

Сикырлы гүлге оранған жібек майда,
 Сылдырлап сылк-сылк күлген терең сайда,
 Ерке өзен жанын өртеп, жармен ойнап, Сүйгізген ақ
 бетінен күміс Айға
 Сондай бір жібек кеште жаны өртеніп,
 Екеуі «әу!» дескендей барған сайға
 Аулақта сүйіскен жан ұшырасса,
 Еріксіз тамырларға у тарамай ма?!
 Анттасып, айрылмаса сөз байласып,
 Бастық деп Арсыға адым санамай ма?

Жас Ноян қызды көріп от боп кетті,
 Көздері қызыл жалын шоқ боп кетті,
 Жер мен көк, ай, жұлдызды тұман басып,
 Бір қыздан басқа нәрсе жоқ боп кетті
 Келді де қызға жалын сөздерімен
 Шығарды жан ұшырып іштегі өртті
 Бір күйіп, бір суынып, бір елжіреп,
 Біресе жас баладай жасын төкті
 Өртемей отты жүрек ҚОЙМАҚ па екен,
 Тақады сұлу қыз да бетке бетті

Қыз сонда «Ноян бауырым Кебем!» деді,
 «Мен сенің сүйгеніңе сенем», - деді –
 «Сүйемін мен де сені, тәңірі куә,
 Тән түгіл жаным саған берем?» - деді –
 «Нояным, бірақ сенен қалауым бар»,
 Деді де сұлу ойға тереңдеді
 Сұлудың сырға толы торғын беті-ай,
 Бетінде ешбір толқын көрінбеді
 Біраздан көздеріне жас мөлдіреп
 Жас сұлу жылап тұрып күлімдеді

Қыз сонда «Қалауым бар, Ноян батыр,
 Адамның ақсу құстай мен бір пақыр
 Арқаның аруы боп жүрсем-дағы,
 Алыста туған, өскен жерім жатыр

Өткізген балаусадай бөбек күнім,
 Барқыттай белес-белес белім жатыр Айбынды
 арыстандай құмда кезген, Күңіреніп қалың қалмақ
 елім жатыр
 Барқыт бел, қашқан қалмақ қалсын адыра, Ата-анам
 - айым менен күнім жатыр

Ер Баян біздің елге барған еді,
 Көп қойға көкжал ойран салған еді
 Бөбегін шырылдатып ап кеткенде
 Ата-анам жылап-зарлап қалған еді
 Сорлы анам көкірегін көкке сауып,
 Қан жылап менен бір ант алған еді
 Ол анты «Елдің шетін, анаң бетін
 Бір көрмей, қозым ерге барма!» - деді
 Анама сөзім - анау, өзім - мынау,
 Жас Ноян жүгінемін ер деп сені

Көр болсақ, көрді көрмей, Тәңірі оңдай ма,
 Ер Баян неге батқан терең ойға?
 Мен сорды көргеннен-ақ сүйген Баян,
 Қосылсақ, Баянға ауыр дерт болмай ма?
 Биікке кетпей киік ойда ойнаса,
 Ашулы арыстанға мерт болмай ма?
 Екеуміз Сарыарқадан сапар қылсақ,
 Қатерсіз қосылуымыз берік болмай ма?
 Қаны бір ел еді ғой қазақ қалмақ,
 О да бір саған туган жұрт болмай ма?!» -

Деп сұлу сыбырлады сиқыр сөзін,
 Толтырып меруерттей жасқа көзін
 «Шыдашы, кәне күймей!» - дегендей-ақ,
 Ноянға тақап тұрып жалын жүзін
 Жас Ноян жас қанына тұншыққан соң,
 Ұмытпай тұрсын қалай өзі-өзін!
 «Жарайды, даярмын!» - деп айтып салды,
 Ойланып бір минут та қылмай төзім

Сол саңда уәделерін бекітісіп, Екеуі
аймаласты ыстық жүзін

Сол уақыт мезгіл екен дәл таң алды,
Төзім қып албырт Ноян күтпей таңды, Жүгіріп
жан ұшырып, жаяу барып, Жылқыдан екі жүйрік
таңдап алды
Азырақ азық алып, қару-жарақ,
Жүйрікке әсем абзал тұрман салды
Сөйтгі де Сарыарқамен есендесіп,
Екеуі ескен желдей кетіп қалды
Кетті олар Сәске болды, ауыл тұрды, Алдымен Ер
Баянға хабар барды

Боз үйде жатыр екен Баян жалғыз –
Керілген күнге еркелеп жас жолбарыс
Ауылдың ақсақалы сөзді әкелген
Деп бастап «Баян-айым, бір масқара іс
Өткен түн болып қапты » - деп шұбыртып, Жаудырды екі
жасқа нәлет-қарғыс
Алайда жас Ноянды ақтай сөйлеп
Дей берді «Қылды-ау бізге қалмақ қар қыз!»
Ер Баян сұп-сұр болып деді бірақ
«Жарайды Бар, ақсақал Ойланармыз»

Боз үйде жалғыз қалып Баян енді,
Жаралы жолбарыстай күңіренді Қорғасын
миын, ойын төмен басып, Ақылға алғыр құстай
ашу төнді
Бір көк сұр түс енгізіп бар денеге,
Сұм жүрек қанды өзіне жинай берді Ақыры ашу
ерді билеп кетті,
Жалп етті сөнген шамдай ақыл өлді
Өлді ақыл атып тұрып батыр Баян,
Боз үйден оқ жыландай шыға келді.

Ер Баян сол кеткеннен кете барды,
 Мінip ан белдеудегі көк тұлпарды
 Дулыға қалқан, көбе қалған ұмыт,
 Белінде жалғыз-ақ бір садақ бар-ды Бауырынан
 Обағанның орғып өтіп, Арыстан айдалада дүбір
 салды
 Дауылдай талмай есіп желдей ұшып,
 Түс ауа Жолдыөзекке жетіп қалды Кермиық
 Жолдыөзектің даласында Алыстан екі қараны көзі
 шалды

Атығай қоныс салған Жолдыөзекке,
 Құнарсыз ащы татыр сорлы өзекке
 Жолдыөзек - жолсыз өзек, құтсыз, отсыз, Алдымен
 жау да салған қолды өзекке
 Айрылып байлығынаң , көп соққы жеп,
 Көз жасы Атығайдың толды өзекке
 Алаштың Асан Қайғы данышпаны
 Кетпеген «Қаңды өзек» деп, тіпті текке Ежелден құт
 дарымай, қағынған жер,
 Қайғылы бір іс болды сол өзекте.

Алыстан екі қара көрді Баян,
 Кілегей қара бұлттай төнді Баян
 Ой жоқ боп, жүрек шок боп, құр екпін боп, Сұңқардай
 сорғалаған келді Баян
 Қыз түгіл, қаны бірге өз бауырын
 Танымай қалғандай да болды Баян
 Байланған белде сала садағына
 Қалшылдап қалды салып қолды Баян
 Ашуын арыстанның байқаған соң,
 Майысып тұра қалды жап-жас Ноян.

Жас Ноян жүйрігінің мойнын бұрды,
 Жас Ноян Ер Баянға қарсы жүрді
 Жақындап келіп қалып ағасына
 Түсінен шошыды да, тоқтап тұрды

Жапаңда аға-іні Баян, Ноян –
 Алып кел көз алдыға Ай мен Күнді
 Дұрысы - күміс күлген күндіз бенен
 Түнерген қара бұлтғай қара түнді
 Алайда, ерке бұлан Ноян-ұлан
 Ашулы ағасына қарап күлді

Бір күлді балдырғандай Ноян бала,
 Ашылған шешек жарып гүлдей жаңа
 Еріксіз сотқарлығын кешіретін
 Еркелеп ерке ұландай күліп қана
 Көрсен де дауыл гүлді - басылмады,
 Ер Баян арыстандай жаны жара
 Қалшылдап, көзі қан боп, қолын алмай
 Байланған садағынан белде сала
 Жас Ноян «Жан көке!» деп сөз қатқанша,
 Сұлу да жетіп келіп «Баян аға!» -

Дегенше, қалды тартып батыр Баян,
 Баянның батырлығы алашқа аян
 Оқ тиіп жүрегінен құлап түсті
 Атынан бүктетіліп бөбек Ноян
 Жын шуы басқандай боп, естімеді
 «Жан көке, аға!» деген сезді Баян
 Садағын сол секундте тартты тағы
 Бір ашып, бір жұмбай да көзді Баян
 Үстіне інісінің денесінің
 Түсірді тағы ұшырып қызды Баян

Екі жас аттарынан ұшып түсті,
 Түскенде бірін-бірі құшып түсті
 Жүректен атып ыршып шыққан қанмен
 Жалғыз-ақ «Аһ» десті де, «Жаным!» десті.
 Қомағай қара топырақ бүлкіл қағып,
 Асығып екі жастың қанын ішті.

Күлдей қу, тұнжыраған түндей болып,
 Жия алмай, құр теңселіп, ақыл-есті,
 Тұрды да біраздан соң батыр Баян
 Атынан есі ауғандай құлап түсті.

Бірталай талғандай боп жансыз жатып, Тұңғиық
 көмескі көп ойға батып,
 Ер Баян есін жиып екі жасқа
 Бір қарап, қара тастай қалды қатып.
 Сол кезде сар дала да күңгірт тартты, Еңкейіп бара
 жатты күн де батып
 Құшақтап ақ селеуді жылады жел
 Өзінің қасірет жырын қоңырлатып Құшақтап екі
 жасты күңіренді ер
 Көзінен ыстық жасты сорғалатып

Қайғыдан жарылғандай қайран жүрек,
 «Уһ-уһ!» деп үзілгендей есіл өзек
 Қасіреті қара түндей Ер Баянның
 Алдында бүлдіргендей екі бөбек.
 Аузынан уыз шыққан екі жасты
 Ер Баян сүйді құшып кезек-кезек,
 Жапанда жапа-жалғыз еңіретті ерді
 Өлгіде ойды улаған ашу кезеп
 Ашудан бұғып қалған қорқақ ақыл
 Күбірлей бастады енді «Мұның не?» - деп

Зарланып күңіренді батыр Баян,
 Мезгілде күңгірт тартқан кешке таман
 «Кең ақыл отғы қайрат, сырттаным» - деп,
 Ер едім еркелеткен алаш тамам
 Сындырдым аз ғана Уақ елім белін,
 Елімнен кетіп елді қайдан табам?
 Жейтұғын өз күшігін болдым бөрі,
 Ісімді мынау ағат немен жабам?
 Қарабет болдым алаш баласына,
 Ер дер ме енді мені Абылай данам?!

Жорыққа қу қалмаққа жүрдім неге?
 Тобына көк бөрідей кірдім неге?
 Тәтті бал, балауса тал жас сұлуды
 Көр болғыр, екі көзім, көрдім неге?
 Садақтан жүрегінен тартып кетпей,
 Жыландай бауырыма сап келдім неге?
 Әйелдей баса алмайтын жүрек жынын
 Есалаң жүрекке ерік бердім неге?
 Буынып сол боз үйден шықпай өлмей,
 Атылып оқ жыландай тұрдым неге?!

Ойламай, белді бекем будым неге?
 Қозымды қас дұшпандай қудым неге? Майысып Ноян
 қалкам, ерке марқам,
 Қасқиып қарсы алдымда тұрдың неге? Бауырыма тас
 жүрегім жібімеді-ау,
 Бір ата, бір анадан тудым неге?
 Салдырап шіріп қалғыр саусақтарым
 Қанымен өз қозымның жудым неге?
 Күнәсіз екі жасты өлтіргенше,
 Өлмедім ішіп уын удың неге?!

Сұлу-ай, қалмай маған ердің неге,
 Жыландай бауырыма кірдің неге?
 Қадалды оқ-кірпігің жүрегіме,
 Жүрегім тілім-тілім тілдің неге?
 Жұлдыздай аспанда алыс жымыңдған
 Алыстан «ағатайлап» күлдің неге?
 Секіріп суда ойнаған шабағымды,
 Сұм сұлу, қармағыңа ілдің неге?
 Тірлікте бетіңнен бір сүйе алмадым,
 Тіл тартып, ерке тотым, өлдің неге?!

Күй, жүрек! Көл бол, жасым! Өрген, ішім!
 Алдымда айнам жатыр бөбек пішін
 Сұм садақ кетсе де үзіп жас жүрегің,
 Жойған жоқ құлыншағым ерке түсін.

Сорлы ағаң атып жығып өз інісін,
 Иіскейді енді зарлап аппақ төсін
 Тартқанда сынбадың ау, сұм садағым!
 Қайтейін, арымадың арда күшім!
 Жоқ әлде, жоқ, жоқ Әлде Өлтірдім бе,
 Інімді алты алаштың намысы үшін?!

Арқамдай жер жүзінде жер бола ма?
 Айбынды апашымдай ел бола ма?
 Алашта ертеде өткен екі арыстан
 Ер Көкше, Ер Қосайдай ер бола ма?
 Солардың нәсілінен Сары, Баян,
 Барыстай ойын салған сар далада
 Інісі Ер Баянның, жасық Ноян
 Атадан азып туған дер болар ма?
 Құл болса бір қыз үшін балдырғаны
 Алашқа бұдан да ауыр шер бола ма?

Дарига, жұбанамын, жел ойменен,
 Тартпадым сұм садатғы бұл ойменен
 Тандырған мені есімнен ғашықтық қой,
 Бір тынбай сұр жыландай жаным жеген
 Өз бауыры, өз сүйгенін өзі өлтірген
 Болар ма, сірә, сорлы адам менен?!
 Алдымда «Көкежан!» деп күліп тұрған
 Садаға кетпедім ғой, қозым, сенен
 Ел беті енді маған болсын арам,
 Алашым, аттанамын, жауында өлем!» -

Деп зарлап, күңіренді жаралы ер,
 Айрылған екі жаннан қаралы ер
 Зарланып көзінен қан тамшылатты,
 Тұңғыық жанды жеген қап-қара шер
 Жүрегі тас болса да шыдай алмай,
 Қамығып, қайғы басып, күрсінді жер
 Молайтып минут сайын қасірет жырын

Жанында өксіп-өксіп жылады жел
 Бозарып бел артынан таң атқанда
 Соккыдан сенделгендей тұрады ер

Күміс таң жерге күміс сәуле шашты
 Сәуле мен қараңғылық араласты
 Алыспас адал, арам бекерге ұзақ
 Жеңіліп қараңғылық жылжып қашты!
 Сол кезде жаны жара батыр Баян,
 Үңгір ғып кара жердің бетін ашты
 Жапанда қазған суық тар үңірге
 Көтеріп көмді әкеліп екі жасты
 Топырақ екі жанын жасырған соң,
 Ер Баян тағы көл ғып төкті жасты.

Ер Баян көмді екеуін дөң басына
 Түсірмей бір топырақ ортасына
 Ап шыққан қаруларын сүйеп-сүйеп,
 Ноянның көмді бәрін өз қасына
 Отырды топыраққа ұзақ басын қойып,
 Шомылып қанды ыстық көз жасына
 Аздан соң мінді атына батыр Баян
 Сиынып бір жаратқан Алласына
 Жолбарыс жортып кетті бетін түзеп,
 Шаңдатып Абылайдың ордасына

Жас Баян жауды талай көрген еді,
 Сорғалап сұңқардайын төнген еді
 Майданда жолбарыстай жалғыз ойнап,
 Сан қолға аш бөрідей кірген еді
 Жебесі көбе бұзып, жүректі үзіп,
 Найзасын ылғи дәлдеп сермеп еді
 Бірін айт, бәрін айт та Батыр Баян
 Туғаннан «Алашым!» деп еңіреп еді
 Көкжалдың осы жолы кешіккені,
 Осындай тұлпар орға кез кеп еді

Екінші тарау

Өткен күн таң-тамаша ертегі ғой,
 Ерлері ертегінің өрт еді ғой
 Айрылып от екпінді ерлерінен
 Алаштың жанында ауыр дерт еді ғой
 Сонау дерт түгелімен ауып маған,
 Дарига, жүрегімді ертеді ғой!
 Ер көрмей, көрден басқа, сұм өмірде
 Шерлі жан шерлі кеңес шертеді ғой,
 Жадырап жаным шерім тарқар еді,
 Кеңесім тыңдаушыға сала алса ой

Күңіреніп ойлағанда алаш жайын,
 Жанымды орай берсе улы уайым
 Кеудеме күннің нұры толғандай боп,
 Жырлаймын алты алаштың Абылайын
 Арсыға асқандаймын, тауап қылсам,
 Кебедей Абылайдың Бурабайын
 Күңіренген жырымменен мен разымын
 Алаштың жоқтай білсем Баян-айын
 Жырлаймын, күңіренемін өткенді ойлап,
 Кеудеме улы уайым толған сайын

Кірейін кеңесіме күңіrentкен,
 Ер Баян жөнелді енді Жолдыөзектен
 Қамшыны көміп-көміп алды батыр
 Ашуын алатындай тұлпар көктен
 Мұңайып мәңгі мұнды белдер қалды,
 Жынды жел сақ-сақ күліп сүйді беттен
 Жан-жақта жас қайыңдар қала берді
 Иіліп әдеппенен сәлем еткен,
 Ер жортты Сәске болды, көзі көрді
 Көкшені бал алысқан аспан-көкпен

Көкшеде өңшең көкжал аялдаған,
 Қырандар қанаттарын жая алмаған

Ханына Абылайдай «Болады!» - деп,
 Бір берген сөзден елдер тая алмаған
 Ерігіп, әңгіме қып өткен күнді,
 Қанішер Болат жайын баяндаған
 Қайратқа құса болған сол қырандар
 Алыста қара көрді аяндаған
 Жақындап қара ордаға келген шақта
 Шықты айқай топтан шулап «Баяндаған!»

Аяндап топқа тура келді Баян,
 Келді де көпке сәлем берді Баян,
 Қудай боп құс төресі топ төрінде
 Отырған Абылайды көрді Баян
 Басқаға мойын бұрып бір сөз қатпай,
 Абылайға батпаң басып жүрді Баян
 Бәйтерек тұңғыыққа төнгеніндей,
 Алдында қол қусырып тұрды Баян
 Тұрды да деді «Алдияр, сөзім қысқа,
 Екенім менің Баян алашқа аян

Алдияр, ел ағасы, ханым дана
 Алашқа ауыр күнде болған пана
 Кешігіп, күнәлі боп, енді алдыңа
 Келді ерің іші жалын, жаны жара
 Тұңғыық кез болды ғой кешуі жоқ,
 Болмаса шыққанда «Аттан!» ер тұра ма?
 Талқыға жан жарасын сала алмаймын,
 Мәнімді мен айтпайын, сен сұрама
 Тілегім - енді жауға аттаналық,
 Қан көрсе, қас қыранда шер тұра ма?!»

Абылай ерін күткен көптен зарығып,
 Қолынан Баян-айын алды тартып
 Алдына отырғызып, күміс кернеу
 Керсеннен көкжалына берді сарқыт
 Берді де бүгіп басын ойға кетті,
 Асқардай ой билеген мәңгі қалғып

Аздан соң көтеріліп жан жағына
 Қарады жер жиһанның бәрін тар ғып
 Қарады, қыран сөзі қысқа болды
 «Таң ата жүреміз!» - деп берді жарлық

Ежелден Абылайда екі сөз жоқ
 Сөз шықты «Болады!» - деп тарады топ
 Топ тарап, ат-тұрманын даярлады,
 Біраздан дамылдады ел мезгіл түн боп
 Жібектей жұмсақ жылы жаздың түні
 Бұлтымен құшақтады Көкшені көк
 Керілді ерке Көкше күміс Айға
 «Сәуленді, сәулем, көбірек төкші-төк!» - деп Бетінде
 Бурабайдың ерке толқын
 Бір тынбай күліп жарды сүйді шөп-шөп

Түн өтті Жер шетінде алтын таңды
 Жорғалаң жүз бұралып, жел қарсы алды Сарғайып
 сары белден таң атқан соң
 Абылай қолға «Аттан!» - деп хабар салды
 Бәрі де болат тұяқ бедеу мініп
 Батырлар қатар түзеп келіп қалды
 Жөңкіліп күзді күнгі көшкен бұлттай,
 Қап қара ортасы ой боп қол қозғалды
 Асырып ертегіше айтқан жанға
 Қара нар қайыспайтын жер шайқалды

Жөңкіліп көшкен бұлттай барады қол,
 Кейде қол түнерген тау, қайғысы мол
 Кей кезде тентек толқын екпінімен
 Шу қойып шабуылдап алады қол
 Шаңы - бұлт, бұлты - шаңға айналған соң, Атаған
 ерлер жолын деп «Шанды жол»
 Тартты қол қалды өрлер, қалды белдер Бастаған
 Бұғыбай басшы қол көрмес шөл
 Бірнеше тәулік бойы тынбай тартып,
 Қол енді жүрді бойлап бір айдын көл

Балқаш қой, бұл айдыны, сылдыр қаққан,
 Балқаштың бетін мәңгі меруерт жапқан
 Қаратал, Аягөзбен - екі көзі,
 Еркесі - Іле өзені ұзын аққан
 Басы егіз ерке Іленің Кеңес, Текес
 Тәңірінің тенгек Текес дәмін татқан,
 Бойында сол Іленің қалың қалмақ
 Абайлап Абылайды күтіп жатқан
 «Қайда, - деп, - қазақ?» бұрын желіккен жау
 Көрген соң көп қазақты ойға батқан

Қазақтың қалың қолы ерлер кілең, Батырды
 көп қалмақты ойға терең Қазақтан
 қулықпенен құтылмаққа Кеңесті қос
 қоңтайшы ұса, Серен Жіберді, кеңесті де,
 жеті қалмақ Сөздері «Абылайдан бар да
 тілен! Ағаттық бізде болды, кешсін Абылай,
 Ақ отау, айдаған мал бәрін берем
 Тағы да ер басына бір ару мен
 Қара нар айыбымыз, қалы кілем»

Жеті елші осы сөзбен келген ханға,
 Қаратып өз жауабын ертең таңға,
 Салады мынау сөзді хан Абылай
 Би-батыр, қасындағы көп қыранға
 Салса да, алдыменен өзі айтады
 «Түспеспіз, тірі болсақ, алдағанға!
 Күні ертең не бергенін жолдан алып, Қалғанын
 алсақ қолдан арғы таңда
 Ерлерім, ойым осы¹ - деді Абылай, -
 Бұл ойды теріс дейтін адам бар ма?»
 Абылай айта қалса істің жайын,
 Би-батыр теріс дей ме Абылайын

Қалың топ тым-тырыс боп тұрған шақта Дегендей
 «Ерік иеде, біздер дайын!» -
 Ерлігі алашқа аян батыр Баян
 Тұрды да деді «Алдияр, Абылайым,
 Мергеннің мылтығына қарсы жүрмес,
 Қырдағы адам түгіл құландайын
 Сөзімді не кектерсің, не жұптарсың
 Ойыңды теріс дейді Баян-айың!

Талқыға салмай шындық табылмайды,
 Құл ғана қожаны ылғи қабылдайды
 Қу калмақ күні кеше алдамап па ед,
 Шоңқитып Ой қытай мен Ор қытайды? Қытаймен күні
 бүтін жалғаспаса,
 Қытайға қалмақ неге қанат жайды?
 Абылай артық туған неге ұмытсын,
 Қазаққа қалмақ сыры аяндай-ды
 Қалмақтың қарты түгіл, қалшасы* да,
 Алдатпас, алдап кетер Абылайды!» -

Тоқтады Баян Абылай тағы өз сөзін
 Қайта айтты, біраз шытып кәрлі жүзін.
 Хан да екі, Баян да екі қайырысты,
 Алмастан бір-біріне тіккен көзін
 Жиналып көздеріне қызыл жалын
 Қалса да, сыр беріспей қылды төзім
 Қалың топ хан ашуын байқаған соң,
 Ағытты «әрине» деп сөздің бөзін
 Шешілді сөз қол енді күтіп қалды,
 Елшінің ертеңінде келер кезін.

Алты алаш Абылайдай арғымағын
 Алаштың аруағына пар қылатын
 Бетіне Абылайдай ардагердің
 Келуді алты алашқа ар қылатын

«Бетіне келген жанды соғар кие!» -
 Деп жырау, жауырыншылар жар қылатын Баянның
 сөзін естіп қариялар
 Ішінен ерін аяп «А, шырағым!» -
 Десті де күрсінісіп, кесіп қойды
 «Қайтад, - деп, - осы жолы Баян, бағың!»

Серпілді соныменен кеңес енді
 Қол күтіп жатып қалды келер күнді Жібекгей
 жылжып өтті жаздың түні
 Таң құлан, күн шығыста, иектенді
 Алтын Күн алыстағы арайынан
 Жарқырап шығып жерге сәлем берді
 Қол тұрды, ауқаттанды, хабар күтті, Ерлердің
 еркені аңға жүрді
 Қол күтті, уақыт өтті, ерікті ерлер,
 Ауыр ой биледі Абылай кемеңгерді.

Қол күтті, уақыт өтті Күн батар шақ,
 Жерде еді қой *көшіндей* қалың қалмақ
 Кең ойлы Абылайдай данышпанды,
 Қу қалмақ кеткені ме шын-ақ алдап?!
 Күн кірді арайына, шапақ батты
 Қап-қара толқындарға толды жан-жақ
 Қол тынған бір толқынсыз тұңғиықтай,
 Мүшкіл боп Абылайға бір сөз салмақ
 Іңірдің соңын ала хан Абылай
 Серпіліп ерлеріне қылды жарлық

Ерлерін жиып Абылай - ел ағасы
 Сұрайды «Мынау істің не шарасы?»
 Қырандар әрі-бері толқысқан соң,
 Қанайы Қарауылдың - топтың басы,
 Саңқылдап суырылып сөйлей берді
 «Қытайдың қол ұсыным шекарасы
 Қалмақты Қытай кірген зерттер болсақ
 Қазақтың бірі қалмай мерт боласы! »

Тұнжырай қалса-дағы хан Абылай «Қайту!» деп,
сөздің болды бітуанасы

Таң ата қол қозғалмақ кейін қарай,
Ұрылған көңілі қаяу хан Абылай
Қол жатқан, жым-жырт басқан, таң да таяу, Жалғыз-ақ
жатқан ояу Баян бала-ай
«Апырым-ай, алаш арын жоқтамастан
Жөңкіліп бұл қайтудың мәні қалай?» -
Деді де атып тұрып топ ішінен,
Ерлерден от екпінді, жолбарыстай
Жүз жасты жолдас қылып тарта берді,
Таң ата «Қайдасың, - деп, - қалың Қытай?»

Қол қалды Жүз жолбарыс майданды ойлап, Тартады
шабуылмен Іле бойлап
Алдында ақ сұңқардай батыр Баян,
Екпінi қауға тиген өртеі ойнап
Бедеулер болат тұяқ желден ұшқыр
Алысып, ауыздықты қарш-қарш шайнап
Сәскеде сағымменен көрді Баян
Көп қалмақ Іле бойын жатқан жайлап
Жүз бөрі аз дамылдап алысты да,
Ат қойды қалың жауға «Абылайлап»

Жүз қыран мың сан қолға араласты, Орғыған
асқар таудан судай тасты Шыдамай жүз екпінге,
шулай беріп, Қалмақты ә дегенде қара басты,
Аздан соң есін жиып беріккен ел
Қару ап, қара құрттай құжынасты
Аз болса, бір қазаққа жүз қалмақ кеп,
Ат қойып, қиқу салып, қамаласты
Тер саулап тебінгіден, қылыштан қан, Шаң, түтін
будақ-будақ аспанға асты

Аз қазақ көп қалмаққа салды тойды,
 Көк аспан қара түтін шаңға тойды
 Алдаспан ажалменен бәсеке боп,
 Қанішер, қайқы қара қанға тойды
 Жып-жылы адам қаны бүлкіл қағып,
 Қуалап жылжи берді ойдан-ойды
 Көк көбе шүберектей шүрк-шүрк болып, Жыртқызды
 ерлер дал-дұл тұла бойды
 Анадай дөң басында ұса, Серен
 Қуыршақ құдайына қасқа сойды

Шаңқай түс Қызыл-жалын бір жел ескен,
 Зәндем от,әуе айналып жерге түскен
 От түбі тоқтап қалған, жылжымайды,
 Аспанда жоқ бір жапырақ бұлт та көшкен
 Сол кезде қара бұлттай қалың қалмақ
 Қажытты жүз қыранды жаннан кешкен
 Қазақтың көбін аттан түсірген соң,
 Қалмақтың қуаныш пен қиқуы өскен
 Сол кезде қалың топтың ортасында
 Шықты шу «Мұнда Баян! Баян!» — дескен

Қалың қол ортасында батыр Баян,
 Баянның батырлығы алашқа аян
 Екі көз екі қызыл шоқ боп кеткен,
 Аузынан көбік болып бұрқырап қан
 Оң-солға алдаспанды сілтегенде,
 Бұлақтай қалмақ қанын бұрқыратқан
 Жаныңда жалғыз жолдас жас Жанатай
 Қансырап зорға ғана кірпік қаққан
 Түзеліп отыруға халі қалмай,
 Қисайып бара жатты құлап аттан

Жолдас дер ердің ері-ақ қан майданда,
 Жан беріп жолдасы үшін алдаспанға,
 Еңкейіп сүйемек боп батыр Баян
 Жолдасы Жанатайға айналғанда,

Бір қалмақ еңгезердей көк найзамен,
 Білмеген, сірә, тою қызыл қанға, -
 Қапыда қайран ердің сүбесне
 Бойлатып сұғып тұрып, бұлғағанда
 Ер Баян Жанатайды алдына алып
 «Қыларың, қатын қалмақ, тағы бар ма?» -

Деді де суырып ап жау найзасын,
 «Алаштың аруағы, - деп, - қайдасың?!» - Жыландай
 жарқ еткізіп алдаспанды
 Түсірді топ еткізіп қалмақ басын
 Бұлақтай аспанға атып қан шапшыған
 Жараға тығып тұрып бармақ басын,
 Қасқиып қан майданда тұрып қалды
 Қайран ер, қайсар Баян, жолбарысым!
 Алайда уақыт өтті, құлап түсті,
 Құшақтап Жанатайдай жан жолдасын

Жер мен көк шыр айналып араласты,
 Көз алдын қара түгін тұман басты
 Тәтті бір жазғы таңда қалғығандай
 Ер көзін оқтын-оқтын жұмып ашты
 Көргендей болды ашулы Абылайды,
 Қалың қол «Әне, Абылай!» - деп шуласты
 Тағы ашты жұмған көзін тағы көрді
 Алдында жас ұлан мен Толқыншашты,
 Екеуі құшақтасып жап-жақын тұр,
 Басымен ишара етіп амандасты
 Алдында Ноян менен Ақшамандай, Жұлдыздай
 жымындаған сөнбей-жанбай

Сұлудың сексен сырлы жұмбақ жаны-ай
 Ерніне әлде болса күлкі алғандай
 Жоқ, күлкі жоқ бетінде тамшы қан жоқ, «Ағалап»,
 жанұшырып жалбарғандай
 Жоқ өзі Жолдыөзекте жортады-мыс,
 Алыста екі қара көз шалғандай

Ұмтылды оқ жыландай садақ пен қан,
Кезерген ердің ерні қозғалғандай

«Көзімнен неге ақпайды қан боп жасым,
Жан беріп, жазғаным ғой, жан жарасын
Кетсе де жаннан жара, қан кетпек пе?
Дариға, жазамнан да күнәм басым!
Күнәмді Тәңірі кешпес, кешер бірақ
Жауында жан берген соң алты алашым!» - Қайраң ер
аласұрып, жанұшырып,
Көтеріп, көз жұмулы, алып басын,
Жан бауыры жас Ноянға ым қағып ед
Жас Ноян құша түсті Толқыншашын

Екі жас қайғысы мол құп-қу жүзді,
Екеуі құр қарап тұр алмай көзді
Көкесі жан бергенде, бөбек Ноян
Тұрғаны мәні қалай құшып қызды?
Дариға, беті қара сорлы Баян
Шығарған өз қолымен екі көзді
«Іс өтті. Ажал жетті. Енді не бар?
Қоштасып айтысалық соңғы сезді!
Келіндер, қарақтарым, кешіндер!» -деп,
Ер Баян әлсіз ғана қолын созды

Көз алды енді мәңгі тұман болды,
Жапырлап жан-жағына қалмақ толды
Баянды балағаттап, ісіп-кеуіп,
Бір қалмақ қалды теуіп созған қолды
Сылқ етіп, созылған қол жерге түсіп,
Жүзінің бірте-бірте нұры солды
Баянның басын бірі кесіп алып,
Бұлғады найзаға іліп, онды-солды
Қуанып қос қонтайшы - Ұса, Серен,
Алғысқа көмді елірген қалың қолды

Көңілінен Ұса, Серен кеткен қауіп,
Қуанып, сырнай-керней қылды сауық
Алайда, Абылайдан сескенген соң,
Жөнелді ертеңіне Қытайға ауып

Алаштың ардагері батыр Баян
Бір қырда қала берді топырақ қауып
Жаудан да мейірімді боп жылады жел, Күңіреніп,
ер денесін құммен жауып
Іленің толқындары әлі күнге
Айтады ерге жырау ауық-ауық

Ерлерді ұмытса да ел, сел ұмытпас,
Ерлерді ұмытса да ел, жел ұмытпас
Ел үшін жаннан кешіп, жауды қуған Ерлерді
ұмытсада ел, *шөл* ұмытпас
Ел жауын зерттеп, өрт боп, тынбай жортқан,
Ерлерді ұмытсада ел, бел ұмытпас
Ел үшін төккен ерлер қанын жұтқан
Ерлерді ұмытсада ел, жер ұмытпас
Арқаның селі, желі, шөлі, белі
Ерлерді ұмытпаса, елде ұмытпас!

НА КРУЧЕ ОКЖЕТПЕСА

В Сарарке не сравнится другая земля с Бурабаем,
 Никакая земля не баюкает мысль так, лаская
 Если озеро в ряби и горы Кокше ты не видел,
 Не оставит тебя сожаленье, в тоску погружая
 Окжетпес там обнял мощновздыбленной кручей тучу,
 К небу мысль не взметнет высоко так вершина другая
 Коль ничто в Сарарке не сравнится в красе с Бурабаем,
 То в Алаше достойных Кене среди мужей мы не знаем
 Где ты ныне Кене - от печали в Кокше изнывавший?
 В этом мире все призрачно, сердце печаль мне седлат

Днем и ночью Кокше дремлет, маревом зыбким подернут,
 От клубящихся туч на вершинах он кажется черным
 Весь в деревьях косматых стоиг перед ним Болектау,
 К великану Кокше распростерши объятья просторно
 Между ними, прозрачная, круглится озеро-чаша,
 Где под ветра порывами сыплются жемчугом волны
 Окжетпес над тем озером каменной башнею стройной,
 Словно кладка за кладкой, вздымается как рукотворный
 К крутизне окжетпесовой-к пику, подобному пику,
 Лишь Кене, дерзкий духом, свой шаг направлял
 непокорный

Удальцов у казахов извечно во множестве было,
 Кто из них Кенеке уподобился духом и силой?
 Нет, не мужи они, просто выродки с видом героев,
 Увлекавшие люд свой не в небо, а в затхлость могилы
 Хан Кене, оказавшись во власти мятущихся мыслей,
 Заметался по бору, как будто тоскуя о крыльях
 Есть пещера в горах, расположенных за Окжетпесом
 В той пещере, укромной, какое-то время пробыл он

Вдруг однажды стихия взбесившимся ветром взыграла, Ветра
 хохот безумный способен разрушить был скалы, Поцеловано
 дерзко губами холодными ветра
 Забурлило и озеро, пенясь игриво и шало
 Этой ночью герой мой, нахмурившись мрачно в пещере, Думал
 думу свою, нечувствительный к грохоту шквала Чтоб казахам в
 неволе дорогу найти в бездорожье, Рассекал себе сердце он
 думой не знающей жалость
 «О, народ мой алаш, я и хан твой и твой простолюдin, Ты прими
 меня в жертву », —в нем мысли, волнуясь,
вздымались

Погрузившись в раздумья, никак Кенеке не воспрянет,
 Взор орлиный его время смутное застит туманом
 Наконец, встrepенулся, вытолкнув в выдохе горьком Ядовитую
 выкипень мыслей, горчащих, как рана
 К Окжетпесу шагая уверенной поступью валкой,
 Словно тигр, оставляет следы он в сыпучнх барханах «Оказаться б
 сейчас мне на этой немислимой круче », - Закрывает глаза он,
 подавшись к предмету желанья
 В тот же миг, вновь открыв их, на круче себя он увидел,
 Наяву ли, во сне ли, а может, за гранью сознания

Вновь открывши глаза, он видит, застыв в изумленье,
 Непроглядную темень, в которой ни света, ни тени
 В небе молнии блещут, недобрую тьму раздробляя,
 Глухо сосны шумят, наполняя округу смятеньем
 А внизу, далеко, у подножья скалы Окжетпеса,
 Волны бьются о камни с грохотом, воем, шипеньем Пораженный
 всем этим, припомнив обычаи предков,
 Кенеке вспоманул аруаха в невольном смущенье
 Только стоило вспомнить ему аруаха, как тотчас
 Перед ним аксакал появился тревожным виденьем

Головою качнув, словно тихо прощаясь с покоем,
 Бровь дремучую старец в безмолвии поднял рукою

Его тело клубилось, как белое облако в небе,
 Словно тучи мятуш, жизнь прожил он за их пеленою
 Белизною слепят, словно пеной озерной отмыты,
 Его длинные волосы с длинной до пят бороною
 Только стоило старцу отверзнуть уста для привета,
 Как шум волн у подножья усилился, сдавленно воя
 Тогда старец в печали к Кене обратился так «Здравствуй,
 О Кене, сын народа, мой тигр, что бессмертья достоин!

Подойди же, сынок, что доблестью пращурам равен,
 Одинокий мятежник, стиснутый словно в облаве,
 Я святой Ата Пир, аруах твой, тебя берегущий
 От вражды и навета тех, кто низок честью и нравом
 Это я тебя поднял с земли, ожидая на круче
 Век навеком тебя, в ком надежда Алаша и слава!
 О, герой мой, рожденный душевной болью народа,
 Знаю, носишь ты рану, горчащую, словно отраву
 Ты отравлен навек безысходной печалью казахов,
 О, аллах, дни черны у твоих соплеменников, право!

У Алаша грядущее черным туманом покрыто,
 Этот царь, словно прорва, сосет, не уймет аппетита
 Мужей много, губивших народ свой совместно с врагами-
 Когда время растленно, от смертного чести не ждите
 Недоносок, позорящий память и славу Аблая, -
 Вон Вали, его мысли женой-потаскухой забиты
 Недалекие бии, вроде Шормана, в усердьи
 Продавали народ за какой-нибудь крохотный титул
 Кенежан, уведи свой народ из-под вражьей десницы,
 Пока можно еще, пока всюду пути нам открыты

Будь в решении тверд, не сворачивай, сын мой, с дороги,
 Как твой предок, молитвы буду к божьему слать я чертогу
 Тебе будет соратником в скорби твоей и печали
 Твой братишка Науан, пылом юности стоящий многих
 Мюгочислен твой враг, всего с горстку народ, близость
 краха

Пусть поддержат тебя аруахи и божья подмога
 Если цели своей не достигнув, погибнешь ты в битве,

Я в валун превращусь в тот же час на вот этом отроге
 Среди Алаша героя такого, как ты, буду ждать я,
 Каменья на круче в надежде немой и тревоге»

Слово это сказав, растворился тот старец в тумане,
 Вся поверхность скалы преисполнилась дивным сияньем
 Покачнувшись, плывя, за клубилися черные тучи,
 Звуки песни священной заполнили все мирозданье
 Гоня тучи, терзая озерную гладь шаловливо,
 Ветер, камни круша, хохотал, ввергнув мир в содроганье
 Поминая аллаха, шумели и сосны в смятенье,
 Умирали и волны в прибое борьбы и стенанья
 Хан Кене, потерявший дар речи от этого дива,
 На земле себя видит, когда снова приходит в сознание

Кенеке с того часа не видел в бездействии толку,
 Он был вечно в походах, тигренка Науана взяв только
 Чтоб казахов своих увести и устроить в свободе,
 Над царем измывался он хуже голодного волка
 При поддержке киргизов, в союзе с Большою Ордою,
 Он задумал связаться с Китаем, сомнения скомкав
 Но киргизы несчастные, мысли его не постигнув,
 Погубили героя, погрязнув в невежестве горьком
 Когда лев смерть обрел на вершинах седых Алатау,
 Древний старец на круче покрылся в миг каменной коркой

С тех событий немало уж времени кануло в Лету,
 Отравляя всю степь оскудения горестной метой
 От народа осгалось всего-то лишь кожа да кости,
 Сарарка - рай земной - никого уж теперь не приветит
 В необъятной степи, где так царственно рыскали тигры,
 Обитают теперь только гниды да сукины дети
 Лишь осколком былого на пике крутом Окжетпеса
 Старец ликом к Востоку лежит, провожая рассветы

Много времени ждет он без устали, тлена не зная, - Мужа
 вровень с Кене среди казахов надеется встретить
 Бурабаю подобной земли в Сарарке уж не будет,

Мужа вровень с Кене у казахов уж больше не будет
Лев - Кене мой погаб ведь, безвременно с жизнью
протившись

Неизбывней беды у казахов уж больше не будет
Изнемог мой народ, Сарарка истощилась так тяжко, Бедолага-
поэт скорбной песнью печаль не избудет
О, аллах, коль не проклял навек, то скажи, почему же
Не родится теперь муж, подобный Кене, не разбудит? –
Нет Кене И из юных наследника тоже не видно,
В сердце ядом-печаль отравляет, и давит, и губит

ОҚЖЕТПЕСТІҢ ҚИЯСЫНДА

Арқада Бурабайға жер жетпейді,
 Басқа жер ойды ондай тербетпейді
 Бурабайдың көлі мері Көкшетауды
 Көрмесен, көкіректен шер кетпейді
 Қиясымен бұлт қушқан Оқжетпестей
 Басқа тау ойды аспанға ерлетпейді
 Арқада Бурабайға жер жетпесе
 Алашта Кенекеме ер жетпейді
 Көкшеде күңіренген Кенем кайда¹?¹
 Дарига жүрегімді дерт өртейді

Көкшені күндіз түні мұнар басқан,
 Қап-кара бұлттармен құшақгасқан
 Алдыпша бұйра жалды бөлек тау тұр,
 Көкшеге қосылмаққа қойнын ашқан
 Мөп-мөлдір, дөп-дөңгелек көл ортада,
 Жел ойнап ақ бетіне меруерт шашқан
 Сол көлдің жағасында Оқжетпес бар,
 Жасаған мұнарадай құйып тастан
 Найзадай Оқжетпестің қиясына
 Жалғыз-ақ Кенекем ғой кадам басқан

Алашта талай-талай ерлер өткен,
 Ерлерде Кенекеме кім бар жеткен?
 Сүйремей елін өрге, көрге сүйреп,
 Ер емес, «ершіктер» ол елді еңіреткен
 Жалғыз-ақ Кенекем ғой қайрат қылған,
 Қазақты күтқарам деп қалың өрттен
 Бір кезде Кенекемді ойлар білеп,
 Бір өзі Бурабайды кезіп кеткен,
 Артыңда Оқжетпестің үңгір тау бар,
 Сол тауда бірнеше күн мекен еткен

Бір түні тым құтырып жел ойнайды,
 Жыңды жел қатты сақ-сақ күле ойнайды
 Бетінен жел кеп сүйіп алғаннан соң,

Көбіктеніл күлегеш кел ойнзйды
 Сол түні сонау үңгір тау ішінде
 Қабағын қарс жауып Кене ойлайды
 Қамалған қазағына жол таппаққа,
 Жүрегін тілім-тілім тіле ойлайды
 «Қазағым, ханың да мен, қараң да мен,
 Сен үшін жаным құрбан», -деп ойлайды

Кенекем күлаштаған ой тенізін
 Бұлдыртқан бұлдыр заман қыран көзін
 Бір кезде серпіледі шығарған соң
 Ойлардың «уһ» деген у лебізін
 Келеді маң-маң басып Оқжетпеске
 Құмдарға жолбарыстай тастап ізін
 Көзін жұмып, қияға шықсам-ау деп
 Ойлайды жоғарыға жөндеп жүзін
 Сол минут Оқжетпестің қиясында,
 Жіберсе көзін ашын, көреді өзін

Кенекем көзін ашып, таң боп қатты,
 Қараңғы, көз көрмейді ешбір затты
 Нажағай маңайында жарқ-жүрк етіп,
 Қарағай, сыпсың біткен шулап жатты
 Төменде, Оқжетпестің етепінде
 Толқығадар тасты сабап, тулап жатты
 Кішкене сескенгендей болғаннан соң,
 Кенекем аузына алды аруақты
 «Аруақ» деп алғанша аузын жиып
 Көреді қарсы аддында әппак қартты

Қарт сонда қозғағандай болды басын,
 Қолыменен көтерді түкті қасын
 Ойнаған ақ бұлттай денесі әппак
 Жасаған бұлт шінде барлық жасын
 Күңіренген көлдердің көбігімен
 Жуғандай әппак қылып сақал-шашын
 Ізгі қарт «а» деп аузын қозғағанда
 Төменде судың шуы болды басым
 Қарт сонда күңіреніп «Аманбысың,

Кенежан, елдің ері жолбарысым'
 Кенежан берірек кел, сырған балам,
 Ел үшін елсіз жерде жортқан балам
 Сақтайтын қолдан, тілден сендей ерді
 Ата пір қасиетті мен қарт бабаң
 Өз қолыммен төменнен тартып алдым,
 Қияда күтіп сені сансыз заман
 Ел үшін еңіреп туған жолбарысым,
 Білемін, жүгегіше бар бір жараң
 Сені улаған қазақтың қайғысы ғой,
 Дариға, қазағыңның күні қараң

Алаштың алдын кара тұман жапқан,
 Мынау орыс обыр ол еміп жатқан
 Заман азған шағында адам азбақ,
 Көп ерлер жаумен бірге елін шапқан
 Кешегі Абылайдан азып туған
 Уәли анау қар қатынмен басы қатқан
 Шормандай шолтандаған шолақ билер
 Орыстың шекпеніне елін сатқан
 Кенежан елің қалды жау қолында,
 Алып кет алашынды осы жақтан

Тайсалма, тәуекел қып, батыр балам,
 Арсыға дұға асырар мен қарт бабаң
 Еңіреген ерге серік жолдас болар,
 Балауса жас жолбарыс інің Науан
 Жау қалың азғантай ел, азғантай шақ,
 Болғай ед аруақ жар, Құдай панаң
 Мерт болсаң мақсатыңа жетпей егер,
 Сол сағат мен осы жерде тасқа айналам
 Алашта тағы сендей ер тууын
 Төбеде тас боп шөгіп күтіп қалам»

Осы сездерді айтып кзрт ғайып болды,
 Таудың үсті тамаша нұрға толды
 Тербеліп, күңіреніп қара бұлттар,
 Жер мен көк қасиетті жырға толды
 Бұлтты айдап, сылдыратып сумен ойнап,

Ерке жел тасты құшып, сақ-сақ күлді
 Аллалап ну карағай шулай-шулай,
 Төмепде тулай-тулай толқын -өлді
 Тамашадан тас болып біраз тұрып,
 Кезін ашып, Кене езш жерде көрді

Сол кеткеннен Кенекем кете барды,
 Жанына жас жолбарыс Науанды алды
 Алашты алып шығып ел қылмаққа,
 Орысқа аш бөрідей ойран садцы
 Үйсін, Дулат, қырғызбен қол ұстасып
 Қытаймен катынаспаққа ой ойланды
 Біле алмай надандықпен ердің ойын,
 Сорлы қырғыз мерт қылды арыстанды
 Арыстан Алатауда мерт болғанда,
 Оқжетпесте тұрған қарт тасқа айналды

Содан бері біргалай заман өтті,
 Алашты улай-улай жаман өтті
 Тұлпар - тулақ ер арып аруақ боп,
 Сарыарқа сайран жердің сәні кетті
 Жолбарыстар жортатын сар далада
 Қорсыпдаған доңыздар мекен етті
 Жалғыз-ақ Оқжетпестің қиясында
 Шөккен қарт күншығысқа түзеп бетті
 Кеп заман талмай-тозбай тау басында
 Аташтан Кенекемдей бір ер күтп

Арқада Бурабайдай жер болмайды,
 Алашта Кенекемдей ер болмайды
 Кене Арыстан мезгілсіз мерт болды ғой,
 Апашка бұдан да зор шер болмайды
 Ел азды, Арқа тозды, қайғы басты,
 Күшреніп біздей бейбақ жыр толғайды
 Күдай-ау, мәңгілікке қаргамасаң,
 Кенедей енді неге ер тумайды"?!
 Кене жоқ, ізін басар іні де жоқ,
 Дариға, жүрегімді дерт улайды

СХОД ДЕВЯНОСТА

Кумдыколь наш червями покрыт в копошении,
То не черви, а массы в едином движении

 Это массы народа на взгорке
Нет там сплетен теперь, подловатых наитий,
Там без шепота речь, разговор там открытый
 На совете всевесело только

От аула вдали, в тишине, на свободе,
Здесь по новому сход наш отныне проходит
 Здесь отринули прошлое к черту!
Здесь невспенят кумыс, не зарежут ягненка,
Нет здесь толстых теперь, не насилюют тонких
 Здесь работа одна лишь в почете

Здесь об этом и том рассуждая толково,
По порядку рекут людям нужное слово
 Каждый примет в совете участие
Здесь раздоров былых, что доходят до драки,
Не увидишь теперь, все здесь стало инако
 Здесь совет не совет без согласия

Большинство вот таким представляется ныне,
Разрешают проблемы, в словах нет унынья
 Но оставим мы сход наш на время
Попытаемся вызнать, кто есть на совете,
Интересно мне также узнать, кого нету?
Надо знать сход проводится с кеми?

Разберемся сначала, кого нету на сходе,
Кто лица не покажет теперь при народе
 Я всех в список внесу непременно
Обобщая, скажу нет сегодня злодеев,
Лежебок-кровопийц, что всегда богатеют,
 Обирая народ наш смиренный

Нет сегодня здесь тех, кто, князьком называясь,
 Брал телегами взятки, жирея на зависть
 Нет чиновников, раньше бессменных,

Белолицым князькам угождающих вечно
 Их злых церберов, псов глубоко бессердечных,
 Волостных нет сегодня толстенных,
 Толстопузых, как будто кобыла на сносях,
 Когда взятки не видно, и вовсе несносных
 Нет в совете и биев старинных
 Они изгнаны все иль отправлены в ссылку,
 У псов этих ныне нет даже кобылки,
 Этим биев нет здесь и в помине

Для чинуш собираючи дань иль добычу,
 В чьи-то юрты с утра он нагайкою тычет
 Нет щенков-аулнаев прыгучих
 Как голодная сука, стоя на подхвате,
 В миг какой-то способных нажраться когда-то,
 Нет пройдох, коих рыскали тучи

Толпы слуг нанимая, чтоб жить их услугой,
 Обирая их скопом, без всякой натуги
 Нет бездельников ныне вонючих
 С на макушке торчащей чалмою-наперстком,
 С здоровенным затылком, обритым и скользким,
 Нет ишанов, что подлости учат

За отсутствием слез, глаз слюною он мазал,
 Отравляя народ медом сладким из сказок,
 Здесь муллы бычьеголазого нету
 Толстошекого, словно с мешками за шеей,
 Разжиревший барсук его вряд ли жирнее,
 Сына байского нет на совете

Словом, если сказать не длинней, а короче,
 Здесь нет темных сил, промышляющих ночью, -
 Обирал, подлецов, вурдалаков

Нет и псов без труда добывающих пищу,
Нет и вшей, что жируют в лохмотьях у нищих,
Вобщем, нет проходимцев тут всяких

Мы узнали о тех, кого нет на совете,
К тем теперь перейдем, кто на сходе заметен,
К тем товарищам, кто есть тут на сходе
Всех назвать не получится, видно, и, значит,
Мы поступим сегодня немного иначе,
Мы немноих отметим в народе

Кто же есть на совете таком многолюдном?
Я скажу, заучи, их запомнить не трудно
Здесь лишь люд трудовой без предела
Это те, кого гробят, напав откровенно,
Кого заживо грабят и ночью, и денно,
Это те, кого поедом ели

Это те, для кого не восходит и солнце,
Кто с рождения не знает конфет или торта,
Словом, только сплошные изгой
Это те, коим ведом вкус горькой отравы,
Кто пришел весь в отрешках, с детишек оравой,
Бедняки тут голодной толпою

Это те, кто питаются лишь отрубями,
Кто с людьми никогда и ни в чем не был равен,
Нищоброды одни, доходяги
Это те, кто людьми никогда и не звались,
Бедолагами только всегда назывались,
Всяк убогие, люмпен-бродяги

Босоногие вечно, с замызанной пяткой,
Вечно плача, рыдая, в мечтах о достатке,
Батраки тут - большие трудяги
Не коня, а вола скакуном почитая,
За труды получавшие ругань от бая,
Пастухи туг, что в вечном напряге

Утолявшие жажду простою водою,
Задарма надрываясь, работая втрое,
 Примаки тут- дешевле копейки
В неоглядной степи жар и холод встречая,
Жизнь прожившие с вечной мечтою о чае,
 Чабаны тут в мерзлой шубейке

Никогда не входившие в племя людское,
Они видели только пинки и побои,
Здесь и женщины «в ценность ~ с кобылу»
Есть присловье такое, пусть дальше болтают
Наших женщин они теперь не пугают
 С каждым годом казашечки - в силе

Вот советской эпохи для нас обретенье
Здесь мужчин две забавы, два наслажденья,
 Байбише и токал тут, заметьте
Я, услышав их речь, удивлен был намердни
Распекая мужей, как злодеев последних,
 Выступали токалки на съезде

Говорящие что-то совсем не избиго,
Крепко сбитые, словно свинцовая бита,
 Пухлощекские дети тут с нами
С них довольно того, что от пищи осталось,
Многим кажется им даже самая малость,
 Здесь молодки стреляют глазами

Сквозь лохмотья сверкая загаром дубовым,
И с глазами, смотрящими очень сурово,
 Ее жизнь - выживания битва
Поглощая еду из собачьей посуды,
Позабыла она, что бывает и чудо,
 Здесь доярка, бедняга, сидит вон

Из речей этих длинных один только вывод
 Здесь совет Девяноста- согласных, счастливых,
 Здесь из ста девяно сто-в наличии
 Здесь из ста девяносто, где десять? Их нет тут
 Покорились они Девяноста, приметьте
 В этом схода от прочих отличие

С самой ранней поры, как перо я взял в руки,
 Никогда не писал от тоски или скуки,
 Никогда не скрывал мыслей даже
 Если в горе я был, то с народом лишь вместе,
 Заблудился я если, то с думой о чести,
 Никогда с десятью не был связан

С десятью не был связан и не буду, поверьте,
 В смутной мысли эпоху, между жизнью и смертью,
 Воспевал я народ свой в заботах
 Я всех сто воспевал, не скрываю тош я,
 А сегодня пою Девяносто - героев
 Наших дней, не чужого кого-то

После долгих раздумий, надумавшись вдосталь,
 Говорю «Признаю, это-сход Девяноста!»
 Вот, что понял я всею душою
 Пусть десятка уходит в ничто или минус,
 С той десяткой и я уж навеки разминусь,
 Девяносто, я вместе с тобою!

ТОҚСАННЫҢ ТОБЫ

Құмдықөл басы қара құрт,
Қара құрт емес, қалың жұрт
Қалың жұрт құба дөңесте
Арам, кірлі күбір жоқ
Самбыр сөз бар, сыбыр жоқ,
Жұрт ақ жарқын кеңесте
Аулдан аулақ, оңаша
Жиын түрі жанаша,
Ескі адыра алыста
Сапырылған қымыз жоқ
Сойылған бағлан, семіз жоқ
Жұрт ынтасы жұмыста
Түрлі сөзді қояға алыш,
Талқылайды, толғанып,
Кезекпен сөйлеп кеңесте
Бажыл болса баяғы
Керіспен тынар аяғы,
Кеңесті кеңес демес те
Осылайша көп түрі,
Сөз күрделі, саз ірі
Кеңесіп жата тұрсын топ
Мен айтарлық сөз мұнда
Осы кеңес тобында
Кімдер бар да, кімдер жоқ?
Кімдер жоқтан бастайын
Қысқа қайырып саспайын
Танаудан тізіп санайын,
Жалпы айт қанда жоқ жауыз –
Жатып сорар жалмауыз
Еңбекші момын маңайын
Балдырлайтын ардалап,
Пара алатын арбалап –
Атымен обыр ұпық жоқ
Сары обырдың серігі
Жеті басты жебірі -

Қарғылы құтпан болыс жоқ
Буаз бие қарынды,
Пара алмаса, арынды
Баяғының биі жоқ
Топтан төбет айдалып,
Тілі-қолы байланып,
Бидің енді күйі жоқ
Ұлыққа тамақ табатын
Арсаландап шабатын,
Ауылнай атты күшік жоқ
Аш каншықтай кезеген,
Жалғайғын жұлып өзегін –
Сұм сұрқия, пысық жоқ
Үйірлеп малай жалдайтын,
Жалдамайтын, жалмайтын –
Еңбексіз обыр сасық жоқ
Көлемі күйек сәлделі
Көк мұздай жылтыр келделі,
Ишан атты пасық жоқ
Түкірік жағып көзіне,
Жұртты улайтын сөзімен
Өгіз көзді молда жоқ
Екі беті торсықтай,
Борсандаған борсықтай,
Бай баласы - бұл да жоқ
Созылған сөздің қысқасы,
Қысқа сөздің нұсқасы
Обыр, жебір, сұмдар жоқ
Еңбексіз жейтін ит те жоқ,
Бейнетсіз жейтін бит те жоқ;
Жалпы айт қанда, жындар жоқ
Жоқтарды осылай көгендеп,
Танаудан тізіп түгендеп,
Кімдер барға келейін
Санасам бәрін сөз ұзар,
Ұзын сөзге орын тар,
Біразын атап берейін

Бұл жиында кімдер бар?
Ал айтайын, жаттап ал
Жалпы еңбекші, жарлы бар
Тап талтүсте таланып,
Тірі күйі тоналып,
Соғым болған сорлы бар
Туғалы таңы атпаған,
Тұрмыста тұщы татпаған,
Өмірде өншең өгей бар
Өмірде ішкен у сыйын,
Кер шолакты, кең киім,
Кеуреген көп кедей бар
Жасықтан өзге жемеген,
Тең еңбегім демеген,
Аш-жалаңаш, арық бар
Аталмаған адам деп,
Аталған жәутік-жаман деп,
Кем-кетік, қасер-ғаріп бар
Құс табанын тас тілген,
Екі бетін жас тілген,
Бейнет баққан жалшы бар
Өгізден өзге мінбеген,
Мінсе, мырза міндеген,
Қабағы қатқан малшы бар
Сусынын сумен қандырған,
Білегін тегін талдырған,
Құлдай болған қонсы бар
Шай-шайлап еңіреп зыр қаққан
Сар далада зар қаққан,
Қатқан тонды қойшы бар
Өмірде топқа кірмеген,
Тепкіден өзге көрмеген,
«Бағасы — байтал» әйел бар
Дейтіндер десін, «Ой, Алла!»
Әйел енді оянды,
Болмаса былтыр, биыл бар
Кеңестің бұл бергені

Ердің екі ермегі –
 Бәйбіше мен тоқал бар
 Ер апшысы қуырылып,
 Биыл топқа суырылып,
 Сөз сөйледі тоқалдар
 «Үш-ш-ш-шүкір» дейтін асықпай,
 Қорғасын күйғап асықтай,
 Бүйрек бетті бала бар
 Жұғыннан өзге жемейтін,
 Арыдым, аштым демейтін,
 Желекті келін және бар
 Көйлексіз етке күн тиген,
 Бейнеттен көзі кіртиген,
 Шеккені шер мен ыза, зар,
 Итаяқтан ас ішкен,
 Ас ішпеген, жас шікен,
 Сауыншы сорлы қатын бар
 Ұзын сездің түйіні –
 Бұл тоқсанның жиыны
 Жүзден тоқсан түгел бар
 Жүзден тоқсан - еңбекші,
 Он тоқсанға көнбекші,
 Көнбесе жаныштар жігер бар

Ес біліп ойлап, толғанып,
 Қолыма қалам алғалы
 Сөйлеген емен жасыра
 Мен мұндымен мұндастым,
 Адассам, ел деп адастым
 Он деген емен, асылы
 Он демедім, демеспін,
 Ой кезінде көмескі
 Жырладым елді жалпылап,
 Жасырмай, жүзді жоқтадым
 Тоқсанға енді тоқтадым,
 Толғанып, ойлап талқылап
 Сөздің тоқтар түйіні

Бұл - тоқсанның жиыны,
Осы армансыз білгенім
Тоқсаннан сонау он аулақ,
Сонау оныан мен аулақ,
Мен тоқсанмен біргемін

П Р О З А

ПРЕГРЕШЕНИЕ ШОЛПАН

В год, когда Шолпан вышла замуж за Сарсенбая, встречаясь на отшибе с молодками, она тоже, как и все, говорила, что нет в жизни отрады без ребенка. Однако, это были только слова. Хотя Шолпан и повезло в том, что ей среди тысяч молоденьких казашек, продаваемых за калым, удалось в кои-то веки выйти замуж по любви, она в первые годы и вправду не хотела ребенка. Была ли она одна в просторной белой юрте, или предавалась любовным утехам в объятиях мужа, она внутренне молила лишь об одном «Создатель, не дай мне ребенка!» Как это ни кощунственно, Шолпан думала, что с ребенком не будет в доме никакой отрады. Ей казалось, что, если родится ребенок, он будет, как колючка, между мужем и ею. Шолпан остерегалась, что, когда между столь удачно сошедшейся молодой парой появится чуждое третье существо, это может погасить, остудить их столь пламенную, столь страстную любовь. С этими мыслями она дни и ночи напролет молила бога только об одном: чтобы он не давал ей ребенка. Когда, алея, подобно шелковому занавесу, с востока вставал рассвет, в тот час, когда другие люди, колотясь лбами о молитвенные коврики, валились на утреннюю молитву, прося у господина счастливого житья-бытья, неугасимого счастья, неисчислимых богатств и, конечно же, детей, Шолпан, горестно вздыхая, молила об обратном — чтобы он не давал ей ребенка. И просила она это не оттого, что по природе не любила детей, ее заботило то, чтобы между мужем и ею не прервалась благая нить любви, чтобы никто не покушался на их святое чувство, которое связало их узами крепче религиозных.

Возможно, безумные мольбы молодого пылкого сердца⁵ были услышаны, но Шолпан, хоть и была замужем уже три года, так и не забеременела. И этому обстоятельству она была очень рада. За эти три года и муж ее, похоже, не тосковал о ребенке, в течение этих трех лет он не желал никого, кроме Шолпан, кроме

ее опаляющих, нежных, как купание в шелку, объятий. Казалось, его жизнь начиналась и заканчивалась с Шолпан, что она была его утренней и вечерней молитвой

В этом мире не так глубоко море, как человеческая душа Конечно, никто не мог проникнуть в глубину помыслов Сарсенбая, но, как бы то ни было, Шолпан так казалось И за эти три года она не услышала ни одного слова, не увидела ни одного поступка, которые заставили бы ее усомниться в этой своей мысли О том, что жизнь без детей — напрасно прожитая жизнь, она слышала от многих других людей, но не от своего горячо любимого мужа Это еще более укрепляло молодую женщину в ее правоте Ведь для влюбленных священны не суры Корана, а слово возлюбленного

Как бы наперегонки пролетали месяцы, стройной вереницей проходили годы, но Шолпан все больше утверждалась в мысли, что ребенка ей не нужно Однако уж так устроен этот мир, что перемены и в природе, и в человеческой жизни, и в человеческом сознании готовятся исподволь, но наступают внезапно Проходят месяц, два, три, и наступает осень Но наступление осени человек осознает не в эти три месяца А именно в какой-то момент, в одну ночь чувствует, что пришла зябкая, плаксивая осень с морщинистым, дряблым лицом Так случилось и с Шолпан — ее неколебимое решение изменилось в одну ночь

Эта была долгая зимняя ночь, нескончаемая, как кружение веретена Вечером, закончив возиться со скотиной, муж Шолпан зашел соседски в дом своего сверстника Нуржана Этот его друг был женат пять лет и за это время нажил троих детей двух мальчиков и одну девочку Сарсенбай надолго задержался в доме Нуржана и задержался он там не из-за разговоров с Нуржаном, а из-за его детей Там и в самом деле было не до разговоров, все смотрели на проказы малышни и весело смеялись Вот сыновья Нуржана, забавно что-то лопоча, пытаются спеть Вот, засучив рукава, поплевав в маленькие ладошки, схватив друг дружку за пояс, задорно вступают в борьбу Вот кто-то из них ставит подножку, второй падает, а первый мальчик, тоже споткнувшись, падает на второго

Взрослые весело смеются, зовут к себе мальчиков, по очереди , их целуют Отец Нуржана, подозвав внука, целует его и спереди, и сзади, ведь ребенок безгрешен с любой стороны А младшая дочь Нуржана и вовсе казалась ангелом, такая милая в своей детской чистоте и непосредственности

Захваченный этой шумной, веселой детской возней, Сарсенбай надолго задержался у Нуржана Вместе со всеми он тоже смеялся, подзывал к себе детишек, говорил им что-то приятное, гладил по головкам Когда, наконец, он вышел на улицу, в ауле все уже спали Зайдя к себе домой, он увидел, что и Шолпан легла спать, но, кажется, еще не заснула Сарсенбай пристроился в постели рядом с женой и, смеясь, стал рассказывать ей, какие милые дети у Нуржана Причем у него и в мыслях не было, что сам-то он бездетный Его не волновало это обстоятельство, напротив, рассказывая о своем пребывании в доме Нуржана, он все время смеялся И вот тогда-то у него как- то само собой вырвалась фраза, что дом с детьми — ярмарка, а дом без детей — могила И вдруг Шолпан обожгло, как молнией Она поняла, что все эти три года страшно ошибалась, когда не хотела иметь детей, что это желание было просто безумием Ведь без детей жизнь, действительно, как одинокая, заброшенная в степи могила В один миг пред прозревшими очами Шолпан предстало, что даже пламенная любовь между супругами с течением времени гаснет, что и супружеские объятия не могут пожизненно хранить первоначальное пламя страсти и что именно в момент, когда жар двух любящих сердец остынет, и нужны дети, способные породить новое очарование в отношениях между мужем и женой Сарсенбай, посмеиваясь, долго рассказывал о забавных и таких сладких детских проделках Когда он от всей души хохотал над этим, вместе с ним похохатывала и Шолпан Но в душе ей было не до смеха После той поговорки, вскользь брошенной Сарсенбаем, душу Шолпан, стремительную, как сокол в полете, и ее легко воспламеняющуюся сердце, подобно порывам бесноватого ветра, объяли черные, как змеиная орда, недобрые, тягостные мысли Она вспоминала о своем

безумном желании, длившемся целых три года Ей виделась
брезжущая где-то вдаль

неизбежная старость Безрадостная осень жизни, когда глаза, зацветая под бременем лет, становятся цвета золы, дряхлая старость, подрезающая крылья сердцу, гасящая в сердце огонь Если не будет детей, кто тогда пролетит в сердце свет, кто его согреет? Если не будет детей, кто восполнит ущербность пустой, обескровленной жизни, подобной пересохшему стебельку травы со сгнившими внутри семенами Ладно, оставим старость, которая пока еще где-то там, далеко, еще неясно, доживем или нет до нее, но уже сегодня, без всякой старости, не кажется ли тебе твоя жизнь, обреченной на запустение"? Когда-то ты поклонялась любви с усердием новообращенного в веру, считала ее самой могущественной силой в мире И что же - ее хватило всего на три года, и теперь она угасает сама по себе, без всякого давления со стороны! Глупышка Шолпан три года молила о том, чтобы у нее не было детей! А теперь именно из-за этого ее сказочная, прекрасная жизнь готова превратиться в заброшенную могилу! Вот какие мысли обуревали Шолпан, как бы погружая ее в пучину, из которой не выплыть

Сарсенбай давно уже спал Однако Шолпан, растревоженная открывшейся ей бездной, не могла сомкнуть глаз Долгая зимняя ночь тянулась, как волос шайтана Мысли Шолпан все углублялись, все мрачнели, до полной беспросветности Когда с востока едва показались первые лучи рассвета, Шолпан, бессильная унять душившие ее рыдания, молила бога лишь об одном «Создатель, дай мне ребенка!»

II

С этой ночи Шолпан думала только о ребенке Эта мысль преследовала ее и днем, и ночью Она носила ее и в сердце своем и шептала ночами в подушку, заливаясь горячими слезами Однако наперегонки пролетали дни и месяцы, но ничего не менялось, Шолпан в желании своем дошла до изнеможения Сердце ее устало биться, душа ее устала желать, жизнь стала невыносимой Ночами она плакала уже не слезами, а всем сердцем своим Она стала усердной в вере, соблюдала

себя в чистоте, совершала омовение, не пропускала ни одной молитвы С первыми лучами солнца она свершала утренний намаз,

перебирая четки, читала «Субханалла»⁶ Однако ребенка не было Шолпан никому не сказала, что встала на путь веры из-за того, что хочет ребенка Не сказала даже Сарсенбаю, которого любила больше жизни Поэтому Сарсенбаю и всем другим поведение Шолпан казалось очень странным, чудным Над ней стали смеяться все кому не лень «Ты что, в святые метишь⁹» - посмеивался над ней и Сарсенбай Ее теперь, кроме как «Святоша», никто не называл Она сама в себе превратилась в саднящую, незаживающую рану, сторала одна от горя, содрогалась одна от рыданий, отказалась от всего мирского, стала и в самом деле чуть ли не святой И все это только для того, чтобы занять ребенка, но бог отказывался его давать

Чего только ни делала Шолпан, чтобы понести ребенка' У каждого встречного муллы покупала заклинания Пила освященную ходжами⁷ воду Гонялась за каждым обладателем чалмы в надежде на его магическую силу Когда толстый краснорожий ходжа с силой пятилетнего быка дул на воду, совершая обряд изгнания злых духов, Шолпан, чтобы «священное» дыхание ходжи вошло ей прямо в живот, а не разбрызгивалось по сторонам, с колотящимся сердцем, то краснея, заливаясь краской смущения, держала свое лицо прямо у рта «богвдохновенного» Находя десятки причин, она даже добилась того, что ее всю осмотрел знахарь-баксы Да, чего только ни делала Шолпан во имя своей цели' Подобно бедолаге, беснующемуся при пожаре, она испробовала все Однако установленной чередой проходили годы, но ребенка не было и в помине Но Шолпан, хоть и выплакала все слезы, хоть и не желала иметь ничего общего с этим миром, продолжала стоять на своем Она стала подвижником веры, посвящала могущественным святым множество лошадей и овец и просила лишь об одном «Создатель, дай мне ребенка'»

Однако эта ее мольба так и осталась мольбой Слезы ушли в песок, желание обратилось в тоску, жизнь шла своим чередом Шолпан не забеременела Несмотря на все ее мольбы и стенания, господь не дал ей ребенка Кто знает, может, Господь был по-своему прав в этом своем

решении Возможно, он внял первоначальной мольбе Шолпан, когда она просила не давать ей

ребенка Возможно, он начертал это свое решение на доске, не знающей износа и правки И, по всей видимости, желание Шолпан — давно уже отвергнутое, безнадежное желание Весьма может быть, что есть что-то общее между Господом и , крупным торговцем с его непреклонной вывеской «Торг неуместен» И в самом деле, трудно отличить Господа нашего от бессовестного, зарвавшегося купчншки¹ Похож он также на гордого, безудержного в гневе правителя Если он не был бы таким, разве прогнал бы Адама голым из рая только за то, что он нарушил его волю¹ И в то же время он ангела Азазила превратил в дьявола за то, что он не поклонился Адаму¹ Возможно, именно из-за этой своей склонности к насилию он и не дает ребенка Шолпан¹ В конце концов, Шолпан устала от всех этих заклинаний, заклятий, изгнания злых духов, святых оплевываний и похлопываний по спине, молитв, воздержаний, милостынь и благословений Она поняла, что из всех этих обрядов ничего не выйдет

На Господа уповать бесполезно, он не принял ее молитв, а жизнь пролетает с каждым мгновением Жизнь—не знающее устали и остановки бездушное, безжалостное колесо Пусть кто-то плачет кровавыми слезами, кто-то потерял последнюю надежду, пусть кто-то потерял под колесами руки, ногу, голову, все тело, да что там тело, душу и сердце, оно, знай себе, катится, никогда не оглянется, не пожалеет Вот и у Шолпан сейчас сердце обливается кровью, душа словно птица с подбитыми крыльями, но кто на нее оглянется, кто ее пожалеет¹? С каждым мгновением этой жизни в Шолпан умирала искра мысли или желания

Жизнь проносится - желания уносятся — ребенка все нет Что же теперь делать⁹ Нет, пропади они пропадом все эти заклинания, муллы и ходжи¹ К черту молитвы и посты¹ Не нуждается она также в самом Господе, если он так горд и непреклонен¹ Нет, наверно, ключи от зачатия ребенка не в небе, а в самом человеке Скорее всего, это зависит от самих мужчины и женщины Кто знает, может, Шолпан не забеременела до сих пор только оттого, что не сумела стать настоящей женщиной⁹ Оттого, что она, как и все казахские женщины,

лежала в постели недвижно, как будто отбывала повинность" Оттого, что при соитии с мужем не отдавалась ему всем телом и душой, оттого, что в ее объятиях и поцелуях не было должного огня?..

Под влиянием этих одновременно и сладостных, и горестных мыслей теперь она стала по-другому любить своего Сарсенбая. Ее тело охватывал пожар, объятия — обжигали, рот источал пламя. Она отдавалась своему мужу трепетно, как заарканенный детеныш марала, дрожа и волнуясь, как тринадцатилетняя девочка, впервые познавшая мужчину. Она так крепко обнимала своего мужа, что, казалось, у него слипнутся ребра. Ее поцелуи обдавали жаром лицо Сарсенбая, который лежал под ее страстным напором, как рыба, выброшенная на берег. Не зная, как все это воспринимать, он только посмеивался: «Ты что, моя бедная кобылка, на старости лет решила стать иноходцем?!». Эта ирония Сарсенбая была для Шолпан как соль на раны. На ее глаза наворачивались слезы. Ее очень обижало и раздражало то, что самый близкий ей человек не может заглянуть ей в душу. А как же ей было не обижаться, если он в то время, когда она ради ребенка встала на путь веры, обозвал ее Святошей, а теперь вот опять, насмешничая, придумал кличку «Иноходец».

А ведь ребенок... также, должно быть, нужен ему, как и Шолпан? Ведь он нужен и ей, и ему в одинаковой степени? Почему же Сарсенбай не помогает на этом пути, общем для них обоих? Почему он не становится на этот путь, почему он не страдает вместе с Шолпан? Обычно, мужчины только и мечтают о сыновьях, а почему Сарсенбай никогда не заикнется о ребенке? Или... или... не может быть... а впрочем, кто знает... но... почему он даже разговора об этом не поднимает? Постой... постой... неужели он бесплоден? Господи, господи... но если он и в самом деле неспособен..., Все это не от недостатка в ней пламени веры или любовного жара... это все оттого, что Сарсенбай - некудышный мужчина! Значит, сердечной ране Шолпан, с которой она ходит вот уже пять лет, веки не будет исцеления? Значит, напрасны были все эти слезы на молитвенном коврике, все эти пламенные объятия, огненные поцелуи? Значит, их как

будто и не было? Значит, она извела себя ради пустой фантазии, игры воображения? Значит, вековать ей

теперь в одиночестве, как ободранной на ветру березке? Ведь когда-то их соединила пламенная любовь, так неужто теперь они расстанутся, как два дерева с разведенными в разные стороны ветвями? Значит, и их пылающая любовь, постепенно угасая, сойдет на нет с дымом и гарью?.. Но какая будет отрада в жизни, если погаснет любовь?!

Да, в бесплодии Сарсенбая сомневаться не приходится. Поэтому и нет ребенка. А без ребенка какое счастье? Поэтому я и несчастна... Но как может быть счастлив Сарсенбай, когда я так несчастна? Почему это его не касается? Как это может его не касаться, если причина этой беды кроется именно в нем? Или ему не нужен ребенок, хотя бы как утешение в старости? Нет- нет, конечно же, если несчастна я, то и Сарсенбаю не будет счастья.

В таком случае, кто же вытащит их потрепанный семейный баркас на берег счастья?

Конечно же, Шолпан, только Шолпан. Шолпан обязана это сделать не только для себя, но и ради мужа. Шолпан должна родить ребенка.

Даже если она совершит грех глубже морской пучины и выше высоких гор, она должна сделать это! Господь должен простить прегрешение, совершенное ради благородной цели. Да, бог милостив, он простит? Бог-то простит, но простят ли люди? Не зря же казахи говорят: «Хоть укради, но наживи богатство, хоть согреши, но роди ребенка»... «Пусть будет проклят тот, кто придумал эту пословицу! Проклятье ему! Господи, прости меня, только у тебя прошу прощения...». Шолпан, обливаясь горячими слезами, предавалась этим грешным мыслям на восьмом году своей супружеской жизни с Сарсенбаем.

III

Был месяц май. Аул расположился неподалеку от зимовки. Дул полуденный ветерок. По синему небу, как будто в сладостной дреме, едва двигаясь, проплывали белые облака. В воздухе как бы зависла истомная шелковая пелерина. Привязанные к горизонтальной длинной веревке на кольшках,

то и дело пытаясь вырваться па волю, поднимали головы непокорные жеребята. Рядом с ними, время от времени похлопывая хвостами себе по спине и округлому заду, стояли матерые кобылицы. Те же из них, которые успели ожеребиться, жались к своим жеребятам, как бы пытаясь унять их беспокойную прыть. Старый жеребец, явно не одобряя их поведение, подрагивая, стриг ушами. Овцы еще не пришли с пастбища. Запертые в сарайчике ягнята жалобно блеяли в ожидании материнского молока. .

В это время возле своей белой юрты утатная, как кошечка, на солнышке сидела Шолпан и что-то шила. Но на самом деле мысли ее были далеки от шитья. Вот уже на гиротяжении трех месяцев она продолжает обдумывать свои неотвязные, как нашептывания шайтана, грешные мысли. Уже месяц, как Шолпан решила согрешить. И это ее решение было совершенно сознательным. Ведь это она сделает не для того, чтобы изменить мужу, а чтобы зачать ребенка, дать кому-то неведомому и несуществующему счастье появления на свет.

Сегодня Сарсенбай едет погостить в город. Раз она приняла решение, не надо тянуть с исполнением. Зачем себя растравлять, понапрасну примериваясь и так, и эдак⁷ Ведь это все может перерасти в панику, и тогда она сделает что-то не *так*? Да, пожалуй, тянуть не стоит, но на ком остановить свой выбор? Кто достоин стать отцом ее будущего ребенка? Может, табунщик Адамкул? Конечно, если бы она сошлась с прислутой, их тайну никто не узнал бы, она так и осталась бы тайной... Но .. какой ребенок может родиться от Адамкула"? От служанки родится служанка, от слуга- слуга, разве не так? Нет, ей не слуга нужен, а сын. Если у нее родится сын, то пусть будет лучшим, а если не будет лучшим, пусть не родится. Чем иметь бесхарактерного, загнанного ребенка, лучше вовсе не иметь его... Нет, нет, пусть этот Адамкул катится куда подальше! Ладно, тогда кого же выбрать? Никого! Нет никого, ради кого можно было бы опорочить белые крылья любви, и самое огорчительное, нет никого, кто мог бы стать достойным отцом ее будущего ребенка. Неужели, и вправду никого нет? Погоди...

этот... Шойбай... нет... Жумагали... дану его!.. Азимбай... Азимбай... может, он

подойдет? Он благородного происхождения, молод, здоров, красив Не старше, наверное, восемнадцати — девятнадцати. Высокий .. широкоплечий, как говорится, на каждое плечо можно по два человека посадить.. С красивыми бараньими глазами... всегда стоит посмеивается... Едва пробивающиеся черные усы подобны нежному черному шелку. Господи, да ведь этот Азимбай сам уже три года не знает, как к ней подкатить. Все талдычит: «Женге⁸, а, женге, как бы нам встретиться?» Или скажет какую-нибудь затверженную от взрослых пошлость, мол, у шелка узелок один, у нас желанье одно!

Когда Шолпан в своих мыслях, бесконечных, как кружение веретена, дошла до этого места, усмехнулась, не смогла удержаться.

В это время из-за юрты вышел Азимбай и со словами: «Удачи, женге'», пристроился рядом. Как говорится, тайное всегда становится явным Так и у Шолпан при виде Азимбая душа ушла в пятки, она густо покраснела, как будто ее поймали на месте преступления Как будто Азимбай вот-вот уличит ее в грешных мыслях.

- Когда вас ни увижу, всегда вы чем-то заняты, женге! Что шьете" — спросил Азимбай и, как будто тронув рубашку, лежащую на коленях Шолпан, стал поглаживать ее бедро.

- Не распускай руки, красавчик! Странный какой .. Мой муж сегодня едет погостить в город. Вот я и пришиваю рукава к его рубашке. Говорят, что и ты сегодня едешь в город?

- Да вы что, Саке' сегодня едет в город?... Но это же... Женгешка, неужели я зря обхаживаю вас вот уже три года? Наверно, у вас в груди не сердце, а камень, не знающий ни сочувствия, ни сострадания"

- Опять начинаешь? Тебе девушек не хватает, вон они ходят, не знают, как на себя внимание обратить?

- Я что — просил у тебя девушку? Зачем мне эти безликие, никудышные девушки Слыхала поговорку, что платок дарят только ровне?

- Тебе же всего двадцать лет, как я могу быть тебе ровней, если я уже восемь лет замужем.

Усмехнувшись, Шолпан значительно посмотрела на

Азимбая. Азимбай, растерявшись от ее испытующего и, в то же время, соблазняющего взгляда, не знал, что ответить.

- Я так, к слову... Думаю, сколько бы лет ни была замужем, бездетная женщина не станет старухой!

После неосторожного упоминания о бездетности Шолпан, Азимбай растерялся окончательно. Не зная, как продолжить разговор, он сильно сдвинул ей бедро.

Шолпан отняла руку Азимбая от своего бедра и, надолго уставившись взглядом в рубашку, сказала:

- Может, ты и любишь меня. Даже дети, когда хотят пойти на воровство, говорят: украсть-то можно, но бог ведь все видит. Вот и я говорю тебе: как нам быть с богом?... Кроме того, ты молод... разве удержишь язык за зубами?

При этих словах черные глаза Шолпан и вовсе стали бездонными, а в глазах Азимбая заиграли сумасшедшие огоньки безудержного желания... Азимбай и думать теперь забыл про грех, про бога и, думая лишь о том, как быть поубедительнее, заканючил:

- Я же не ребенок, чтобы проболтаться? Или я враг тебе? Эх, женге, ты же не знаешь, как я тебя люблю... И так вон три года держала на длинном поводке. Может, я приду сегодня ночью... В общем, жди... приду...

Рука Азимбая, минуя рубашку, лежащую на коленях молодой женщины, пошла вверх по платью Шолпан.

- Ладно... но... ну, в общем, ладно...

- Дай поцелую...

- Погоди... вон кто-то идет.

Поблизости кто-то проходит. Шолпан для отвода глаз нарочито громко приглашает Азимбая домой, тот нарочито громко отказывается.

Стоит нежнейшая майская ночь. На небе - ни облачка. По бархату черного неба с какой-то думой, печалью, значением плывет серебряная луна. Чего она ищет? Может, это женщина, потерявшая возлюбленного? В тростнике за зимовкой квакают лягушки. Ква-ква-ква... О чем они? Наверное, тоже изливают душу, тоскуют о любви, о

детях? С берега озера доносится уханье филина. Такое впечатление, что он кричит в темноту:

«Господи, господи!» Какой тяжкий грех совершила эта птица, если всю жизнь должна поминать господу?..

Вот о чем думает Шолпан, лежа в постели на деревянной кровати. Перед тем, как лечь, она помылась с душистым мылом, достала из сундука новое платье. Для кого она искупалась? Для кого принарядилась? Кого она ждет? Она ждет Азимбая. Она его ждет для того, чтобы изменить драгоценному своему Сарсенбаю, с которым на протяжении восьми лет жила душа в душу. Ради чего? Ради того, чтобы зачать ребенка. О, господи, прости меня, только ты сможешь меня простить... Вот раздался шорох шагов... Стук открываемой двери... Вот Азимбай вошел и идет прямо к кровати, Шолпан не прерывает молчания. Лежит и дрожит, как заарканенный кулан. Сердце ее подкатывает к самому горлу. Она боится, что если скажет хоть что-то, то сердце ее выскочит изо рта. Какая-то часть ее тела оледенела. Возбужденно дыша, как гончая, настигшая лисицу, в мгновение ока раздевшись, Азимбай лезет к ней в постель. В это мгновение глаза Азимбая вряд ли отличались от налитых кровью глаз гончей. Шолпан захотелось прогнать его, как собаку. Но нет, она не издала ни звука. А Азимбаю только того и надо, так и полез во все места, стал тискать ее в объятиях. Шолпан лишь беспомощно шептала: «Красавчик, ну, погоди... неспеши так...»

Прежде, чем войти в двери греха, она хотела открыть душу Азимбаю, хотела высказать ему обо всем, что мучило ее все эти годы. Ей хотелось рассказать, почему сегодня растаяло ее сердце, ранее непреклонное перед грехом. Она бы пояснила ему, что ей хочется только ребенка, а не этих жарких, сумасшедших объятий. Ей хотелось сделать Азимбая поверенным своей души, ее мучительных, порой неисполнимых желаний. Но Азимбай не стал ее слушать. Он бесновался в ее постели подобно псу, преследующему кролика. Не проронив ни слова, он был занят только ее телом. Вскрест все кончилось. Шолпан лежала безучастно, как мертвая. Пока безумный, опьяневший от страсти Азимбай забавлялся с ее телом, из прекрасных глаз Шолпан текли на пуховую подушку горячие слезы.

Но Азимбаю не было дела до ее слез, до ее души. Его интересовало только ее тело, только это занимало его горячечные, бредовые мысли. Подушка под головой Шолпан промокла от слез И только нечаянно коснувшись промокнутой подушки, Азимбай пробормотал. «Эй, тычего плачешь? Вот действительно — Святоша¹»

Перед рассветом он поцеловал Шолпан и сказал, что завтра зайдет пораньше. Шолпан, уставшей от бесконечных слез, так и хотелось сказать ему. «Нет, не приходи больше! Забудь дорогу к этому дому!» Но ради чего она все это затеяла? То-то же! Хорошо, если этой ночью она зачнет ребенка, но если не зачнет, эта ночь будет пожизненным проклятием для Шолпан. И разве это прегрешение не станет для нее приговором⁷ И, отирая рукавом слезы, ей не оставалось ничего, как сказать: «Заходи, красавчик, заходи... заходи, мой желанный!»

IV

Шолпан забеременела. Сбылась ее давняя заветная мечта Жизнь, казавшаяся столько лет отравой, зацвела вновь Грех не остался грехом, грех превратился в воздаяние Ах, как же была рада Шолпан, когда почувствовала, что зачала ребенка¹ Ее лицо так и сияло¹ Ее ликующий смех раздавался и днем, и ночью. Едва оставшись одна, она гладила руками живот и целовала свою ладонь. Словно обезумев, она, беззвучно шевеля губами, возносила хвалу неодушевленному куску мяса, шевелящемуся в ее животе Эх, Шолпай, глупышка Шолпан¹ Ну, хорошо, она добилась своего. То, ради чего она пошла на осознанный грех, свершилось. Так почему теперь Шолпан не расстанется с Азимбаем? Неужто она и в самом деле встала на путь прелюбодеяния? Неужели распутство стало теперь частью ее жизни? Нет, Шолпан не такая, ее никогда не привлекали ни прелюбодеяние, ни распутство. Так в чем же тогда дело? Увы, на этот вопрос нет ответа. Женская душа глубже морской пучины. Легче познать тайну под семью пластами земли, чем тайну женской души На первый взгляд, женщина, как ребенок, играет с огнем, не зная, что обожжется. Женщина — божество для мужчины, она может и создать его, и уничтожить, может и внушить ему любовь, и повергнуть в пучину горя. Женщина — раба для мужчины, она способна стать пылью из-под его ног,

может исчезнуть сама, превратившись в его подобие. Если в любви преобладает женщина, то страдает мужчина, а женщина не забывает о себе, не теряет своего достоинства. Если в любви преобладает мужчина, женщина теряет себя, сходит на нет, теряет голову, становится немой и глухой. В особенности это касается женщин кротких, покорных. Такие женщины действительно превращаются в податливую рабыню для своего мужчины. Шолпан как раз была из таких женщин. Ее душа была нераздельна с телом. Кому бы она ни отдавалась, отдавалась душой и телом. Шолпан думала, что даст свое тело Азимбаю только на время, а душу сохранит свободной. Однако мысли ее не сошлись с делом. За последние несколько месяцев и душа Шолпан стала рабой Азимбая и так привязалась к нему, что уже не отвязать. Конечно, и это обстоятельство принесло Шолпан немало страданий. Изначально не жадная на слезы, она и тут бессонными ночами пролила их немало. Но разве слезами душу исправишь? Так и Шолпан не смогла. При виде Азимбая у нее кружилась голова, тело бросало в дрожь, язык заплетался. Шолпан и сама не знала, как оказывалась в объятиях Азимбая, который немедленно начинал ее тискать и обжимать. Да, так оно и было. При встрече он сразу набрасывался на нее, не давая ей очнуться или вставить хоть слово. Ну, ладно, может, так судил им Господь, видимо, поскольку Азимбай — отец ее ребенка, она не должна порывать с Азимбаем. Возможно, это даже не грех. Если Сарсенбай ей — законный супруг, то Азимбай — отец ее ребенка: Господь сам простит. Но как ей быть с этими слухами и сплетнями, гуляющими по аулу наподобие пожара? Эх, юнец Азимбай, красавчик Азимбай, безумец Азимбай! Ни капли тайны ведь не может утаить! Не может удержаться даже при посторонних. Прибежит, как собачонка, и ну, начинает обнимать, ну, тискать!. А сплетни все не унимаются. Если ее теперь станут называть не невесткой-святошей, а невесткой-распутницей, какими глазами посмотрит Шолпан на людей?

Недавно даже свекровь ее спросила:

- Невестка, почему к нам часто приходит этот Азимбай и все время с тобой перешучивается?

Шолпан была готова провалиться сквозь землю. Ладно, черт с ними, с людьми, со свекровью. Да и на жизнь ей свою наплевать. Вот только Сарсенбай... самый любимый и родной Сарсенбай... как теперь Сарсенбай относится к Шолпан? Почему он не радуется, как раньше? Почему он всегда так задумчив? Неужели нежная нить любви, так крепко связывающая их, теперь оборвалась? Пропади пропадом такой ребенок, ребенок, омрачивший их светлую любовь, их мирную, счастливую жизнь! Сарсенбай, который за восемь лет их жизни ни разу не обращавшийся к ней на ты, при встрече с ней теперь источает только холод. Мало того, по любому поводу обрушивается на нее с руганью. Да что там ругань, дело уже доходит до окриков, рукоприкладства. Не далее как вчера Сарсенбай избил Шолпан. Почему же он, который не раскрыл бы рта, даже если бы она бросила по ветру все его состояние, так жестоко избил Шолпан? За что? Из-за того, что она нечаянно разбила груды посуды? Нет. За то, что она изменила ему с Азимбаем! Он даже не предупреждает, бьет сразу. Молчит, словно в рот воды набрал или у него полный рот камней. Если бы он что-то сказал, то и Шолпан ему ответила бы. Она объяснила бы ему, что изменила ему ради ребенка. И чего ей это стоило, сколько мук она претерпела на этом пути! Но нет, от него и слова не дождешься. Вот ругань, пожалуйста, побои, пожалуйста! Какая теперь любовь? Жизнь полетела к чертям! Пропади все пропадом! Проклятье ребенку в животе, изгадившему ее жизнь!..

Шолпан, хоть и размышляла бессонными ночами, но так и не нашла выход из этой ситуации. Находясь между двух огней, она не знала, куда приклонить голову. Ее отношения с Сарсебаем становились все хуже. Они отдалялись друг от друга все дальше. Однако в этом мире многие загадки, которые не способен разрешить человек, разрешает время. Сетей человеческих можно избежать, но от времени никуда не денешься. Узел, затянувшийся между Сарсебаем и Шолпан, тоже разрешило время.

Настали последние сентябрьские дни. Аул готовился откочевать на зимовку. Стояла холодная ночь. По небу, как бы наперегонки друг' с другом, плыли сумрачные тучи. Заиндевав-

шая земля покоилась, словно в саване. Замерзшие под арбой телята то и дело нежно мычали. Рядом на своих огромных животах, не обращая ни на что внимания, посапывали коровы. Сарсенбай сегодня с утра ушел в город продавать скотину,

В юрте на деревянной кровати, завернувшись в ситцевое корпе¹⁰, лежит Шолпан. Прикорнув на ее груди, похрапывает Азимбай. Шолпан тоже спит... Вдруг слышится поскрипывание едущей повозки. Шолпан вздрагивает и просыпается. Может, это почесывается корова? Нет, это арба... только у арбы скрипят так колеса...

- Азимбай! - кинулась она к любовнику. Он едва шелохнулся, промычав что-то невнятное. Она, поняв что кричать бесполезно, ущипнула его в бедро,

- Эй, ты что - припадочная? - вскочил Азимбай.

- Тсс... тихо ты... вон арба едет... иикак это мой муж. Уходи скорее, не то позора не оберемся.

- Ты, наверно, с ума сошла. Откуда ему быть здесь? Он же в городе!

- Господи, да вставай же быстрее! Вон он уже подъехал!

Когда Азимбай, украдкой выйдя из юрты, только побежал восвояси, за дверью было слышно, как сходит с арбы Сарсенбай.

- Эй, кто это? - крикнул он на шорох чьих-то шагов.

И только прокричав это во тьму, Сарсенбай увидел Азимбая, вместо ответа бегущего к озерным тростникам за зимовкой. Сарсенбай не стал даже привязывать лошадь, скинул с плеч квадратную фуфайку, вбежал в юрту и стал стегать сумою с сахаром лежащую на кровати Шолпан. Кровь так и бросилась ему в голову, он ничего не видел, ни о чем не думал. Весь во власти непреодолимого гнева он только размахивал сумою с сахаром. Вжик-вжик, вжик-вжик! Вжик! Шолпан не подавала признаков жизни. Обмякнув на кровати, она лежала в

полном безразличии. Такое поведение Шолпан еще больше взбесило Сарсенбая.

- Ах, ты, сучка! - Сарсенбай выкинул суму с сахаром, сбросил ситцевое одеяло, и, схватив заплаканную Шолпан за руку, бросил с кровати на землю, и стал нещадно пинать. Шолпан не издала ни звука, только вытирала рукавом слезы. Он пинал ее в голову, в ребра. Она молчала. И только когда каблуком сапога он попал ей в солнечное сплетение, она ощутимо охнула. А потом опять, как будто в рот воды набрала. Вот каблук попал ей в живот. Шолпан, закрывая ладонями живот, вскричала: «Там же ребенок!». Это настолько взбесило Сарсенбая, что он стал напоминать бешеного волка.

- Разве я просил у тебя ребенка, сучка ты эдакая! Разве я просил тебя в распутстве родить мне ребенка? Ты, сучка, вон уже полгода позоришь мое доброе имя! Молчи, сучка, я убью тебя, как собаку! Убью! Чем каждый день сгорать от стыда, лучше сгореть сразу! Умри, собака! Умри!

Сарсенбай выкрикивал эти слова во весь голос. Немного погодя, от его криков проснулся весь аул. Первой, выйдя из большого дома в накинутой на плечи старой фуфайке, приволочилась старая мать Сарсенбая. Тут же вслед за нею с безрукавкой на голом теле, с коленями, поблескивающими из-под рваного исподнего, прибежала жена пучеглазого соседа. Обе они, голося, вбежали в юрту.

- О, господи, ты же можешь ее убить! Образумься!

- Плевать я хотел на ваши советы, не ваше дело, я убью эту сучку, убью!

Старуха и женщина стали разнимать их. Но Сарсенбая уже невозможно было остановить. Отбросив их в разные стороны, с налитыми кровью глазами он продолжал пинать все так же безучастную Шолпан.

- Может быть, она потеряла сознание, а, может, уже умерла?

Бедные женщины, поняв, что сами не смогут остановить избиение, выбежали на улицу.

- Ойбай, куда вы все делись? - завопила на весь аул жена пучеглазого. - Сюда все, сюда! Здесь человека убивают!

Люди, и без того в тревоге сгрудившиеся по домам, тут же выбежали из своих лачуг. Кого только тут ни было: едва вдев ноги в галоши, в криво нахлобученных кимешеках" бежали женщины; плюясь и отхаркиваясь на всю округу, бежали солидные главы семей; в ичигах на босу ногу бежали застенчивые молодки. В сапогах с широкими голенищами, в просторной верхней одежде, путаясь в шароварах с болтающейся мотней, трусили на громоздких лошадках

аульные горе-воротилы... В простроченном белом бешмете, с | длинным посохом в руке здесь был и ходжа Темир, собиравший зякет¹², почивавший у кого-то из аульчан.

Вбежав в юрту, они застали следующую картину. Шолпан, не подавая признаков жизни, все также безучастно валялась на кровати. Все платье ее было разорвано. На теле не осталось живого места, лицо напоминало кровавое месиво. Со рта и ноздрей сочилась кровь, Сарсенбай сидел поодаль на кровати, такой же безучастный и равнодушный, как и Шолпан. Кажется, он совсем выбился из сил. В двери юрты потоком валил народ.

- Этот бедняга, видать, сошел с ума,—сказал кто-то.

- Ойбай, дани как она умерла! – ужаснулся второй.

- Пусть умирает, распутница! - пригвоздил третий.

Толпа бурлила, равнодушных не было. Ходжа Темир, подержав запястье Шолпан, сказал!

- Окропите ее водой!

Кто-то побрызгал на нее воду.

Через какое-то время Шолпан вздохнула и еле выдавила из себя:

-О, Аллах!

- Не поминай Аллаха, сучка! — вскричал Сарсенбай.

- Сарсенжан, - раздался вкрадчивый голос ходжи Темира, - успокойся, дорогой! - Нет мужчин, не поднимающих руку на женщину, однако...

- Светлейший, вы не вмешивайтесь сюда! Пусть подышает.

Собаке - собачья смерть!

- Сарсенжан, одумайся, ведь убить человека...

- Как бы то ни было, она не будет больше моей женой. Я с ней развожусь! Талак! Талак!¹³

- Сарсен, успокойся, гнев — плохой советчик! Вы же столько лет жили душа в душу. Разве легко теперь будет расстаться? По шариату, если что-то осквернилось, его можно заново очистить. К примеру, в шариате сказано, что, если женщина в своем характере выкажет что-то предосудительное, ее надо с головы до ног окатить сорока воды... Не успел ходжа сказать эту истину, как несколько женщин потащили к выходу едва пришедшую в себя Шолпан. Когда

Не успел ходжа сказать эту истину, как несколько женщин потащили к выходу едва пришедшую в себя Шолпан. Когда холодной сентябрьской ночью женщины, затолкав ее в темную комнату, стали раздевать, поддерживая с разных сторон, Шолпан еще кое-как была в сознании. Но вот одна женщина, стиснув зубы, опрокинула на голову Шолпан большое железное ведро с ледяной водой. Шолпан не закричала, но вздрогнула. Ибо именно в эту секунду в угасающем сознании Шолпан молниеносно пронеслась вся ее жизнь.

.. Вот она заплела в косы новые шолпы¹⁴, и, чтобы полюбоваться их звоном, она снова и снова складывала и раскладывала вещи на сундуке... Вот она, еле упросив маму, идет на девичью гулянку... Вот первый приезд Сарсенбая... Их первая ночь... Бычьи глаза ходжи, изгонявшего из нее злых духов... Черные усы Азимбая...

Женщина со стиснутыми зубами, пробормотав что-то, опрокинула на нее второе ведро.

- О, Аллах! - едва прошептала Шолпан.

- Распутница, какое тебе дело до Аллаха? — вскричала одна из женщин.

- Ничего, родненькая, это же все по молодости... пусть бог даст ей успокоения, - промолвила вторая.

Больше Шолпан не сказала ни слова, да и мыслей уже не было. Постепенно кровь в ее теле превращалась в лед, а сознание угасало все больше, пока не угасло совсем. Глаза Шолпан как бы сами собой закрылись. Третье ведро, четвертое, пятое... Какое-то время,

принимая очередную порцию ледяной воды, тело ее еще подрагивало. Но немного погодя прекратилось и это...

Назавтра к полудню Шолпан с силой открыла глаза и прошептала:

- Где мой ребенок? Почему этот... не придет, не проведает? — с этими словами она обняла угол корпе, губы ее, еле шевелясь, хотели произнести что-то, но устав от этого усилия, она упала на спину и потеряла сознание.

Шолпан простилась со своей жизнью на закате.

ШОЛПАННЫҢ КҮНӘСІ!

(Өңгіме) I

Шолпан Сәрсенбайға шыққан жылы өзіндей жас келіншектермен аулақта кеңескенде: «Баласыз емірдің қызығы жоқ қой», деп аузымен ғана айтушы еді. Мал орнына сатылып, жаны сүймеген жанға жар болатын қазақтың сансыз қыздарының ішінен әлдеқалай өзінің сүйгеніне тиген Шолпан шынында бастапқы жылы бала керек қылмады. Ақ отаудың ішінде оңаша жатса да, яки күйеуін құшақтап жатса да, ол ылғи ішінен: «Жасаған-ау, бала бере көрме?!» деп тілейтін еді.

«Балалы болсам, әдемі өмірім бұзылады-ау», деп ойлайтын еді Шолпан... Бала туса күйеуімен екеуінің ортасында бір тікенек осетіндей болушы еді... Қиюласып қосылған екі жанның арасына жат бір үшінші жан түскен соң, екеуінің де жалынды, екпінді махаббаты бүлінер, бәсендер, суынар деп қорқушы еді Шолпан.

Осы ойлармен талай түндерде, талай таң мезгілінде тәңірден: - «Бала берме!» - деп тілеп еді. Күншығыстан ақ жібектей таң атып келе жатқан мезгілде, өзге адам сәждеге құлап, мандайын топыраққа былғап, тасқа ұрып Тәңірден бақытты тұрмыс, өшпес бақыт, кетпес байлық, әсіресе, бала сұрайтын кезінде, Шолпан күрсіне-күрсіне, жасағанға: «Бала бере көрме!» - деп жалынып еді. Затында баланы жек көргендіктен емес, ерімен екі ортасындағы жібектен нәзік махаббат жібі үзілмеу үшін, екі жанды бір-біріне қоса білген иманнан да ізгі махаббатқа басқа бір жан келіп, тап салмау үшін бала болмауын тілеп еді Шолпан.

Жас жүректін ұйтқыған ондай есалаң тілегі қабыл болды ма, кім білсін, түскеніне үш жыл толды, Шолпан құрсақ көтерген жоқ, құрсақ көтермегеніне Шолпан шын разы еді. Ері мен екі ортадағы махаббат оты күн сайын дүрілдемегенімен, бәсендемей, бір қалыпта тұрғаны сол баланың жоқтығынан ғой деп ойлады Шолпан. Үш жыл бойы ері де ешбір уақыт бала, жоқтамаған

сықылды еді, үш жыл бойы Шолпаннан басқа, Шолпанның оттай ыстық, желдей жібек құшағынан басқа

ештеңе тілемеген еді Оның өмірінің басы да, аяғы да, «ағузиси» да, «сүбіханьсы» да Шолпан ғана сықылды еді. Дүниеде теңіз терең емес, адамның жаны терең, Шолпанның ерінің жанының терең түбінде қандай ой, қандай тілек жатқанын кім білсін, әйтеуір Шолпанға осылай көрінуші еді. Қысқасы, Шолпан үш жыл бойына оны осы ойдан қайтаратын ешбір сөз де естіген жоқ, ешбір іс те көрген жоқ. Дұрысы, баласыз өмір бос өмір деген сөзді басқа талай адамдардан естіді, бірақ жаны сүйген жарынан естіген жоқ. Ғашық адамға Құранның аяты қасиетті емес, жарының сөзі қасиетті, жарынан басқа адамның сөзін не қылсын Шолпан!

Бірін-бірі қуалап, ай соңынан ай озды, бірін-бірі жетелеп жыл соңынан жыл озды, не керек, Шолпанның «бала болмасын» деген ойы бекігеннен бекіді. Бірақ... жалпы жаратылыста да, адамның өмірінде де, адамның ойыпша да, өзгерістің даярлығы болмаса, дәл өзі ұзақ созылып барып болмақ емес. Өзгеріс қашан да болса кенет болмақ. Екі ай, үш ай, күз дейміз. Сонда күздің келгенін адам екі-үш ай бойына сезіп жүрмейді. Бір-ақ уақытқа, айталық бір-ақ түнде әжімді жүзі жылауық күздің келгенін сезіп қалады.

Шолпанның «бала болмасын» деген ойы да бір-ақ түнде өзгеріп шықты. Ұршыққа оралған жіптей басы-аяғы жоқ қыстың ұзын кеші еді. Іңірде мал жайлап болған соң, Шолпанның ері әңгімелесіп отыру үшін күрбысы Нұржанның үйіне кеткен. Нұржанның үйленгеніне бес жыл болып еді. Бес жылдың ішінде үш баласы бар еді: екеуі ұл, біреуі қыз. Шолпанның ері Сәрсенбай Нұржанның үйінде ұзақ отырып қалды. Сәрсенбайды ұзақ отырғызған Нұржанның ұзақ әңгімесі емес, оның үш баласы еді. Әңгіме дейтін әңгіме де болған жоқ, тек бәрі үш баланың қызығына қарасып, маз-мейрам болысты да отырды. Нұржанның екі ұлы былдырласып, олең айтқан болысады. Білектерін сыбанып, алақандарына түкіріп, түшталаңдап, бір-бірімен күресеміз деп ұстаса бергенде, - аяқтары бір-біріне шалынысып қалып, біреуі жығылады, екіншісі оның үстіне жығышады. Үйде отырған жұрттың бәрі қарқ-қарқ

күліседі, балаларды кезек-кезек шақырып алып сүйіседі. Нұржанның әкесі немересін шақырып алып, асты-үсті,

алды-артынан, тіпті сүймеген жерін қалдырмайды. Әсіресе, Нұржанның кішкене қызының қылығы, тәттілігі балдан да тәтті еді.

Сәрсенбай Нұржанның үйінде осы балалардың у-шуымен ұзақ отырып қалды. Жұртпен бірге ол да қарқ-қарқ күлді. Ол да балаларды кезек-кезек сүйді. Нұржанның үйінде Сәрсенбай ұзақ отырып, қайтуға шыққанда, ауылдың бәрі-ақ жатып қалған еді. Қайтып үйге кірсе, Шолпан да жатқан екен, бірақ ұйықтаған жоқ екен. Шешініп Шолпанның қасына жатты да, Нұржанның балаларының ісін, олардың тәтті қылықтарын әңгімелеп айта бастады. Уһілемей, күрсінбей, «біздің баламыз жоқ-ау», деген уайым да айтпай, қайта күле-күле сөйледі.

Сәрсенбай әңгімесінің арасында жай сөздің екпінімен: «Балалы үй — базар, баласыз үй — мазар» деген сөз ып-рас-ау дегенде, Шолпанның басында жаңа бір ой жарқ ете түсті: «Үш жылдан бері балам болмасын деген тілегінің қате болғанда да есалаң екендігі, бала болмаса екеуінің өмірінің қу мазарға айналатындығы» еді. Араларындағы жалынды махаббаттың заманның озуымен бірге бірте-бірте май шамдай еріп сөнетіндігі, құшақтың ыстығы өмір бойы бір қалыпта тұрмайтындығы, екі жүйрік жүректің екпіні баяулаған кезде бір-бірінен жирен-дірмей, бір-біріне берік байлайтын бала екендігі, баланың ер мен әйел арасындағы дәнекер екендігі міне, осы ойлардың бәрі сол сағатта ап-айқын боп Шолпанның көз алдына келді.

Сәрсенбай балалардың тәтті қылықтарын күле сөйлеп, ұзақ әңгіме етіп айтты. Төсекте жатып ол шын ынтасымен қарқ-қарқ күлгенде, Шолпан да бірге күлді. Бірақ бұл күлген Шолпанның жаны емес, бет терісі ғана еді.

Сәрсенбай манағы мақалды айтқаннан кейін Шолпанның сұңқардай ұшқыр жанын, желдей есалаң жүрегін қара жыландай қап-қара ойлар орап алып, улай бастап еді. Түпсіз теңіздің қаракөк толқындарындай қап-қара ойлар бірінің артынан бірі келді... Үш жыл бойына созылған есалаң тілек. - Әлдеқайда алыста бұлдырлап келе жатқан кәрілік. Көзінің оты сеніп, сұп-сұр күлге айналған, күздей

көңілсіз кәрілік. Жанның қанатын қырқатын, жүректің отын сөндіретін кәрілік. Бала болмаса, сол кезде сонын бара жатқан өмірге кім сәуле берер, кім

оны жылытар ? Бала болмаса, сол кезде шиндегі дәні шірш, кеуш қалған шөптің қауызындай, бос өмірдің кемтігін кім тол толтырар ? Жоқ-ау' Әлдеқайда алыстағы кәршікті қоя тұршы . Оған өмір не жетер, не жетпес, сол кәрілік жетпей-ақ осы күннің езінде-ақ өмір босап қалайын деп тұрған жоқ па" Жаһанда онан күшті нәрсе жоқ деп, иман келтірген махаббаттың күші ерімен екеуш бір-біріне берік байлауға үш-ақ жылға ғана жетш, енді ез- өзінен сөнейін деп тұрған жоқ па? Ессіз Шолпан үш жыл бойына бала болмасып деп тіледі Енді сол бала болмағандықтан, ертегідей әдеміт өмір қу мазарға айпалайын деп тұрған жоқ па? Міне, Шолпанның жанында қаракөк теңіздің толқындарындай ұйтқыған ойлардың қорытындысы осы еді

Сәрсенбай әлдеқашан ұйқыға кетті Бірақ Шолпан анау ойлармен уланып, кіршк қаққысы жоқ Қыстың ұзын түні тнайтанның шашындай ұзарғаннан ұзарды Шолпанның ойлары да тереңдегеннен тереңдеп, қарайғаннан қарайды

Күншығыстан ағарып алтын таң атып келе жатқанда Шолпан болар-болмас күбірлеп «Жасаған-ау, бала бере кер'» деп, жас балаша өксігіш баса алмай, жасағаннан бапа сұрап жатыр еді

II

Осы түннен былай қарай Шолпанның бар тілегі бала болды Жатса да, тұрса да, ояу болса да, ұйықтаса да «Жасаған-ау, бала бере көр'» деген тілекті Шолпанның не аузы, не жүрегі айтушы еді Бірақ бірін-бірі қуалап, ай соңынан ай озды, тілей-тілей тілек тозды Соға-соға жүрек тозды, тшек тозды, жүрек тозды өмір тозды Талай түндерде кезден емес, жүректен ыстық жас текті Сопы болды, ылғи дәрет алып, таза жүрді, намаз оқыды Күн сайын таң сібірлеп келе жатқанда-ақ тұрып, сәждеге құлады, таспиғын санап, «сұбханалла» айтты Бірақ бала болмады Шолпан өзшщ сопылық жолға түсу себебі «бала» екендігіш ешкімге айтқан жоқ Жанынан жақын ері Сәрсенбайға 9 да айтқан жоқ Сондықтан, Шолпанның мышау мінезі Сәрсенбайға да, басқаларға да жат, оғаш көрінді Жақыны да, , жаты да күлісті, келемеж

кылысты «Ой, сен пірәдар болайын | деп жүреін бе ?» деп күлетін болды Сәрсенбай Ауыл-аймақ

Шолпанға «Пірәдар келін», «Пірәдар жеңге», «Пірәдар абысынымыз» деп ат койды Үлкен де, кұрбы да, бала-шаға да күлді Бірақ, Шолпан жүрегіндегі жараны ешкімге ашқан жоқ Ашқанмен олар ұғар ма еді ? Тегінде адамның жүрек сырын шеттін ұғуы мүмкін нәрсе емес қой Теңіз терең емес, адамның жаны терең Су түбінде жатқан зат жел толқытса ғана шықпақ Ой түбінде жатқан сыр шер толқытса да шықпақ емес Шықса шер мен сырдың көлеңкесі, сәулесі ғана шықпақ Дүниеде адам- нан қиын жұмбақ жоқ Адам шешуі жоқ жұмбақ Шешуі дегі атауға болатын болса, адамның шешуі жалғыз олім Осы ойлар Шолпанның жанында тасиқтай тізілген ретті болмаса да, оның жаныг соқыр сезіммен осы ойларға өзі барып тірелген еді Әм Шолпанның жүрек жарасын ешкімге сездірмеске тырысуының себебі осы еді Не керек, жақын, жаттың ортасында жалғыз бол- ды Бітеу жара болды, жалғыз өртенді, жалғыз жышады, дүние- ден безді, сопы болды Бала сұрады, қалайда бала болмады

Бала сол бала үшін қандай ессіздік істемеді есті Шолпан ұшыраған молдадан дұға алып бақты Аты естілген қожадан ішірткі жаздырып ішті Көрінген сәлдеге үшкіртті Шикандай қып-қызыл бетті қожа бесті бұқадай суға карап «Тіпу-тіпу» деп үішсіргенде, қожаның «қасиетті» лебі шетке бытырамай, тура түгел ішіме барсын деп, жүрегі ойнап, жүзі бір қызарып, бір ағарып, бетін қожаның аузына тақап, тосып отырушы еді Шолпан Ылғи «Көзім қарайып, басым айналады» деген сылтау тауып, өзін баксыға да қаратты Тағы тағы не ютемеді Шолпан? Өртке ұшырап аласұрған жан не істейтін болса, Шолпан да соның бәрін істеді Бірақ, бірін-бірі жетелеп, жыл соңынан жыл озды Баладан белп болмады Шолпан тілеуден талмады Көзінде жас қалмады Дүниеден безді Пірәдар болды, әулиеге ат айтты, қорасанға қой айтты «Жасаған-ау, бала бере гөрі» деді Бірақ, тілек іске аспай, аяғы жоқ жыр болды Кел болып төгшген коздік жасы жерге сінді, тшек тозды, өмір озды, Шолпан бала көгермеді Қанша жалынса да, қанша жыласа да жасаған оған бала бермеді Кім бшеді, Тәңірінщ Шолпанға бала бермеуі өзінше дұрыс шығар,

өзінше жон шығар Бастапқы жылдардағы Шолпанның «Бала бере корме!» деген тшегш қабыл қылып, тозбайтын, қайта түзелмейтін тақтайына жазып

қойған шығар. Шолпанның ендігі тілегі болары болып, бояуы сенген, соңғы пайдасыз бос тілек шығар. Ірі саудагерлердің бір айтар: «Сауда жоқ!» дейтін мінезі, кім біледі, Тәңірде де бар шығар. Тегінде Тәңірі де ауыздықсыз, арсыз саудагер. Тізгінсіз, менмен әкім мінездері де бар секілді.

Мұндай мінезі болмаса, бұйрығымды бұздың деп атамыз Адамды жұмақтан тырдай жалаңаш айдап шығар ма еді? Топырағыма табынбадың деп әзәзілді ібіліске айналдырар ма гді?.. Кім біледі, Тәңірі ежелгі осы белгілі белдігіне салды ма? Қалайда Шолпанға бала бермеді. Дұғалық нағыз, ішірткі ішу, ушкірту, түкірту, қақтыру-соқтыру, намаз, ораза, садақа, нәзір нем басқа басы-аяғы жоқ құлшылықтан ақырында Шолпан шаршады. Бұл құлшылықтардан ешбір пайда болмайтындығына көзі жетті. Тілегі қабыл болмады - Тәңірден тәуелі қайтты, өмір шіркін ескен желдей озып барады. Өмір бір құрулы машина.

Тоқтау білмейтін, шаршау білмейтін жансыз машина. Әлдекімнің жас орнына қан жылағанын, әлдекімнің үміті ошіп, гүлі солып жатқанын, доңгелектің арасында әлдекімнің қолы, аяғы, басы - барлық денесі кеткенін, денесі ғана емес, жаны, жүрегі кеткенін не қылсын?! Қайрылып қарау білмейтін, аяу білмейтін өмір Шолпанның да жүрегінен саулап аққан қанына, қанаты сынып өліп жатқан жанына кідіріп, бұрылып қараған жоқ. Жалғыз аузынан емес, бар денесінен көбігі бұрқырап, таудан құлаған есалаң өзендей есалаң өмір озып бара жатты. Өмірдің әрбір минуты сайын Шолпан ойының, Шолпан жаньғаың әрбір үшқыны еліп жатты.

Өмір озады тілек тозады бала жоқ. Енді не қылмақ керек? Жоқ, дұғалығы, молдасы, қожасы құрысын! Құлшылығы құрысын! Айтқанынан қайтпайтын қасарған тәкаппар Тәңірісі бар болсын! Жоқ, бала болудың кілті кекте емес, адамның өзінде шығар.

Бала болу ер мен әйелдің өзіне байлаулы шығар. Шолпанның бұл күнге шейін бала көтермеуі, кім біледі, оның шын әйел бола алмағандығынан шығар. Ерімен жатқанда, барлық қазақ әйеліндей

қаннен-қаперсіз жай бір жұмыс істегендей салқын жаіуынан шығар. Ермен қосылғанда сол қосылу ісіне

қан-денесімен беріле білмеуінен, оның құшағының жалыны! әлсіз болғандықтан, сүюінің оты кем болғандықтан шығар...

Осы әрі тәтті, әрі улы ойлардың билеп айдауымен Иәрсенбайға жатқанда, тіпті екінші түрлі жата бастады. Денесі әртке, құшағы жалынға, аузы отқа айналды. Сәрсенбайдың қойнына жата бастағанда, мойнына бұғалық тұскен киіктің асау тағындай, өмірінде ер затын бірінші рет көретін он үш жасар қас қыздай дірілдеп, күйіп-жанатын болды. Құшақтағанда Сәрсенбайдың қабырғаларын бір-біріне қабыстырғандай қысып-қысып құшақтайтын болды. Аузынан Сәрсенбайдың бетіне от жібергендей құшырланып, жалындап сүйетін болды. Шолпанның улы құшағында сең соққан балықтай соқтығып, у ішіп айныған адамдай елжіреп жатып Сәрсенбай: «Ой, сен кәрі боз, қартайғанда жорға шығарайын деп жүрсің-ау!» - деп мырс- мырс күлетін еді. Сәрсенбайдың мынау күлкісі Шолпанның жүрек жарасына бұрыш себетін еді. Сол кездерде оның қоздырыне меруерттей мелдіреп жас келетін еді. Жанынан жақын көрген Сәрсенбайдың оның жан сырын, жүрек жырын ұқпағанына зығырданы қайнаушы еді, жүрегі уға толушы еді. Бала үшін дүниеден безіп, сопы болып жүрген кезінде «пірәдар» деп келемеж қылғанына, сол бала үнін жан-тәнімен беріліп, әдейі есаланданған шақтарында оған «Жорға» деп ат қойғанына - Шолпан Сәрсенбайға шын-шын ренжүші еді.

Бала... бала екеуінің де жоғы емес пе? Екеуіне бірдей керек ойлап емес пе? Сәрсенбай сол ортақ жоқты неге бірге іздеспейді? Баласыз өмірдің бос екенін неге сезбейді ол? Ол неге сол іздеу отына Шолпанмен бірге түспейді, бірге жанбайды? Еркек атаулы бала дегенде, ішкен асын жерге қойғанда, Сәрсенбай неге бала деп аузына алмайды? Әлде... әлде... жоқ... болмас... кім біледі... жоқ... ендеше ол неге бала іздемейді? Неге... неге... шынында ол, әлде бедеу еркек пе екен? Тәңірім, Тәңірім... егер ол шынында, ол бедеу болса... құлшылықтың кемдігінен, құшақтың салқындығынан болмай, Сәрсенбайдың бедеулігінен болса! Бес жылдан бері

Шолпанның жүрегіне түскен жара мәңгі жазылмайтын жара болғаны ма? Жайнамаз үстінде тегілген ыстық жастар, жалынды құшақтар, отты сүйюлер, бәрі әсерсіз желге кеткені ме? Бала деген құр сөз болып, сағым қиял болып қалғаны ма? Енді қалған өмірдің жапырағынан айрылған қайыңдай жап-жалаңаш болып озғаны ма? Жалынды махаббатпен қосылған өмір қиюы кеткен екі ағаштай бір-бірінен бірте-бірте айрылмақшы ма? Лаулап қанған махаббат бірте-бірте бәсеңдеп, бықсып сөнбекші ме?.. Махаббат сөнсе, өмірде не қызық қалады?!

Сөз жоқ, Сәрсенбай бедеу. Сондықтан бала жоқ. Бала жоқ оолған соң мен бақытсыз... мен бақытсыз болғанда Сәрсенбай бақытты ма? *Оның* жүрегі жанбай ма? Өзінің екі өмірді улаушы екенін ойлап, оның жүрегі жанбай ма? Қартайған күнде өмірді жылытатын от бала оған керегі жоқ па? Сөз жоқ, мен бақытсыз болсам, Сәрсенбай да бақытсыз.

Ендеше осы батып бара жатқан өмір кемесін бақыт жарына кім сүйреп шығара алады?

Шолпан. Жалғыз Шолпан. Бір өмір үшін емес, екі өмір үшін Шолпан осыны істеуге міндетті. Шолпан бала табуға міндетті.

Теңізден терең, таудаи зор күнә қылып болса да ол бала табуға міндетті. Ізгі тілек үшін істелген күнәні жасаған кешпес пе екен? Жоқ, Құдайдың рақметі мол, ол кешеді. Тәңір кешер-ау, бірақ адам кешер ме?

Ұрлық қылдамалтап,

Ойнас қыл да бала тап.

Осы мақалды шығарған кісіге лағынет жаусын! Лағынет!.. Жасаған-ау, езің кеше гөр, бір өзін...

Шолпанның осы күнәлі ойлармен уланып, ыстық жасқа шомылып жатқаны Сәрсенбайға тигенінің сегізінші жылы еді...

III

Май айы. Ауыл қыстаудың жанына жылжып қана қонған. Шаршы түс мезгілі. Кішкене жел бар. Маса жоқ есебінде. Көкте көкала торғын бұлттар маужырап қалғып, ерініп қана әлдеқайда жылжып бара жатыр. Ауада торғын оралып жүрген сықылды... Желіде еркелікпен тартылып, мойнының ауырғанына қарамай қиястанып асау құлындар тұр.

Олардың жанында құйрығы мен арқасын анда-санда салмақпен сипап тұрған сақа биелер.

«Құлыным-ау, қур мойның ауырады, қиястықтан пайда жоқ» ден ақыл үйреткен сықылды. Құлынның алды-артына түсіп: «Бұ не болды саған? Не болды саған, құлыным?» деп абыржып қулықтар жүр. Қулықтардың бұл мінезін ұнатпай, «өй, елпендеген сорлы, сабыр қылсайшы, ешбір бәле жоқ!» дегендей кәрі айғыр құлағын әлсін-әлсін жымитып қояды. Қой әлі өрістен келген жоқ. Үйшіктегі қарны ашқан қошақайлар «мэ-мэ» деп зарлап тұр...

Сол уақытта ақ отауының алдында күнге жылынған мысықтай керіліп Шолпан отыр еді. Ол бір нәрсе тігіп отырған сықылды. Бірақ, шынында ол тігіп отырған жоқ. Үш айдан бері аруақтай артынан қалмай жүрген күнәлі ойларын ойлап отыр еді Бір ай болады, Шолпан күнәға белін берік байлаған. Ізгі тілек үшін ізгі күнә істеуге, бір бала үшін жан жары Сәрсенбайға қиянат қылуға ол ойын бекіткен, Сәрсенбай бүгін қонаға қалаға шығады. Әйтеуір, істейтін болған соң ұзаққа созып, умен құр улана беруде не қасиет? Жарайды, соза беруде қасиет жоқ, бірақ лайықкім бар?

Болашақ балаға ата болуға лайық кім бар? Жылқышы Адамқұл... Дұрыс, құлмен жүрсе, сыр шетке паш болмас еді, жабулы қазан жабулы күйінше қалар еді. Бірақ... Адамқұлдан қандай бала тумак? Күннен күн, құлдан құл тумак емес пе? Болса, бала құл болмасын, үл болсын. Бала болса, мүг болсын, мүт болмаса жоқ болсын. Ынжық, жасық құл баланың болғанынан болмағаны игі... Жоқ, жоқ, Адамқұлы адыра қалсын! Жә, енді кім бар? Ешкім жоқ. Махаббатғың ақ қанатын кірлетуге тұратын, әсіресе болашақ балаға ата болуға лайық ешкім жоқ. Шынымен ешкім жоқ па? Шойбай... жоқ... Жұмағали... жоқ... Әзімбай... Әзімбай... Әзімбай қалай болар? Текті атаның баласы, өзі жас, дені сау, сымбатты жігіт. Жасы 18-19-дан артық жоқ шығар. Ұзын бойлы. Екі жауырынына екі кісі мінгендей. Ылғи күліп қана тұратын қой кезді. Жаңа шығып келе жатқан қара мұрты қара жібек сықылды. Ойбай-ау, сол Әзімбайдың өзі үш жылдан бері Шолпанға «жеңге» деп күңкілдеп жүрген жоқ па еді? Әлі ысылмаған жас қой: Шолпанға сөз айтқанда,

сақа бозбалалардан естіген сөзді жаттап келіп қана айтушы еді. «Жас жастың тілегі бір, жібектің түйіні бір...»

Ұршыққа оралған жгтейі бас-аяғы жоқ ойлардың дәл осы жеріне келгенде, Шолпанның ерні күлгендей болды

Дәл сол мезгілде үй артынан Әзімбай шығып «Жеңге, іске сәт !» - деп Шолпанның жанына жантая кетті Ақын айтқандай, «бетке шықпай қала ма, жүрек ізі», Әзімбайды көргенде Шолпан жүрегі аузына тығылып, бір қуарып, бір қызарып кетті Шолпанға күнә қылып жатқанда, біреу үстінен шығып қалғандай, күнәлі ойларын Әзімбай білні қойғандай көрінді

- Ерте-кеш қолынанан бір іс түспейді-ау, жеңге Тігіп отырғаның не? деп, Әзімбай Шолпанның тізесінің үстіндегі көйлекті ұстаған болып, Шолпанның санын шымшыңқырап алды

- Қойшы, сал жігіт' Бір түрлісщ-ау' Жақсы ағаң бугш қонаға қалаға шықпақшы еді Соның бір көйлегшщ жеңін ұштап отырмын Сені де қалаға жүреді деп еді ғой

- Жақсы ағам бүгін қалаға жүре ме? Жә, жеңге үш жылдан бері айтып жүрген сөзім өмір бойы аяқсыз қала ма⁷ Жүрегшщ бір елжіреуді, аяуды білмейтш гас екен'

— Тағы бастадың ба? Сал жігіт, мені әуре қылып не қыласың'? Анау пісіп тұрған қыздарға сөз айтсайшы

— Мен сенен қыз сұрадым ба'? Саны көп, сапасы жоқ қыздары құрысын «Орамал тастайды ғой теңдесіне» дегенді білмейсің бе?

— Жиырмаға жетпей алжысайшы Сегіз жыл біреуге қағын болған сенің теңц мен бе?

Осы сөзді айтып күлщкіреп, козін ерке мысықтай сығырайтыңқырап сынап, Шолпан Әзімбайға қарады Шолпанның мынау сөзінен, мынау кезқарасынан сасыңқырап, тығылыңқырап қалған Әзімбай

-Жоқ Жақсы көрген дегенім ғой Тәңірі, неше жыл қатын болса да, бала таба алмаған әйел кәрі бола ма ?

Өзінің мынау сөзінен Әзімбай, тіпті тығылып қалды «Бала» деген сөзбен Шолпанның жүрек жарасына тиш, оны өзшен алыстатып алғанын сезіп, Әзімбай үзілген сөзді енді жалғап алып кетуге шамасы

келмей, сез орнына қолымен Шолпанның сол жақ санын қысып-қысып қойды

Шолпан санынан Әзімбайдың қолын алды да, көйлекке қарап біраз ойланып отырып

— Жақсы коргенең рас шығар ғой, бірақ жақсы ағаңның көзіне қалай шөп сал дейсің?" Балалардың «ұрлық қылайық, қылсақ қылайық, Құдайды қайтеміз ?» дегендей, Құдайды қайтеміз ? Және сен жассың Аузыңа да ие бола алмайсың ғой

Мынау сөздерді айтқанда, Шолпанның қара кездері тұңғыық түпсіз теңізге айнала бастады Әзімбайдың кездерінде есалаң от ойнай бастады Әзімбай күнә, Құдай деген жаққа аяқ баспай, бар түйш соның сөзінде тұрғандай-ақ, асығып-сасып өзін бекітуге кірісті

- Сыр шашып мен бала ма ? Жоқ, саған қаспын ба'? Әй, жеңге-ай, менің жақсы керегенімді білмейсін ғой Жә, үш жыл бойы сүйрегенің де жетер Бүгін түнде келейін бе?' Келем

Әзімбайдың қолы жеңі ұшталып жатқан Сәрсенбайдың көйлегінің ғана үстіне емес, Шолпанның ез қойлегішш үстіне барыш қалып еді

-Жарайды бірақ жарайды

-Бірсүйгізші'

-Сабыр қылсайшы Әне, біреу келеді

-Сал жігіт, үйге кіріп ас ауыз ти

Жібек майдың сұлу түні Көкте бір бұлт жоқ Қара көк барқыт кең көкте ойменен, мұңменен, салмақпен ақ алтын ай жүзіп барады Не іздейді екен ол ? Жарынан айрылған әйел ме екен ? Баласынан айрылған ана ма екен? Қыстаудың сыртындағы сулы шіліктегі келбақалар шулап жатыр Бақ-бақ- бақ Не дейді екен олар ? Жан керек, жар керек, бала керек дей ме екен ? Көл бойынан дамылсыз «күдірет-ау, күдірет-ау» деген дауыс естіледі Өмір бойы күдіретті аузынан тастамайтын қандай ауыр күнә істеді екен ол құс ?

Төсек ағаш үстінде Шолпан жатыр Жатар алдында иісті сабынмен жуынған, сандықтан жаңа кейлек алып киген Ол кім үшін жуынғап ? Кім үшін киінген ? Кімді күтеді ол ? Әзімбайды күтеді Сегіз жыл бал алысып тұрған, еш шай деспеген жан жары Сәрсенбайдың көзіне шөп ,

салу үшін Әзімбайды күтеді Не үшін ? Бала үшін ! Жасаған-ау, , взің
кеше гер, кеше гөр Аяқ даусы Есікті ашып үйге кірді

Әзімбай тура тесек ағашқа келе жатыр... Шолпанда үн жоқ. Мойнына құрық түскен құландай денесі дір-дір етеді. Жүрегі дәл аузында тұр. Бір үн шығарса-ақ жүрегі аузынан атыш шығатындай. Денесінің бір жері мүз. Түлкі алған жас тазыдай екі иінінен демін алып, жалма-жан шешініп, Әзімбай көрпеге кіріп келе жатыр.

Тап сол минутте, тазының көздеріндей, Әзімбайдың көздері де қып-қызыл шығар. Шолпан «ой, кет!» деп айқай салып жіберуге ойлады. Жоқ, үні шықпайды. Әзімбай көрпеге кірді де, «жеңге» деп жұлмалай бастады. Шолпан соққы жеген адамдай сыбырлап: «Сал жігіт, кішкене жай жата тұрсайшы...» деді. Ол күнә есігінен кірер алдында жүрек жарасын Әзімбайға ашпақшы еді. Жанын жеген жегіні суырып алып Әзімбайға көрсетпекші еді. Туғаннан бері қиянат жолына баспай, тас болып келген жүректің пе үшін бүгін жібігенін айтпақшы еді. Оның іздегені отты, жынды құшақ емес, бала екенін білдірмекші еді. Әзімбайды өз қасіретіне ортақ қылмақшы еді... Бірақ Әзімбай оны тығваған жоқ. Қоян қуған төбеттей көргіеге кіргеннен-ақ аласұра бастады. Бір ауыз сөзге келместен Шолпанның денесін умалай бастады. Ойын бітті... Шолпан сұлап жатқан елік сықылды жағыр еді. Есалаң, мас Әзімбай мас ойынмен әуре болып жатқанда, Шолпанның бота көздерінен мамық жастыққа ыстық мөлдір жас сорғалап жатыр еді. Әзімбайдың Шолпанның жанымен, көзінен аққан жасымен ісі болған жоқ. Өзімен езі әуре, Шолпанның денесімен әуре... Шолпанның басы астындағы мамық жастық шылқылдаған су болды. Түн ортасынан ауған кезде су жастыққа беті тиіп, Әзімбай: «Өй, сен неге жылайсың? Бірадар десе, бірадарсың- ау», - деді. Есалаң Әзімбайдың Шолпанды ұққаны осы бол- ды...

Таң ағарып келеді... Шолпанның бетінен бір сүйді де: «Енді, мен қайтам, ертең ертерек келем», деді Әзімбай. Жылап-жылап шаршап талып жатқан жас баладай сұлық жатқан Шолпан: > «Жоқ, енді тіпті келме!» деп айтуға оңтайланып еді, бірақ оның іздегені не еді? Бала. Осы бір түннен бала болса жақсы, болмаса... мынау түн өмір бойы Шолпанның мойнында лағынет қамыты болмай ма? Мынау күнә өмір бойы күнә болып қалмай !

ма?.. Бота көзінен мөлдір жасын жеңіменен сүртін, Шолпан |
 күбірлеп қана: «Кел, сал жігіт... кел... кел...» деді. ;

IV (

Шолпан екі қабат. Бес жыл бойы санадан сарғайып күткен тілегі болды. Уланған өмір гүлденді. Күнә күнә болып қалған жоқ, күнә сауапқа айналды. Бала біткенін білген кезде қандай қуанып жүрді Шолпан, бір минут қабағы жабылды ма? Күн-түн күлкіден аузы тыйылды ма?

Кішкене ғана аулақ қалса, алақанымен қарнын сипап-сипап, сол алақанын сүюші еді, ессіз Шолпан ішіндегі жаны жоқ бір кесек еггі, ерні күбір-күбір етіп, айналып-толғанушы еді. Ессіз Шолпан! Жә, іздеген жоғы табылды. Басты байлап, естен айрылып, күнәға айдаған кесел жойылды. Енді Шолпанның Әзімбаймен арасын үзбеуі қалай? Шынымен-ақ оның суық жолға түсіп кеткені ме? Шолпанға да ойнастың әдетке айналғаны ма? Жоқ. Ойнасты өнеге коретін, суық жолды әдет қылатын әйел Шолпан ба-ай? Ендеше?.. Бұл ендешеге жауап жоқ. Теңіз терең емес, әйелдің жаны терең. Жеті қабат жер астындағы нәрсені білуге мүмкін, бірақ әйел жанының мінезін білуге мүмкін емес. Бір қарасаң, әйел бала, күйерін білмей отпен ойнайды. Әйел ердің Тәңірісі, жарата да алады, жоқ қыла да алады, сүйдіре де алады, күйдіре де алады. Әйел ердің құлы, табанының астында топырақ болады, ердің көлеңкесіне айналады, өзі жоқ болады. Әйелдің аруағы басса, ер күйеді, жанады. Бірақ, езінің жеке бір адам екендігін ұмытпайды, жоймайды. Ердің аруағы басса, әйел адамдықтан шығып, жоққа айналады. Есінен айрылады. Тілі байланады. Әсіресе әйел бұзық жанды болмаса. Ол уақытта мұндай әйелдің ердің көнгіш күні болуында еш дау жоқ. Шолпан осындай әйелдің бірі еді. Жанынан денесі, денесінен жаны айрышмайтыш. Кімге берілсе де, жан-денесімен түгел берілетін әйел еді. Әзімбайға денесін ! уақытша ғана беріп, жанын аман алып қаламын деп ойлады Шолпан. Бірақ, ой мен ісі біріне бірі қабыспады. Үш-төрт айдың ішінде Шолпанның жаны да Әзімбайға күл болып, берік байланып қалып еді. Дұрысы, Шолпанның жаны Әзімбайдан

айрыла алмағанға бала іздегеннен аз азап шеккен жоқ Ежелден кез жасына сараңдық қылып үйренбеген Шолпан бұл туралы да талай түндерде жылады Бірақ, көз жасымен жанды тузетп бола ма ? Шолпан да болдыра алмады Өзімбайды кергенде басы айналған болып, денесі діршеп, тілі күрмелуші еді Денесінде ыстық қан ойнаған мас Өзімбайдың жансыз нәрседей жұлмалап, умалауына қалай көнетінш Шолпан езі де бшмеуші еді Шынын айтқанда, есалаң Өзімбай тыгге келуге, ойлауға мұрша да бермеуші еді-ау Жарайды, не болса да жасағанның жазуы шығар, шгтегі баланың атасы болғандықтан, Өзімбаймен араны ұзуге тиіс емес те шығар Күнэ да емес шығар Сәрсенбай некелі ері болса, Өзімбай баласының атасы Жасаған өзі кешірер Бірақ мынау жегідей жайылып бара жатқан өсекпен қалай күреседі Шолпан ? Жас Өзімбай Мас Өзімбай Есалаң Өзімбай' Мынау сырды тырнақтай жасыруды білмейді КІСІ бар-ау деп айылын жиюды бшмейді

Керінген жерде күннкетей арсалаңдап жатқаны Жолыққан жерде жұлмалап жатқаны Өсегі құрғыр жайылғаннан жайылын барады Пірәдар келін қар келш деп аталса, Шолпан жұртқа не бетімен қарар⁷ Анау күні енесі «Осы, келш, Өзімбай сенң отауыңа неге қалжындап келе береді ?» дегенде, Шолпан жерге кіріп кете жаздады-ау' Жұрты құрысын Енесі құрысын Өмірі құрысын Сәрсенбай жанынан жақсы керген Сәрсенбай Сол Сәрсенбай Шолпанға баяғыдай ма ? Неге ол бұрышыдай жадырап жүрмейді ? Неге ол ылғи ойлы ? Екі жанды байлаған жібектей нзік махаббат жібі үзшген сықылды емес па ? Баласы құрысын Сүттен ақ махаббатты, балдан тәтті емірді улаған баласы құрысын Сегіз жыл бойы «сен» демеген Сәрсенбай бір жышы сез айтудан қалды Қит етсе, сынықтан сылтау тауып, балағаттап тастайтын болды Балағаттың аяғы жекуге, қамшыға айналып бара жатқан жоқ па ? Күні кеше Сәрсенбай Шолпанды неге ұрды ? Бұрын барлық дүниесі суға ағып бара жатса ләм демейтін Сәрсенбай Шолпанды неге сілейтпсалды ? Не үшін?

Бір шыны аяқ шоғыры қолдан түсіп кетіп сынған үшін, сол үшін бе ? Жоқ Өзімбаймен ойнас қылғаны үшін? Ұрам деп айтып ұрмайды Неге ол аузына тас салғандай үндемейді? Ол

бірдеңе десе, Шолпан да айтар еді Өзінің не үшін күнә қылғанын, бала үшін ойнас қылғанын айтар еді Жок, үн жок, балағаттау бар, тепкілеу бар Махаббат жібі үзшді Өмір бұзылды Бәріне лағынет жаусыні Өмірді улаған сол шгегі балаға лағынет жаусын !

Талай түпдерде мынау түйінді шешу үшін қасіретпен сарғайған Шолпан талай ой теңізіне кірсе де, ой түбше жете алмады Мынау жанды жеген жұмбаққа «ортасында екі оттың, мені Тәңірім қор етпш» деп зарлаудан басқа жауап таба алмады Сәрсенбаймен екі ара шиеленіскеннен шиеленісе берді Екі жанның арасы алыстағаннан алыстай берді Бірақ, дүниеде адам таппаған жұмбақты заман таппақ Адам құрығынан құтылғанмен заман құрығынан құтылып кететін еш нәрсе жоқ Сәрсенбай мен Шолпан арасындағы мынау түйшді де ұзатпай заман өзі шешш берді

Сентябрь жұлдызының соңғы күндері Ауыл қыстаудың ғана алдында отыр Салқын түн Түсі суық сүр бүлттар аспанда бір-бірімен жарысып бара жатыр Жердш бетін аппақ кебшдей болып боз қырау жапқан Арба астында байлаулы жатқан бұзаулар тоңыи, анда-санда «мө-мө» дейді Олардың жандарында қарны кебежедей болып жатқан сиырлар еш нәрсені елең қылмай «пыс-пыс» етеді Сәрсенбай бүгін таңертең ғана қалаға мал айдап кеткен Отауда, тесек ағаш үстшде шыт кerpеге оранып Шолпан жатыр Оның қойнында ерке баладай келденеңдеп жатқан Әзімбай қор-қор етеді Шолпан да ұйқыда Арбаньш тысырлағанындай бір дауыс Шолпан селк етігі оянып кетп Сүйкеніп жатқан сиыр ма екен' Жок Арба Арбалы Әзімбай' Им-м-м-м-е-е деді Әзімбай Шолпан тағы «Әзімбай' Әшшбай'» деп бір рет айтты да, сездш гiайдасыз екенш бшп, Әзімбайдың санын шымшып келіп алды

- Ой, сені жың соғып кетті ме?

-Ойбай, маскара болдық, бір арба келе жатыр, түршы Кетші Жақсы ағаң болмаса игі еді

- Мынау есінен адасқан шығар' Ол ұшып келе ме?

—Ойбай, түр деймін түр Өне, келш қалды' Әзімбай жылжып шығып, үйдін артына қарай жүре бергенде, есік артында Сәрсенбай арбадан түсіп жатыр еді

-Бүлкім-әй?- деді Сәрсенбай.

«Мен» деген жауап орнына қыстау желкесіндеп шілікке ;арай жүгірш бара жатқан Әзімбайды көрді, Сәрсенбай атты доғармастан үйге кіріп, үстіндегі қаптал күшші жұлып тастай беріп, қолындағы күнтнен төсек ағаш үстінде жатқан Шолпаны шықпырта бастады. Козін қан жауып кетті. Еш нәрсені қор- іеді, еш нәрсені ойлай алмады. Ақылын ашу биледі, қолын күнт иіледі. Шып-шып-шып... шып. Көрпенің астында жатқан Шол- іанда тірлік белгісі жоқ. Өлген адамдай сұлық жатыр. Шолпан- ғың бұлай жатуы Сәрсенбайдың зығырданын тшті қайнатты.

-Ах-е-е, иттің баласы! - деп, Сәрсенбай қолындағы күнтты [ақғырып жіберіп, шыт көрпені жұлып тастап, көзінен жасы іұршақтап жатқан Шолпанды қолынан сүйреп, төсек ағаштан іерге түсірді де, тепкілей бастады. Шолпанда лэм-мим деген іір соз жоқ. Жеңіменен кезін сүрте береді. Басы тепкіленді, ;абырғасы тепкіленді. Үн жоқ. Етіктің өкшесі өкпеге тиген ;езде «Ах-ах!» дейді Шолпан. Тағы үн жоқ. Өкше ішке тиді. Полпан алақанымен ішін басып: «Бала!..» деді. Мынау сөз "Сәрсенбайды құтырған қасқырдан бетер құтыртты.

Иттің ғана баласы, мен сенен бала сұрадым ба?.. Мен саған ойнас жасап, бала тауып бер дедім бе? Сен иттің адал ісімді .рамдап жүргенше жарты жыл болды ғой!.. Шығарма дыбысыңды!.. Өлтірем мен сен итті! Өлтірем! Күнде күйгенше, ір-ақ күйейін!.. Өл ит, өл!..

Сәрсенбай мынау сөздерді айқайлап айтқандықтан, уылдың бәрі-ақ оянып қалып еді. Алдымен үлкен үйден жаман күпісін жамылып сүйретіліп Сәрсенбайдың кәрі шешесі келді. Оның артынан іле-шала, жалаңаш етіне байының ескі кеңсізін киген, жыртық ішкі киімінен тізесі жыштырап, көрші бадырақтың қатыны келді. Екеуі де есіктен ойбай сала кірді.

-Ойбай-ау, кісі өлтіресің бе, ойбай? ...Балам-ау, ақылмен іс кылсайшы...

—Ақылдарың өзіңе, жұмыстарың болмасын. Өлтірем бұл итті, өлтірем!...

Кемпір мен қатын арашаламақшы болды. Ойбайласты, енбелеңдесті, біреуі қолмен қағылып кетті, біреуі аяқпен

соғылып кетті. Болмады. Беті құп-қу, көзі қып-қызыл болған Сәрсенбай тепкілеуден тоқтаған жоқ. Шолпанда тірлік белгісі жоқ. Бір кәлима сөз жоқ, дем де алмайтын сықылды. Әлде талып жатыр, әлде біржола өліп қалды? Екі қатын өздерінен еш қайрат болмайтынына көздері жеткен соң ауылды жимақшы болды. Бадырақтын қатыны есік алдына шығып:

-Ойбай-ау, ойбай! Өліп қалдындар ма? Келсендерші! Мұнда кісі өліп жатыр! - деп ойбай салды.

Өздері үрпиісіп отырған ауыл мынау ойбайды естіген соң үйлерінен жүгіре шықты. Кимешегін қисық киіп, аяғғаа кебіс іле салып шыққай қатын, қақырынып-түкірініп, елді басына көтерген отағасышар, мәсісін қоңылтаяқ киген, өзінен-өзі ұялатын келіншектер. Кең қоныш етік, кең қолтық қаптал киіп, дамбалының ауы салақтап, семіз болмаса да, семіз адамдай талтаң-талтаң басатын жаңа атқа мініп келе жатқан кісім- шіктер... Сырыған ақ сүр бешпетін киіп, қолына асасын алып, зекет жиып жүріп, бір үйде қонып жатқан Темір қожа да келіп қалды. Ауылдың жиылуын күтпей-ақ, бадырақтын қатынының ойбайы шыққан соң Сәрсенбай үрудан өзі-ақ тоқтағі еді. Шолпанда тірлік эсері жоқ, сұлық жатыр. Үстіндегі көйлек пара-пара Денесі, беті, басы бәрі қан. Аузынан да, мұрнынан да қан кетіп жатыр. Сәрсенбай төсек ағаштың үстіне шығып отырды. . Ой жоқ, ес жоқ, сөз жоқ, тіл жоқ. Оның өзі де талықсыған сықылды еді. Есіктен халық ағылып кіріп жатыр.

-Мына шіркін, есінен адасқан шығар, —деді біреуі.

- Ойбай, бетім-ау, өліп қалған жоқ па?—деді екіншісі,

-Өлсе, өлсін, қар неме! - деді үшіншісі.

Азан-қазан, абыр-сабыр. Темір қожа Шолпанның білегін үс- тады да: «Су бүркіндер!» деді. Біреуі алып келіп су бүрікті. Әл- дене уақытта Шолпан дем алып, болар болмас: «Алла...» деді,

-Аллдан садаға кет, иттің баласы! деді Сәрсенбай.

-Сәрсенжан, шырағым, сабыр қыл. Әйел ұрмайтын ер болмайды, бірақ...

—Тақсыр, сіз бұл арағакірмеңіз. Өлсін ол ит, өлсін!..

-Сәрсенжан, ақылыңақайт, кісіөлтiру...

-Әйтеуір, ол маған қатын болмайды. Талақ болсын, Талақ! Талақ!

-Сәрсен, ашу дұшпан, ақш дос, сабыр қыл. Пәлен жыл еш шай деспеген қосақтан айрышу оңай емес. Заты адал ас арамға айналса, кайтадан адалдап алу шариғатта да бар нәрсе... Мысалы әйелдің олай-бұлай оғаш мінезі білінсе, оны шешін- діріп, тобесінен қырық шелек суық су құю керек дейді шариғат...

Қожаның аузынан мынау сез шығар шықпаста-ақ, бес-алты қатын жаңа есін жинап келе жатқан Шолпанды сүйрелеп ала да жөнелді...

Сентябрьдің салқын түнінде қараңғы шорам үйде бес-алты қатын тырдай жалаңаш шешіндіріп, сүйемелеп ұстап гүрғанда Шолпанның шала-шарпы есі бар еді. Бір қатын тістеніп келіп, үлкен темір шелекпен мұздай суық суды Шолпанның басына құясалды.

Үн шығармады, бірақ селк ете түсті Шолпан. Тап сол секундта Шолпанның миында біткен емірі нажағайдың отындай жаркетіпөтті...

...Жаңа шолпы тағып, сол шолпыны әдейі сылдырату үшін жүкті әдейі қайта-қайта бұзып жиғаны... Апасынан жалынып сұ- рап қыз ойнаққа барулары... Сәрсенбайдың босаға аттағалы кел- гені... Бірінші түн... Үшкірген қожаның бұқа кезі... Әзімбайдың қара мұрты... Тістенген қатын күбірлей-күбірлей екінші шелек суды құйып жіберді. Шолпан болар-болмас: «Алла...» деді...

-Қар бетпақ, саған Алла не керек?! деді бір қатын.

—Ештеңе етпес, қарағым, жастық та... құдай таупық берсін, деді екінші біреуі.

Шолпанда басқа сез болған жоқ, ой да жоқ еді. Денедегі қанның мұзға айналуымен ой да күңгірт тартты, сенді. Шолпан көзін жұма берді. Үшінші, төртінші, бесінші... шелек. Біразға дейін суық суды құйып жібергенде, дене селк етіп кеткендей болып тұрды, Біраздан соң ол да бітті...

Ертеңіне түс кезінде Шолпан күшпенен кезін ашып, сыбырлап:

— Балам кайда? Әлгі неге келіп бір көріп шықпайды? — деді де, керпенің бұрышын құшақтағандай болып, ерні беу-беу дегендей қимылдап, сұлық болып тағы талып кетті...

Күнмен таласа Шолпан да өмірімен қоштасты.

СОДЕРЖАНИЕ

Алексей Давыдов. Когда я читаю Магжана.....	3
Ауэзхан Кодар. Поэт огня и скорби	16 ⁵

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИСПОВЕДЬ	26
КТОЯ?	34
СОКРОВЕННОЕ	36
ОГОНЬ	39
ПРОРОК	43
ВОСТОК	49
ТУРКЕСТАН	53
БЫСТРО ПОЛЕЧУ	59
ПО ВСЕЙ ЗЕМЛЕ	61
ГОСПОДЬВЕЛИКИЙ	63
СЛОВО ХРОМОГО ТИМУ РА	65
ЛУНЕ	67
РОДНАЯЗЕМЛЯ	71
ЛЮБЛЮ	73
ПЕСНЬ ЗАКАТА И ВОСХОДА	77
ЖЕЛАНИЕ	83
ПЕСНЬ ВОИНА	85
МЕЧЕТЬ И ТЮРЬМА	87
КОЗЁЛ	91
М. ДУЛАТОВУ НА ВЫХОД ИЗ ТЮРЬМЫ	93
ПРОШЛОЕ—МИЛ О	95
ЗАГАДКА	97
ПОГОНЯЙЖЕКОНЯ, САРСЕМБАЙ!	99
КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК	103
КРАСНОЕ ЗНАМЯ	105
НАВОЛГЕ	108
ВПРИВОЛЖЬЕ	114
БРАТЬЯМ ИЗ СЫР-ДАРЬИ	119
ВНУ К И БАБУШКА	121
ЮНЕЦ	123
Я ВЕРЮТЕМ, КТОЮН!	127
О, ГУЛЬСУМ'	130
ГУЛЬСУМ	132
ЛУНУ И ЗВЕЗДЫ В УКРАШЕНЬЯ ДАМ	138
ШОЛПЫ	140
ТЫ ГУ РИИ РАЙСКОЙ МИЛЕЙ	142
ЧТО ЕСТЬ ЛЮБОВЬ?	144

ПТРУИ ЧЕРНЫХ ВОЛОС	146 .
Г.....	148 :
ПРОЩАЛЬНОЕ	150
БЕЗЦВЕТКА.....	152
Я-ПОЭТ.....	154 I
СОЛНЕЧНЫЙ ЗАЙЧИК	157
ЛЮБИЛ Я В ТОТ МОМЕНТ	159
ОТРЕЗВЛЕНИЕ	163
ОБМАНУТАЯ КРАСАВИЦА	165
НА ЗИМНЕЙ ДОРОГЕ.....	167
НА ЛЕТНЕЙ ДОРОГЕ.....	170
МЕНЯ ТОЖЕ, О, СМЕРТЬ, УПОКОЙ!.....	174
ВОЛНА	182
ВЕТЕР.....	184
НЕМНОГО ПО ФЕТУ.....	188
СВОБОДА	190
АЛЕКСАНДР БЛОК.....	194
ПЕЧАЛЬНАЯ БЕРЕЗКА	198
МОТЫЛЕК	200
ТЕМНАЯ, БУРАННАЯ НОЧЬ	202
ВСЕ ГУЩЕ МРАК НОЧНОЙ	204
СТАЛ ГУЩЕ ТЕМНЫЙ ЛЕС	206
МЫСЛЬ	208
ПЕЧАЛЬНАЯ ПЕСНЬ	210
ПАПИРОСА	216
КТО УТЕШИТ?.....	218
СОН	220
ОДА ГЛАГОЛЬНОЙ РИФМЕ.....	222
ДРУЖБА ИСЛЕЗЫ	224
ПОЭТУ-СОВРЕМЕННОМУ	226
О, ГОСПОДИНАШ, ГОСПОДИН	228
НЕДУГ.....	230
ЗВЕЗДАМ	232
ЧАСЫ	234
ПОЭМЫ	
КОРКЫТ.....	238
БАТЫР БАЯН	262
НА КРУЧЕ ОКЖЕТПЕСА	316
СХОД ДЕВЯНОСТА	325
ПРОЗА	
ПРЕГРЕШЕНИЕ ШОЛПАН	336

¹ Муса - библейский Моисей]

² Иисус

³ Другое имя Сатаны

⁴ По Библии, сын Адама, убивший своего брата Авеля. Это было первое убийство в человеческой истории.

⁵ Рассказ опубликован в журнале «Шолпан», №№ 4-6, 1923 г. Имя главной героини означает «Венера или Утренняя звезда». Видимо, это имя неслучайно. Оно как бы намекает на несвоевременность героини, на преждевременность ее появления. Первый сборник стихотворений Магжана, вышедший в 1912 г. в Казани, также назывался «Шолпан».

⁶ «Субханаллах!» - одно из слов при поминании Аллаха, означает «Хвала Аллаху! Далёк Он от всякого несовершенства!».

⁷ Ходжа (каз.) - духовное лицо. Ходжи производят свою родословную от Фатимы, дочери пророка Мухаммеда. Это первые миссионеры ислама в степи. У казахов они не входят ни в один из родов, держатся особняком как представители духовной элиты.

⁸ Уважительное обращение к женщине, буквально «жена старшего брата».

⁹ Уменьшительно-уважительное отношение к старшему по возрасту.

¹⁰ Стеганое одеяло, набитое верблюжьей или овечьей шерстью.

Кимешек (каз.) - головной убор замужней женщины.

Зякет (ар.)—религиозный сбор, налог.

¹³ В мусульманском правосудии обязательные слова, выкрикиваемые во всеуслышание при разводе.

Шолпы (каз.) - серебряные монеты, заплетаемые в косы юных девушек.

Магжан Жумабаев **Исповедь. 2011 г**

Технический редактор К Мусырман
Корректоры Д.Бектасова, Е Мурзалиева
Дизайнер С Ахмадиева
Дизайнер по обложке А Моторин

Подписано в печать в **2011 г**
Формат 60x84/16 Бумага офсетная
Печать офсетная **24** усл п л
Тираж 1000 экз Заказ № 1837
Отпечатано в типографии АО "Полиграфия"
СКО, г Петропавловск, ул Конституции Казахстана, 11

